СОЧИНЕНІЯ

Е. ФУКСА.

Рис: и Грав: С. Галактіоновъ

„Здѣсь похороните меня: вы болѣе не дѣти мнѣ — я болѣе не отецъ вамъ — мнѣ ничего не остается кромѣ смерти.'" См: исторію росс: авс: комп: ч. 1.ю стр: 291.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1827.

СОБРАНІЕ
РАЗНЫХЪ
СОЧИНЕНІЙ

Fuchs, Egor Borisovich

Е. ФУКСА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Александра Смирдина.
1827.

DK169
.S8F8

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Главный Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ, Декабря 14-го дня 1826 года.

Цензоръ Александръ Красовскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
I. О военныхъ реляціяхъ	1.
II. О военномъ краснорѣчіи. . . .	26.
III. Лаконизмъ Суворова	79.
IV. Одинъ день изъ жизни Суворова . .	92.
V. Анекдоты о Суворовѣ	114.
VI. Суворовъ и Кутузовъ	153.
VII. Письмо къ Издателямъ Вѣстника Европы.	160.
VIII. Отрывокъ письма моего къ одному моему другу	175.
IX. Письмо къ И. П. Резанову, по переходѣ чрезъ Альпійскія горы, въ 1799 году. .	179.
X. Письмо изъ Милана	183.
XI. Воспоминанія о Вѣнѣ	194.
XII. Воспоминаніе о Веронѣ . . .	208.
XIII. Нѣчто объ Омерѣ	212.
XIV. О причинѣ успѣховъ Россіи въ войнѣ 1812 года	218.

СОБРАНІЕ

РАЗНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ

Е. ФУКСА.

О ВОЕННЫХЪ РЕЛЯЦІЯХЪ.

Имѣвъ довольно случаевъ размышлять о существѣ военныхъ реляцій, я намѣренъ здѣсь сказать нѣчто о семъ родѣ сочиненій. Разсмотримъ сперва, что̀ есть реляція; а потомъ — какія нужны для сочинителя оной качества.

Реляція есть донесеніе, представляемое послѣ сраженія Государю или высшему Начальству, о происшествіяхъ онаго и о подвигахъ отличившихся. Обыкновенно вслѣдъ за сраженіемъ посылается краткая реляція, заключающая въ себѣ одно извѣщеніе: когда и гдѣ было сраженіе; но послѣ ужѐ пишется подробная и пространная; и она-то требуетъ великихъ соображеній и обдуманности. Тутъ авторъ

реляціи вступаетъ на чреду современнаго бытописателя и предаетъ потомству картину битвы, долженствующей обезсмертить славу отечества его, или показать истинныя причины неудачи. Облеченный въ столь великое достоинство, онъ обязанъ соблюсти всѣ правила, для точности и ясности донесенія нужныя. Чуждый всякаго пристрастія, онъ не долженъ позволять ни ненависти, ни признательности управлять перомъ своимъ. Поставивъ себя свыше страха и надежды, онъ ограждаетъ себя единою силою правды. Современные очевидцы—его судіи. Не долженъ онъ забывать, что описываемый имъ подвигъ нѣсколькихъ часовъ будетъ жить въ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ. Я писалъ, говоритъ *Ѳукидидъ*, не съ тѣмъ, чтобы нравиться современникамъ, но чтобы оставить памятникъ потомству.

Прежде, нежели онъ приступитъ къ повѣствованію о самомъ сраженіи, надлежитъ ему описать всѣ предварительныя распоряженія, сдѣланныя къ началію онаго, показать мѣстоположеніе и число сражавшихся, а потомъ представить всѣ дѣйствія своей и непріятельской арміи и всѣхъ родовъ войскъ вообще, словомъ:

изобразить весь механизмъ маневровъ. Такимъ образомъ съ поля сраженія обращается онъ къ тѣмъ, которые наиболѣе содѣйствовали успѣхамъ побѣды, или были остановлены обстоятельствами.

Изъ сего явствуетъ, что въ релляціи должно предшествовать описаніе всѣхъ предварительныхъ мѣръ, приняшыхъ Главнокомандующимъ, то есть: его диспозиціи или распоряженія.

Она бываетъ или общая — для дѣйствія наступательнаго или оборонительнаго всей арміи, или особенная — для нѣкоторыхъ только частей оной. Наканунѣ каждаго сраженія или штурма раздается она обыкновенно всѣмъ Генераламъ и частнымъ начальникамъ, въ которой должно быть ясно написано все расположеніе войскъ, и когда какой части и какъ дѣйствовать. Въ ней верховный Вождь долженъ показать всю степень своей прозорливости, предугадывать замыслы непріятеля и ничего не предоставлять случаю. Отъ исполненія диспозиціи зависитъ вся участь арміи. Никто лучше *Монтекукули* не преподалъ правилъ и наставленій для сего столь важнаго предмета;

онѣ достойны особеннаго вниманія каждаго, любящаго Военную Науку.

И такъ начало или первая часть реляціи есть стратегическая, то есть, описаніе дѣйствій и движеній, учиненныхъ еще не въ виду непріятеля и внѣ его выстрѣловъ, что составляетъ нынѣ науку начинать и вести кампанію. Вторая часть реляціи тактическая, или описаніе движеній и маневровъ въ виду непріятеля и подъ его выстрѣлами. Третья и послѣдняя заключаетъ въ себѣ пріятнѣйшую, но и затруднительнѣйшую обязанность, отдавать взвѣшенную по достоинству каждаго подвига справедливость отличнымъ добродѣтелямъ воиновъ, пріобрѣвшихъ права на признательность отечества.

Вразсужденіи первой части реляціи, или Стратегіи, весьма полезно для сочинителя оной, если онъ вступаетъ на поприще своего служенія при самомъ выступленіи въ походъ арміи. Тогда имѣетъ онъ случаи замѣчать все образованіе, всѣ движенія войскъ, знакомиться не только съ предметами, до состава арміи относящимися, но и съ лицами, тутъ дѣйствующими, и вообще съ ду-

хомъ воиновъ. Главнѣйшее его вниманіе должно обратиться на Стратегію. Она заключаетъ въ себѣ всѣ великія военныя операціи, которыя приготовляютъ рѣшительныя послѣдствія для механическаго исполненія Тактики, помощію которой обѣ сражающіяся стороны стараются превозмочь другъ друга и побѣдою рѣшить судьбу кампаніи или войны. Тактика, по словамъ *Лаверна*, есть пополненіе Стратегіи. Иногда она совершенно съ нею согласна, иногда же теряетъ плодъ искуснѣйшихъ маневровъ и движеній Стратегіи. Случается также, что она исправляетъ ея погрѣшности. Стратегиста называетъ потъ же Писатель зодчимъ воинскаго зданія, тактика же каменщикомъ.

Послѣ сего начинается въ реляціи описаніе существенной второй ея тактической части, именно — сраженія. Здѣсь долженъ пишущій показать число войскъ, составляющихъ авангардъ, корпусъ арміи, оба его крыла и аріергардъ, когда и какъ началось сраженіе, съ какими эволюціями, въ какомъ мѣстоположеніи, гдѣ дѣйствовали преимущественно пѣхота, конница и артиллерія, съ какими измѣненіями про-

тивъ диспозиціи, какія мѣры къ противоборствованію принималъ непріятель, съ какимъ числомъ, сколько часовъ продолжалось сраженіе и чѣмъ кончилось, совершеннымъ ли разбитіемъ всей арміи на мѣстѣ, или обращеніемъ ея въ бѣгство. Такъ какъ всѣ бывшія въ свѣтѣ сраженія весьма различны одно отъ другаго, то наблюдательный умъ повѣствователя долженъ уловить отличительныя черты ему предстоящаго и изобразить ихъ разительными красками. Иногда совсѣмъ неожиданная нечаянность была, какъ называетъ *Тацитъ*, матеріею важнаго происшествія; иногда одинъ офицеръ, или простой воинъ, или нѣсколько изъ рядовыхъ давали воинному дѣлу совсѣмъ другой рѣшительный оборотъ. Какъ не блистать именамъ ихъ въ реляціи?

При всѣхъ трудностяхъ въ достойномъ начертаніи битвы, современный историкъ, говоритъ *Лаболь*, имѣетъ великіе способы для описанія новѣйшихъ происшествій. Дѣйствующія лица еще существуютъ. Опросясь къ нимъ, онъ можетъ получить всевозможныя свѣдѣнія о тѣхъ же самыхъ событіяхъ, и размышляя, онъ оцѣниваетъ ихъ по образу

разсказа каждаго. Во всякомъ дѣйствіи есть сторона постоянная, есть основаніе дѣла, напримѣръ: по окончаніи баталіи, всякой долженъ согласиться, кто́ побѣдитель. Но тутъ были разныя обстоятельства, имѣвшія вліяніе на одержаніе сей побѣды, какъ то: искусный маневръ, или нечаянное прибытіе на подкрѣпленіе арміи корпуса, или военная хитрость. Всѣ сіи случаи могутъ быть доказаны. Вотъ почему успѣха сраженія не приписываютъ одной и той же причинѣ, и эта часть есть измѣняющаяся. Въ семъ положеніи историкъ, если онъ хотя нѣсколько знаетъ сердце человѣческое, замѣтитъ изъ всѣхъ доставленныхъ ему свѣдѣній то, которое имѣетъ болѣе достовѣрности; а изъ сего должна непремѣнно возникнуть истина.

Новѣйшіе наши историки въ томъ же положеніи, въ какомъ находился *Тацитъ*, когда занимался повѣствованіемъ Римскаго народа. Не только онъ видѣлъ часть того времени, которой оставилъ намъ Исторію,—но былъ въ связи со многими лицами, подвиги коихъ онъ описалъ. Слѣдовательно, какъ и онъ, не можемъ мы ничего выпускать, ничего забывать:

намъ предоставлена подобная удобность спрашивать очевидцевъ; и между ними есть противорѣчащіе, которые, исправивъ наши ошибки, вспомоществуютъ намъ предать вѣрное описаніе достопамятныхъ нашихъ происшествій. Симъ-то даетъ авторъ своему повѣствованію жизнь и краску; онъ переноситъ своего читателя на тѣ мѣста, гдѣ находился самъ; онъ ведетъ его посреди волненія, тревоги и смятенія; тамъ слышитъ онъ громъ оружія. Тогда описаніе его вдыхаетъ участіе по мѣрѣ предметовъ, имъ повѣствуемыхъ, и производитъ впечатлѣніе, какое ощущалъ самъ во время событія, его воображеніемъ возобновляемаго.

Пишущій реляцію долженъ въ начертаніи сраженія, для точности всѣхъ происшествій, руководствоваться: первое, журналомъ или поденною запискою, которая во время войны ведется во всѣхъ частяхъ арміи и въ которую вносятся всѣ дѣйствія каждаго дня, какъ и ежедневное росписаніе числа войскъ. Второе, чертежами или картами: генеральною, представляющею цѣлое Государство или цѣлую провинцію, для общаго соображенія дѣйствій арміи, раздѣленной на раз-

ные корпусы, имѣющіе направленія на разныя мѣста или пункты; спеціальною или подробною, показывающею малѣйшія селенія, дороги, проходы, возвышенія, ручьи и лѣса; и топографическою или мѣстоописательною.

Теперь остается намъ разсмотрѣть третью часть реляціи, заключающую въ себѣ описаніе подвиговъ всей дѣйствовавшей арміи. Писатель реляціи получаетъ отъ всѣхъ частныхъ начальниковъ свидѣтельства объ отличившихся ихъ подчиненныхъ, изъ коихъ составляетъ общій списокъ, съ показаніемъ ихъ дѣлъ. Сколь восхитительно видѣть подвизающагося за славу и честь своего Государя и отечества вознагражденнымъ по достоинству; столь прискорбно и горестно напротивъ того видѣть жертвовавшаго жизнію своею забытымъ, тѣмъ болѣе, что сраженіе сіе было, можетъ быть, первою и послѣднею эпохою его жизни! Но это падаетъ на совѣсть начальника. Впрочемъ невозможно иногда избѣгнуть нареканія отъ тщеславія и самолюбія людей. Самое худшее въ войнѣ, говоритъ *Тацитъ*, есть то, что въ благопріятныхъ обстоятельствахъ оной всѣ

хотятъ быть участниками; неудачу же относятъ всегда на одно только лицо Главноначальствовавшаго.

Воздавъ каждому достойному достойное, перо историка останавливается: ему предстоитъ подвигъ — изобразить воинственную доблесть всей сражавшейся арміи. Кто видѣлъ Русскаго воина на брани, тотъ видѣлъ нѣчто чудесное; но какое перо, какая кисть, какой рѣзецъ въ состояніи представить во всей разительности его безпримѣрную храбрость, неустрашимость, неутомимость, терпѣливость, строгую подчиненность, любовь къ Богу, Государю и отечеству! Среди величайшихъ опасностей онъ веселъ и поетъ; во всѣхъ климатахъ, какъ дома; кусокъ сухаря и вода, вотъ его пища. Со временъ Петра — онъ побѣдоносецъ. Ему принадлежитъ лучшее мѣсто въ реляціи.

Впрочемъ, какъ Россійской арміи не гремѣть въ лѣтописяхъ міра, когда воинское управленіе и организація оной улучшены во всѣхъ частяхъ? Она составлена изъ сильныхъ воиновъ, какихъ даетъ только Сѣверъ. Она образована по всѣмъ политическимъ и воинскимъ расчетамъ. Пѣхота тяжелая и легкая всегда въ го-

товности дѣйствовать всякими эволюціями. Конница тяжелая и легкая впорга́ется въ непріятельскіе ряды, разстроиваетъ и смѣшиваетъ ихъ, и въ преслѣдованіи тревожитъ на флангахъ и вездѣ. Артиллерія тяжелая и конная мѣткостію пальбы и быстротою своею заслуживаетъ удивленіе всѣхъ вѣковъ. Всѣ сіи войска совершенною соразмѣрностію одного къ другому составляютъ въ дѣйствіяхъ единство, сію душу военнаго дѣла. И вся сія совокупность изумляющихъ движеній есть послѣдствіе мудрыхъ воинскихъ узаконеній и постановленій во всѣхъ отрасляхъ сего управленія, какъ то: въ образѣ жизни и занятіяхъ воиновъ, въ рекрутскомъ наборѣ, въ укомплектованіи, въ дисциплинѣ, вооруженіи, обмундированіи и маневрахъ, въ системахъ, генеральной тактической, наступательной и оборонительной, въ планахъ кампаній и въ генеральной системѣ Стратегіи. Сіе воинское зданіе доведено въ нынѣшнее достославное царствованіе до вышней степени совершенства.

Также получаетъ составляющій реляціи, списки о числѣ убитыхъ, раненыхъ, взятыхъ въ полонъ и безъ вѣсти про-

павшихъ. Реляція увѣковѣчиваетъ память убіенныхъ за отечество, которое окропляетъ прахъ ихъ благодарною слезою. Но число ихъ какъ съ нашей, такъ и съ непріятельской стороны, со всѣми трофеями, должно показано быть истинное. Обманъ скоро обнаруживается, и реляція теряетъ первое свое достоинство: достовѣрность. Ложь во Французскихъ бюллетеняхъ родила пословицу: il ment comme un bulletin. Будемъ въ реляціяхъ нашихъ справедливы и къ непріятелямъ нашимъ; будемъ отдавать должную хвалу тамъ, гдѣ они преимуществовали; будемъ говорить для возвышенія собственной нашей славы объ истинныхъ ихъ достоинствахъ; не послѣдуемъ древнимъ Римлянамъ, непризнававшимъ никогда доблести во врагахъ своихъ и называвшимъ ихъ всѣхъ варварами.

Не взирая на то, потомство удивляется превыспренности ума *Анниба́ла* и величію Карѳагена; и если бы Карѳагенское перо передало намъ описаніе Пуническихъ войнъ, то исчезли бы, можетъ быть, многія патріотическія гиперболы Римлянъ. Но если Римъ торжествуетъ, то торжество его возвеличивается имен-

но отъ борьбы и состязанія съ вождемъ и народомъ знаменитѣйшимъ. Сей самый *Аннибалъ*, чудо военной хитрости и искуства, потрясавшій шестьнадцать лѣтъ Римскій колоссъ въ его основаніи, теперь предъ стѣнами Карѳагена — у ногъ Сципіона — умоляетъ о мирѣ.

Какой народъ можетъ выставить подобную блистательную картину своего величія? Только отечество наше можетъ гордиться гораздо разительнѣйшею: и Россія боролась нѣсколько лѣтъ съ кровожаднымъ властелиномъ Франціи, приковавшимъ къ колесницѣ своей побѣду и вторгшимся съ громами двадцати Европейскихъ народовъ въ ея сердце, въ первопрестольную Москву. Но онъ прогнанъ и преслѣдуемъ былъ до столицы его. Тамъ влагаетъ Александръ I мечъ свой въ ножны и перомъ милосердія даруетъ Европѣ миръ.

Не поражаютъ слуха ужасныя слова безчеловѣчнаго *Катона:* Delenda est Carthago; но слова Христіанскія великаго *Ѳеодосія*, миловавшаго неблагодарную, за всѣ его благотворенія, Антіохію, и произнесшаго: и я могу воскресить изъ мертвыхъ!

Такъ при гласѣ прощенія выходитъ изъ могилы Парижъ, ликуя. И стебль лиліи, преклоненный бурею долу, возстаетъ съ новымъ блескомъ. Какая кисть начертитъ картину такого событія? Тутъ слогъ историка воскриляется и паритъ въ восторгѣ наравнѣ съ полетомъ героизма: проза безъ вымысловъ остихотворяется.

Такъ какъ реляція назначается для всенароднаго извѣщенія, то она требуетъ ясности и простоты слога, чтобы каждаго состоянія читатель могъ ее понимать, а военный соображать всѣ описываемыя стратегическія и тактическія дѣйствія съ правилами своей науки. У всѣхъ народовъ и во всѣ времена былъ особенный языкъ военный, технической. Но, ко вреду военной Исторіи, многіе писатели возмечтали, будто изящество пера ихъ достаточно къ описанію военныхъ явленій, и будто блистательностію своихъ изображеній могутъ они замѣнить недостатокъ въ точности. Въ семъ обвиняютъ иногда и *Тита-Ливія* и *Плутарха*. Кто изъ Шведскихъ Генераловъ, вопрошаетъ *Гюйшардъ* въ глубокомысленномъ своемъ сочиненіи, узнаетъ баталіи *Карла* XII въ замысло-

ватой исторіи *Вольтера* о семъ Государѣ? Есть ли хотя одинъ Французскій офицеръ, который бы понялъ баталію при Фонтеноа — по описанію сего же автора?

Для лучшаго уразумѣнія сраженія, прилагается обыкновенно къ реляціи чертежъ плана, снятый съ карты, или съ натуры, по окончаніи дѣла. Въ немъ поясняется и оживляется описаніе, сдѣланное въ реляціи, и представляется со всѣми топографическими подробностями поле битвы, на которомъ рѣшается судьба и слава оружія. Тутъ искусный военачальникъ, обнявъ вѣрнымъ своимъ глазомѣромъ все пространство поля, всѣ выгоды и невыгоды онаго, назначаетъ пѣхотѣ, конницѣ и артиллеріи сообразныя съ свойствомъ ихъ службы и мѣстнаго положенія для дѣйствій позиціи. Извлекая себѣ пользу изъ самой природы, онъ нерѣдко преодолѣваетъ ея противоборство, и побѣдою даетъ полю безсмертіе. Такъ имена полей Фарсальскихъ, Куликовыхъ, Полтавскихъ переживаютъ вѣки; такъ память и полей Кагульскихъ, Новискихъ, Бородинскихъ, Лейпцигскихъ будетъ жить въ роды родовъ.

Еще прилагается къ реляціи маршрутъ похода, взятый съ географической карты, въ которомъ означаются всѣ переходы, привалы, почлеги, отдыхи, во сколькихъ колоннахъ и отдѣленіяхъ должно идти войску и по какимъ дорогамъ. Сіи нерѣдко, по многоразличному своему свойству, отмѣняютъ учрежденный военными регламентами порядокъ марша. Армія на пути своемъ встрѣчаетъ дороги то широкія, то узкія, открытыя и закрытыя, прямыя и пресѣкаемыя горами, болотами, скалистыя и удобныя для засадъ, а иногда непроходимыя, истощевающія неутомимость воиновъ не менѣе самаго сраженія. Главное достоинство похода есть быстрота; и нерѣдко, по словамъ Маршала *де-Сакса*, выигрывались сраженія болѣе ногами, нежели оружіемъ.

Главнокомандующій исчисляетъ по разстоянію и времени шаги своего войска.

Здѣсь говорю я только о составѣ реляціи, имѣющей въ предметѣ одно описаніе генеральнаго сраженія, а не осады крѣпостей. Тамъ дѣйствія гораздо медленнѣе; начальникъ осады ведетъ особенный подробный журналъ всѣхъ артиллерійскихъ и инженерныхъ операцій, кото-

рый, по сдачѣ крѣпости, издается въ свѣтъ.

Теперь обратимся къ пишущему реляціи: пишущій современныя воинскія событія долженъ непремѣнно познакомиться съ древнею и новѣйшею военною Исторіею. Древніе изображали героевъ своихъ столь сильно, что потомство въ недоумѣніи: герои ли больше обязаны своимъ историкамъ, или историки своимъ героямъ. Отличительное достоинство ихъ то, что всѣ они участвовали на всѣхъ знаменитыхъ поприщахъ военныхъ, были сами дѣйствовавшими на театрахъ сихъ лицами, знали качества всѣхъ своихъ сподвижниковъ и обнимали всю сцену. Какіе образцы оставили намъ *Ксенофонтъ*, *Оукидидъ* и *Полибій*, описывавшіе съ подвигами чуждыми и свои собственные. Величайшій мужъ Рима, *Цезарь*, умѣлъ столько же владѣть рѣзцомъ историка, какъ и мечемъ полководца. Потому-то встрѣчаемъ мы въ сочиненіяхъ ихъ сіе рѣдкое знаніе человѣческаго сердца, сію опытность, сей мѣткій обзоръ всѣхъ явленій; вездѣ видимъ причину развязки; картины и до нынѣ не теряютъ своей свѣжести, сло-

вомъ: они поклялись писать для вѣчности.

Въ семъ отношеніи должно признаться, что описывающій ужасы браннаго поля на бранномъ же полѣ, не можетъ сравниться въ положеніи своемъ ни съ какимъ другимъ писателемъ. Не въ тишинѣ кабинета, посреди своихъ книгъ, у комелька, сидитъ и углубляется онъ въ размышленія. Нерѣдко барабанъ, или отломокъ доски, служатъ ему вмѣсто стола. Здѣсь содрогается онъ при воззрѣніи на сіе плачевное позорище битвы. Онъ видитъ, какъ огнедышащая Этна Марса изрыгаетъ свои пламенные потоки, и какъ рѣка крови покрываетъ поле. Непрерывающійся громъ оружій, свистъ ядеръ, звукъ трубъ, барабанный бой и вой умирающихъ заглушаютъ его слухъ и сердце. Какъ море, съ ревомъ разрушивъ плотину, угрожаетъ полямъ вѣчнымъ потопомъ, какъ губительный градъ побиваетъ все подъ солнцемъ, какъ язва насильственно все умерщвляетъ; такъ безчеловѣчный воинъ въ буйствѣ своемъ все сожигаетъ, сокрушаетъ, опустошаетъ. Перо выпадаетъ изъ руки историка: оно не нужно! Можетъ ли оно изобразить огненное небо,

густыя пороховыя тучи и грудами туловищъ человѣческихъ устланную землю? Но все утихаетъ. Вдругъ поражаетъ слухъ всеоживляющее *ура! побѣда!* Все воинство съ колѣнопреклоненіемъ, съ разпростертыми къ небу руками и съ сердечнымъ благоговѣніемъ возноситъ къ небесамъ гласъ благодаренія. Такими-то кровавыми путями ведетъ иногда неисповѣдимое Провидѣніе народы къ благоденствію, огражденію ихъ правъ, законовъ и предѣловъ, къ распространенію ихъ славы и къ утвержденію благословеннаго мира!

Но еще важнѣйшее преимущество имѣли Древніе въ своемъ языкѣ. Чтобы писать Исторію съ благородною простотою, достоинствомъ и чистотою слога, находили они всю силу, опредѣлительность и богатство словъ, всѣ эстетическіе оттѣнки однородныхъ идей въ Греческомъ и Латинскомъ: каждое техническое названіе въ ихъ Тактикѣ было ихъ собственностію, не заимствовано отъ иностранныхъ, какъ то мы видимъ изъ Греческихъ тактическихъ словарей Арріена и Элліена. А у насъ, давно ли наша проза начала возникать? Россія, чу-

десно преуспѣвшая въ военномъ искусствѣ, не имѣетъ для сего искуства ни своихъ словъ, ни своихъ названій. Когда послѣ *Карла* V-го, *Людовикъ* XIV перевѣсомъ политическаго вліянія своего кабинета и могуществомъ своего оружія началъ владычествовать надъ судьбою Европы, тогда Французскій языкъ заступилъ мѣсто Итальянскаго и Испанскаго и содѣлался повсюду языкомъ и военнымъ и придворнымъ; съ нимъ водворились и у насъ всѣ Французскія тактическія, техническія названія. Но не удивится ли отдаленное потомство наше, когда будетъ читать въ Русскихъ повѣствованіяхъ о событіяхъ Русскихъ множество иностранныхъ словъ? Правда, вся Тактика Древнихъ вмѣщалась въ нѣсколькихъ листахъ, а новѣйшая въ столькихъ же томахъ.

Изобрѣтеніе пороха въ XIV столѣтіи ослабило сердце и мышцу Европейца: но за то покорило ему новыя части Свѣта. Сила тѣлесная и личное мужество уступили мѣсто наукѣ утонченнѣйшей, въ соображеніяхъ многосложнѣйшей и безпредѣльной; и съ сей эпохи начинается преобразованіе всего воинскаго искуства. Вся древняя Тактика и столь славившее-

ся рыцарство погребаются въ своихъ развалинахъ. Никакое физическое открытіе не имѣло столь великаго вліянія на нравственность, воинскій духъ и политику государствъ; оно возстановило равновѣсіе Европы.

Принцы Нассавскіе, *Фридрихъ* и *Морицъ*, явились первые на поприщѣ военномъ съ новымъ своимъ арсеналомъ, наполнили вселенную громомъ своихъ именъ и положили огнестрѣльной системѣ основаніе незыблемое, на которомъ она стоитъ и донынѣ. Артиллерія, саперное, инженерное искусства, Фортификаціи *Вобана* и *Когорна*, Топографія, маневры, всѣ отрасли воинской науки развились на корнѣ Математики.

Новая сія военная наука была усовершенствована *Густавомъ-Адольфомъ*, *Банніеролемъ*, *Тилліемъ*, *Валленштейномъ*, *Вейларолемъ*, *Торстенсономъ*; *Мерси*, *Конде*, *Тюренъ* и *Монтекукули* довершили ихъ подвигъ. Всѣ сіи великіе люди образовали себя уроками Древнихъ: изъ *Ѳукидида*, *Ксенофонта*, *Полибія*, *Арріена*, *Саллустія* и *Цезаря* видѣли они постепенное развитіе древней Тактики, извлекли ихъ исторію, и, приспособивъ ее къ нынѣшнимъ

своимъ обстоятельствамъ, создали новую науку вести войну.

Они научили, какъ выгодно расположенными лагерями, хорошо избранными позиціями, быстрыми, отъ непріятеля сокрытыми, маршами одерживать успѣхи; и потомъ какъ основывать военныя операціи на крѣпостяхъ, откуда, какъ изъ центра, охранять сообщеніе съ магазинами. Сія-то основа (basis) есть верховный предметъ Стратегіи.

На сей степени стояло военное искуство, и съ такими усовершенствованными пособіями внукъ *Густава*, *Карлъ* XII, съ наилучше-устроенными и славою ихъ прежняго героя вдохновенными легіонами нападаетъ на Россію, въ ея колыбели. Но побѣды *Карла* научаютъ *Петра* быть побѣдителемъ его подъ Полтавою. Воспользовавшись опытами, вводитъ онъ въ Россійское войско новую Европейскую Тактику; и отсюда начинается рядъ побѣдъ. По слѣдамъ сего Исполина шествуетъ Великая Екатерина, отверзаетъ Пантеонъ знаменитыхъ полководцевъ и предначертываетъ Своему Наслѣдію путь къ будущему возвеличенію славы Россіи, до которой она и достигла и даже прев-

зошла. Здѣсь военный дѣписатель, воспламененный памятниками воинскихъ доблестей, съ перомъ сердца своего восклицаетъ: и мои современники будутъ жить въ реляціи — въ потомствѣ!

Можно также сказать, что реляція есть зеркало, въ которомъ отражаются всѣ дѣянія Главнокомандующаго. Все войско повинуется повелительному его жезлу. На полѣ сраженія онъ всемогущъ. Едва провозгласитъ: *впередъ*, и тысячи бросаются на смерть. *Стой* — и неподвижная стѣна. Не рукою, а головою дѣйствуетъ онъ. Описывая въ реляціи дѣла свои, онъ себя живописуетъ. Строгій разборъ подвиговъ его докажетъ: имѣлъ ли онъ воинственный геній, довѣренность войска, предпріимчивость, присутствіе духа, опытность, смѣлливость, неустрашимость? умѣлъ ли въ день сраженія расположить армію въ боевой порядокъ и занять самъ тотъ пунктъ, откуда могъ обозрѣвать всѣ дѣйствія и движенія, и съ орлиною быстротою подкрѣплять ослабѣвающихъ? зналъ ли силу и недостатки своего и непріятельскаго войска, проникалъ ли во всѣ замыслы непріятеля и, наконецъ, зналъ ли великую науку пользоваться

побѣдою? Когда страсти и восторгъ современниковъ потухнутъ, тогда нелицепріятствующее судилище потомства произнесетъ ему приговоръ свой.

Краткое сіе обозрѣніе доказываетъ, что тотъ, которому ввѣряется описаніе военныхъ подвиговъ отечества, долженъ имѣть точныя свѣдѣнія не только о всѣхъ подробностяхъ внутренняго устройства арміи, но и о всѣхъ предметахъ, которые отъ нея въ зависимости.

Для сего надобно, чтобы предъ нимъ раскрыта была вся переписка Главнокомандующаго съ Высочайшимъ Дворомъ, съ военными начальниками, и вся дипломатическая. Ибо система политическая связана тѣсными узами съ военною.

Сія подчинена ея тайнымъ предположеніямъ и зависитъ отъ ея дипломатическихъ тонкостей въ негоціаціяхъ по политическимъ интересамъ, торговымъ отношеніямъ, заключеніямъ союзовъ и финансамъ. Безъ таковаго довѣрія будетъ онъ теряться въ лабиринтѣ своихъ соображеній, и историческое изложеніе его не будетъ имѣть ни надлежащей связи, ни сей, для реляціи столько нужной, полноты. Чтобы судить съ

досповѣрностію о подвижности сей столь огромной массы, какова армія, надобно знать всѣ сокровеннѣйшія пружины, приводящія въ движеніе и малѣйшія ея части.

Наконецъ, быстрый взглядъ сей показываетъ намъ, что подробная военная реляція есть памятникъ, увѣковѣчивающій славу сражавшихся, гораздо прочнѣйшій всѣхъ пирамидъ и обелисковъ; источникъ, изъ котораго почерпаетъ историкъ матеріялы для своихъ лѣтописей, а поэтъ свой восторгъ и вдохновеніе. Не было бы Гомера, если бы не было Трои.

О ВОЕННОМЪ КРАСНОРѢЧІИ.

Я писалъ отрывокъ о военныхъ реляціяхъ, а нынѣ намѣренъ присоединить къ оному нѣчто о военномъ краснорѣчіи. Краснорѣчіе сіе есть искусство вдыхать въ сердца чувство соревнованія и храбрости, возбуждать къ чести и славѣ, и названо по справедливости въ обширномъ своемъ значеніи Г-мъ *Ронья*: Метафизикою войны. Древнѣйшіе народы, пріявшіе едва оружіе въ руки, познали, что одного вооруженія и тѣлесной подвижности для успѣха въ войнѣ недостаточно; что для сего потребна еще особенная нравственная пружина, которая приводила бы въ движеніе и души воиновъ. Съ симъ вмѣстѣ возникло военное краснорѣчіе, которое въ отношеніи къ древности своей первенствуетъ надъ всѣми другими родами витійства. Военная Исторія, съ самаго младенчества политическаго существованія народовъ до нашихъ дней, со-

хранила множество примѣровъ, сколь сильно дѣйствовали на умы воиновъ Героивитіи. И въ области Поэзіи видимъ мы, какъ въ Иліадѣ изъ устъ *Ахиллеса*, а въ Энеидѣ изъ устъ *Энея* и *Турна* сыплются искры сего чудеснаго огня. *Александръ* подвизаетъ своихъ Македонянъ, могуществомъ слова, къ побѣдамъ. *Святославъ* сильнымъ Славянскимъ краснорѣчіемъ возжигаетъ сердца Русскія: „ляжемъ ту костьми; мертвіи бо срама не имутъ.“

По истинѣ должно удивляться, какъ чудеса, произведенныя во всѣхъ вѣкахъ военнымъ витійствомъ, не обратили на себя такъ долго особеннаго вниманія Писателей. Недавно лишь во Франціи начали заниматься симъ столь важнымъ предметомъ. Изданныя на Французскомъ языкѣ разсужденія о сей метафизикѣ войны (*) возбудили во мнѣ желаніе представить здѣсь одну только ея отрасль, военное краснорѣчіе. Счастливымъ себя почту,

(*) Французскіе Писатели суть слѣдующіе: Montaigne: Observations sur les moyens de faire la guerre de Jules Cesar. Rogniat, Général: Considérations sur l'art de la guerre. Mr. Marbot: Remarques critiques sur l'ouvrage de Mr. le Général Rogniat. Eloquence militaire, ou l'art d'emouvoir le soldat par une société de militaires et d'hommes de lettres.

если оно произведенъ Русскаго *Квинтиліана*, который въ пространномъ классическомъ сочиненіи покажетъ правилами и примѣрами, какъ военное краснорѣчіе воспаляло воиновъ во дни сраженій своимъ вдохновеніемъ и сопровождало героевъ.

Не имѣя намѣренія преподавать здѣсь правилъ краснорѣчія, я ограничиваюсь однимъ взглядомъ на военное. Всякое краснорѣчіе есть способность выражать свои мысли такъ, какъ должно для достиженія своей цѣли. Она двоякая: или поучать, или убѣждать. Отсюда возникли у насъ, новѣйшихъ народовъ, два рода краснорѣчія: церковное и судебное. Извѣстно, что главныя достоинства рѣчи суть: ясность для слушанія, округленные періоды, счастливый выборъ метафоръ и фигуръ, чистота, полнота и благозвучіе. Но должно признаться, что краснорѣчіе военное отличается весьма отъ духовнаго и гражданскаго. Въ сихъ наблюдается тщательно строгая правильность въ расположеніи всѣхъ частей рѣчи, чтобы дѣйствовать на умъ ученостію; военное же дѣйствуетъ на сердце и воображеніе. Военный Ораторъ предстоитъ своему воинству, въ виду котораго побѣда, или

смерть. Его рѣчь краткa и быстра, подобно пулямъ и ядрамъ, которыя нерѣдко прекращаютъ періодъ въ самомъ его началѣ. Тутъ краснорѣчіе и дѣйствіе вмѣстѣ. Онъ говоритъ и поражаетъ. Минуты драгоцѣнны. Рѣчь его одушевляется временемъ, мѣстомъ и нечаянностію обстоятельствъ. Не нужна тутъ чистота слога Академика. Иногда самая оригинальная неправильность въ выраженіи, отпечатывающая смятеніе войны, бываетъ полезнѣе. Тамъ одно слово: Богъ, отечество, слава, или честь, собираетъ всѣхъ подъ одно знамя и сливаетъ въ одну душу. Нужно вообще, чтобы мысли, выборъ выраженій были совершенно военные. Солдатамъ надобно говорить языкомъ внятнымъ, солдатскимъ. Война зависитъ отъ силъ физическихъ и нравственныхъ. Первыя подчинены искусному образованію военнаго начальства, но нравственныя требуютъ совсѣмъ инаго вліянія. Солдатъ, чтобы сражаться съ мужествомъ, не можетъ руководимъ быть одною дисциплиною. Его должна подстрекать страсть, и если ее въ немъ нѣтъ, то должно умѣть ее въ немъ возродить. Разуму предлежитъ приводить въ дви-

женіе всѣ силы арміи, сей воинственной машины. Вотъ тайны Александровъ и всѣхъ великихъ полководцевъ!

Но никакой предводитель никогда не достигнетъ своего намѣренія краснорѣчіемъ, если самъ онъ не украшается личными, войску извѣстными, качествами. Необходимо, чтобы онъ имѣлъ любовь и довѣренность къ себѣ войска, которыя пріобрѣтаются благочестіемъ, нравственностію, долговременною, съ нижнихъ чиновъ уже лаврами увѣнчанною, службою, опытностію, безстрашіемъ, храбростію, безкорыстіемъ, безпристрастіемъ въ наградахъ, правосудіемъ, присутствіемъ духа, простотою солдатской жизни и другими воинскими добродѣтелями. Тогда воины живутъ лишь для своего начальника. Они чтутъ его отцемъ своего семейства; каждое его слово врѣзывается въ ихъ сердца и дѣлается пословицею. Какъ воспламеняются умы ихъ, когда онъ имъ напоминаетъ о любви къ Богу, къ родинѣ, о чести, славѣ, присягѣ, о прежнихъ ихъ подвигахъ, называетъ мѣста и дни, гдѣ и когда они побѣждали! Таковый Ораторъ-герой, посреди душевно-преданныхъ ему воиновъ, не считаетъ

уже враговъ, а покоится на груди своей стражи. Все войско — одно тѣло.

Вмѣсто всѣхъ дальнѣйшихъ разсужденій о качествахъ военныхъ Орапоровъ, представлены будутъ въ послѣдствіи сего сочиненія образцы рѣчей ихъ, которые покажутъ намъ гораздо лучше степень изящности каждаго.

Но прежде, нежели мы къ сему приступимъ, почитаю нужнымъ и для предмета нашего важнымъ — предложить здѣсь на разрѣшеніе вопросъ: точно ли говорили древніе полководцы тѣ рѣчи, которыя передали намъ ихъ историки? и не вложили ль они въ уста ихъ свои мысли и слова? Сіе потребуетъ нѣсколько пространнаго отступленія.

Рѣчи славныхъ древнихъ полководцевъ были лучшимъ украшеніемъ Исторіи. Дѣписатели тогдашніе, по примѣру *Ѳукидида*, который первый въ описаніи Пелопоннезской войны помѣстилъ рѣчи предводителей, выставляли дѣйствовавшихъ великихъ мужей своихъ взору читателя точно такими, какими они были, съ ихъ мыслями, словами и характеромъ. Не довольствовались они однимъ повѣствованіемъ, что́ происходило, но какъ оно

происходило, и какъ бы долженствовало происходить. Изящество сихъ рѣчей, сила витійства, возвышенность чувствъ и вдохновеніе слова изображаютъ намъ лучше всякаго пера бытописующаго героя въ истинномъ его видѣ. Мы любимъ его; мы удивляемся ему не по однимъ разсказамъ о его подвигахъ; мы любуемся имъ, видя его какъ будто предъ нами; мы съ нимъ живемъ вмѣстѣ. Здѣсь историкъ исчезаетъ; только дѣйствующія лица остаются на сценѣ. Это драматическое зеркало, въ которомъ изображаемся мы сами; это вѣрный списокъ страстей человѣческихъ. Но самое сіе изящество, правильность въ изложеніи, гармонія словъ и блистательность воображенія породили сомнѣнія: дѣйствительно ли рѣчи сіи говорены были точно такъ, какъ мы ихъ читаемъ? Многіе изъ извѣстныхъ Ученыхъ, а болѣе въ Германіи, простерли скептицизмъ свой даже до того, что отвергали существованіе сихъ рѣчей и признавали ихъ единою игрою воображенія. Другіе же сомнѣвались: говорилъ ли *Александръ* точно тѣ рѣчи, которыя передалъ намъ *Квинтъ-Курцій*? вѣрно ли списалъ *Ѳукидидъ* рѣчи *Перикла*? дѣйст-

вительно ли такъ говорили *Аннибалъ* и *Сципіонъ*, какъ мы читаемъ въ Полибіѣ? *Калиллъ* и *Манлій* — въ Титѣ-Ливіѣ? и наконецъ собралъ ли *Тацитъ* подлинныя рѣчи *Германика*?

Для разрѣшенія сихъ вопросовъ нужно намъ обратиться къ древности, и мы увидимъ, что сомнѣнія таковыя произошли отъ невѣдѣнія преимуществъ, какія имѣли древніе Писатели предъ нашими. Безъ всякаго предубѣжденія должно признаться, что самая сила Древнихъ есть именно наша слабость. У Грековъ и Римлянъ народное воспитаніе, умоначертаніе и образъ правленія способствовали ораторству. Въ Греціи Аттическое краснорѣчіе давало законы, владычествовало надъ народомъ своевольнымъ и предписывало миръ и войну. *Демосѳенъ* спасаетъ витійствомъ отечество отъ оковъ *Филиппа*. Побѣда его на поприщѣ состязанія надъ знаменитымъ Оратором *Эсхиномъ* пріобрѣтаетъ ему вѣнецъ отъ всей стекшейся, по словамъ Цицерона, въ Аѳины Греціи. Краснорѣчіе *Перикла* провозглашается, по свидѣтельству Плутарха, Олимпійскимъ, потому что оно

уподоблялось грому Юпитера, а правленіе его вѣкомъ Перикла. Гордая, доблественная Спарта учитъ сыновъ своихъ воинственному краснорѣчію: дорожитъ словами, но не мыслями и не дѣлами. Погибающій отъ несмѣтнаго ополченія Ксеркса *Леонидъ*, въ Термопилахъ, не отдаетъ требуемаго у него непріятелемъ оружія. Слова его: „Приди и возми самъ!« — Когда его устрашаютъ, что стрѣлы Персовъ затмятъ солнце; отвѣтъ Спартанца: »тѣмъ лучше; мы будемъ сражаться въ тѣни.« Образецъ подобнаго Лаконическаго краснорѣчія видимъ мы въ Римѣ. *Камиллъ* изъ заточенія летитъ спасать неблагодарное отечество въ Капитолію, осажденную *Бреннолъ*, гдѣ взвѣшивается уже злато на искупленіе мира. Онъ разбиваетъ Галловъ и восклицаетъ: »не златомъ, а желѣзомъ должны Римляне обрѣтать свое отечество. Они вступаютъ въ переговоры только съ побѣжденными, а не съ побѣдителями.«

Въ наши времена, когда публичное краснорѣчіе ограничивается однѣми проповѣдями, и государственный человѣкъ ни когда не имѣетъ случая говорить мно-

гочисленному народу, или военачальникъ войску, чтобы живымъ словомъ наклонять и одушевлять къ извѣстной цѣли, въ наши времена краснорѣчіе сіе не существуетъ въ томъ видѣ. Мы имѣемъ, а особливо со времени изобрѣтенія книгопечатанія, много Писателей, но не Ораторовъ. Мы имѣемъ способность написать то, что думаемъ, — но не сказать. Мы стремимся за подлинниками Древнихъ; но еще не рѣшено, достигли ль мы ихъ единственности.

Гдѣ, когда, и какой народъ имѣлъ *Цицерона, Саллустія, Ливія, Тацита*? Кто вообще повѣритъ, чтобы мужественные древніе историки, тѣ, которые благородную простоту и сильную краткость поставляли первымъ закономъ въ историческомъ изложеніи, которые по плану и съ цѣлію мыслили, дѣйствовали и писали для вѣчности, которые и самыя малѣйшія черты обработывали съ недостижимымъ искуствомъ, отыскивали въ сихъ мелкихъ, ничтожными кажущихся, обстоятельствахъ, первоначальную причину государственныхъ переворотовъ, и писали не въ минуту наитія поэтиче-

скаго вдохновенія, но по долгомъ и глубокомъ размышленіи, въ такихъ лѣтахъ, когда огнь фантазіи угасаетъ, а опытность и мудрость возжигаютъ свой свѣтильникъ, и потому-то въ выраженіяхъ ихъ нѣтъ ничего, если смѣю сказать, праздпаго; въ картинахъ ничего излишняго; краски разбросаны съ мудрою бережливостію; свѣтъ и тѣнь въ истинномъ искусствѣ; кто, послѣ сего спрошу, повѣритъ, чтобы ихъ рѣчи были вымышлены только для блеска?

Взглянемъ на древній Римъ, и мы удостовѣримся еще болѣе, что сужденія нашихъ Писателей произошли частію отъ того, что они увлекались сравненіями сей столицы міра съ нынѣ-существующими государствами. Римъ не можетъ быть сравниваемъ ни съ какимъ народомъ, а Римлянинъ ни съ какимъ обитателемъ изъ всѣхъ пяти частей нашего Свѣта. Въ лонѣ свободы, окруженный отовсюду памятниками собственной доблести и Греческаго искусства, Римъ былъ пантеономъ чрезвычайныхъ мужей, а Римлянинъ пламенѣлъ любовію къ свободѣ въ Римѣ, внѣ же онаго страстію ко всеобладанію. Латинская Муза пѣла ему его величіе:

Tu regere imperio populos,
Romane, memento!
Virgil (*).

Миѳологія была сплетена съ политикою; оракулы, жрецы, предвѣщатели, изъ небесныхъ явленій, изъ полета птицъ, изъ клеванія куръ, изъ утробъ животныхъ, изъ человѣческой главы (caput), найденной въ основѣ Капитолія, предсказывали по произволу своему народу, порабощенному ихъ жезлу, будущую судьбу Рима. Торжественные тріумфы, даваемые *Фабіямъ*, *Камилламъ*, *Павламъ-Эмиліямъ*, *Сципіонамъ*, *Цезарямъ* и прочимъ, раздували пламенные порывы народнаго любочестія. Статуи оживляли память великихъ мужей: три тысячи украшали Римскій форумъ, тысяча двѣсти — Капитолій. Цирки, амфитеатры, колизеи, арены укрѣпляли Римскія мышцы — къ разборству. При таковыхъ памятникахъ и торжествахъ храмъ Януса почти незатворялся. Непрерывающіяся войны, народныя волненія, междоусобныя брани, набѣги враждующихъ войскъ на самый Римъ, борьба республиканскаго духа съ монархическимъ: всѣ сіи потрясенія вызы-

(*) Помни, Римлянинъ, что ты владыка всѣхъ народовъ

вали на поприще спасенія отечества мужей необыкновенныхъ и отверзали обширное поле военному и гражданскому ихъ краснорѣчію.

Оно было тамъ нѣчто священное; потому, что глубокая древность языческихъ народовъ любила приписывать каждую открывающуюся способность души нѣкоему Божественному вдохновенію; а потому Египтяне и Поэты приписывали изобрѣтеніе краснорѣчія богамъ Тауту и Гермесу, или Меркурію. Ему посвященъ былъ языкъ, какъ первая пружина краснорѣчія. Оно было тамъ лѣстницею ко славѣ ,по которой воздымался таланть каждаго : и кто не стремился на высшую степень? Всѣ государственныя дѣла производились предъ лицемъ всѣхъ гражданъ. На сихъ-то поприщахъ сражались съ сильнѣйшими оружіями убѣжденія и слова, Трибуны за народъ, а Сенатъ за первостепенное свое сословіе, и отечество возлагало вѣнецъ на витію-побѣдителя. Тутъ-то изъ публичныхъ преній о важнѣйшихъ политическихъ задачахъ, изъ читанныхъ гласно донесеній пословъ и полководцевъ, о походахъ и сраженіяхъ войскъ, и изъ краснорѣчивѣйшихъ рѣчей дѣйствовавшихъ лицъ

созидалъ историкъ свои лѣтописи. Такъ *Саллустій* помѣстилъ въ Исторіи о заговорѣ Катилины изящнѣйшія рѣчи *Цезаря* и *Катона*, которыя въ его присутствіи говорены ими были въ Римскомъ Сенатѣ. ТамъОраторъ обнималъ въ рѣчи своей цѣлый народъ во всей огромности смысла. Это не публичныя рѣчи Французскихъ и Англійскихъ Парламентовъ, касающіяся однихъ участвующихъ лицъ, или отдѣльныхъ политическихъ обстоятельствъ. Онѣ токмо отрывки, которые никогда не сравняются съ образцами творцевъ эстетическаго краснорѣчія. Можемъ ли мы усомниться въ дѣйствительности сихъ рѣчей?

Самъ *Цицеронъ*, стяжавшій краснорѣчіемъ титло отца отечества и положившій основаніе Римской прозаической Словесности, упоминаетъ съ восторгомъ о сотнѣ пяти десяти, говоренныхъ однимъ Цензоромъ *Катономъ* (*). Рѣчи, собранныя въ Исторіи *Тита-Ливія*, почерпнуты изъ лѣтописей, на которыя онъ ссылается. (**) Что скажемъ о *Тацитѣ*? Могъ ли бы сей отецъ историковъ рѣшиться по-

(*) См: Cicer. de claris oratoribus.

(**) См: въ реэстрахъ его подъ заглавіемъ: Annales.

мрачить славу единственнаго своего архива ума человѣческаго вымышленными рѣчами и подвергнуть себя уличенію во лжи предъ современниками, которые къ нему благоговѣли за то, что онъ подъ мечемъ тирановъ изобразилъ безпрепятственно тиранство? Древніе лучшіе Писатели постигали во всемъ пространствѣ предѣлы, отдѣляющіе Поэзію отъ Исторіи (*), а сію отъ Краснорѣчія, какъ то мы увидимъ изъ Цицерона и Плинія (**).

При чтеніи ихъ Исторій, въ которыхъ вездѣ встрѣчаемъ памятники военнаго ихъ краснорѣчія, мы какъ будто переносимся въ ихъ вѣкъ и ихъ міръ. Кисть ихъ очаровываетъ насъ, и мы мысленно дѣлаемся Греками, или Римлянами. Напротивъ, какъ утомляетъ насъ чтеніе Фоліантовъ нашихъ исторіографовъ! Нить прагматическаго повѣствованія ихъ прерывается непрестанно. Вопреки скромной Музѣ древней Исторіи, предоставлявшей сужденія потомству, они съ учительской каѳедры проповѣдуютъ непреложныя свои мнѣнія и вплетаютъ ихъ въ цѣпь происшествій.

(*) См: Cicero de oratore. II. 62.

(**) См: Plinii epistol. L. V. Cap. 8.

Конечно переселяясь мысленно въ древній Римъ, мы переселяемся въ новый міръ. Воины Римскіе тамъ въ мирное и военное время такіе же граждане, какъ и ихъ полководцы, а потому рѣчи сихъ послѣднихъ не могутъ служить намъ образцами. Нерѣдко военачальникъ не повелѣваетъ, а упрашиваетъ своихъ подчиненныхъ. „Воины *Помпея* при Диррахіи, говоритъ *Плутархъ* (*), казались совершенно охладѣвшими и потерявшими бодрость; но когда *Катонъ* обратился къ нимъ съ доводами Философіи и говорилъ съ нѣкоторымъ вдохновеніемъ о свободѣ, смерти, героизмѣ и славѣ, и наконецъ призывалъ самихъ боговъ во свидѣтели, которые какъ будто съ участвующимъ умиленіемъ взираютъ на сію борьбу за отечество; тогда раздалися радостные клики; всѣ съ мужествомъ и надеждою требовали, чтобы ихъ вели на брань, и они дѣйствительно побѣдили.“

И *Цезарь* въ рѣчахъ, говоренныхъ его войску, покорствовалъ обстоятельствамъ и духу Римскому. Иногда угрозами обуздывалъ онъ буйство легіоновъ, иногда же

(*) Плутархъ, въ жизни Катона, Гл. 18.

воинскій деспотизмъ его преклонялся предъ гордынею ихъ; и произнесенныя слова: граждане, товарищи, Квириты, укрощали и воспламеняли ихъ снова. Уже ли и сіи рѣчи, имъ самимъ въ Исторіи его помѣщенныя, выдуманы? Не служатъ ли онѣ доказательствомъ, что лагерьное краснорѣчіе вмѣстѣ съ оружіемъ блистало въ древнемъ Римѣ и парило вмѣстѣ съ его орлами?

И такъ оставимъ таковыя, память знаменитѣйшихъ мужей древности оскорбляющія, сомнѣнія. Почто укорять во лжи историковъ ихъ за то, что они повѣствуютъ о великихъ словахъ, предшествовавшихъ великимъ подвигамъ, и о такихъ предметахъ, которые въ настоящемъ нашемъ мірѣ кажутся намъ неимовѣрными, романическими и которые извѣстны намъ, какъ златый вѣкъ, только изъ пѣсней нашихъ поэтовъ? Если же они и позволяли себѣ иногда нѣкоторыя отмѣненія, что въ иныхъ мѣстахъ наблюдаемое единообразіе слога доказываетъ довольно ясно; то и мы, приводя слова другаго, не осмѣливаемся ли также, вмѣсто подлинныхъ, помѣщать свои, кажущіяся намъ приличнѣйшими? Историки не вы-

мышляли ничего въ существѣ событія, если и украшали какое-либо выраженіе мысли цвѣтами своего слога. Они показывали мечъ богатыря, но безъ ржавчины. *Цицеронъ* совѣтуетъ даже дѣлать такія поправки. Запретить сіе, значитъ запретить писать Исторію (*).

Мнѣ кажется, что всѣ сомнѣнія сіи должны исчезать, когда мы вспомнимъ, какіе геніи были ораторами въ древности! Безсмертныя имена ихъ должны ручаться за истину ихъ рѣчей. Скажемъ лучше съ безпристрастіемъ *Лафонтена:* près de ces grands noms notre gloire est petite, т. е.: подлѣ сихъ великихъ именъ слава наша мала.

Какъ можно усомниться, чтобы геройскій, неутомимо ко славѣ парящій духъ *Александра*, когда, послѣ покоренія Азіи, готовился онъ къ новымъ побѣдамъ, не могъ произнести сихъ словъ къ своему войску? „Уже ли, воины, можете „вы помыслить, что сдѣлавшись помо„щію оружія властелиномъ двухъ частей „Свѣта, могу я перестать трудиться „для славы, которой единой себя посвя-

(*) См. Cicero: Brutus seu de claris oratoribus, cap. 17.

„шилъ? Нѣтъ, нѣтъ! гдѣ ни буду я сра-
„жаться, вездѣ буду считать себя на
„театрѣ міра. Я прославлю страны,
„во мракѣ погруженныя; я открою всѣмъ
„народамъ края Свѣта, которые природа
„отъ нихъ удалила и сокрыла. Если
„суждено мнѣ прекратить жизнь среди
„подвиговъ, судьба моя будетъ тѣмъ бли-
„стательнѣе. Къ тому же, и по рожднію
„своему, долженъ я менѣе желать долго-
„лѣтія, нежели славы. Вспомните, про-
„шу васъ, что мы вступили въ государ-
„ство, которое прославили подвиги же-
„ны. Какіе города соорудила Семирамида!
„Какихъ народовъ не покорила она своей
„власти! Какихъ великолѣпныхъ зданій
„не воздвигла она! Мы же не пріобрѣли
„еще столько славы, сколько сія жен-
„щина, и ужѣ упомляемся.“

Вотъ рѣчь того, который наканунѣ славнаго пораженія при Граникѣ отвѣтствовалъ *Парменіону*, совѣтовавшему напасть на Дарія въ ночь: „Мы будемъ сражаться при солнечномъ сіяніи; почто скрывать побѣду?“ Сей же *Александръ* сказалъ *Парменіону*, когда онъ, заставъ его спящимъ, воскликнулъ: какъ, Государь, ты спишь, какъ будто уже побѣдилъ; а

непріятель передъ нами: — „я побѣдилъ Дарія; онъ здѣсь; не нужно его искать.“

Кому не извѣстенъ великій геній Карѳагена, тотъ, которому *Плутархъ* не смѣлъ воздвигнуть въ историческомъ храмѣ своемъ памятника, не знавъ, съ кѣмъ сравнить его въ величіи? И кто усомнится, чтобы пламенная душа сія не излила сей пламенной рѣчи? „Това„рищи, провозглашаетъ *Аннибалъ* въ день „сраженія при Тессино, небо возвѣщаетъ „мнѣ побѣду (громъ въ то мгновеніе уда„ряетъ); Римлянамъ, а не намъ трепе„тать. Бросьте взоры на поле битвы! „здѣсь нѣтъ отступленія. Мы погибнемъ „всѣ, если будемъ побѣждены. Какое на„дежнѣйшее поручительство за торже„ство? какой ощутительнѣйшій опытъ „покровительства боговъ? они поста„вили насъ между побѣдою и смертію.“

Такъ великій Вишія отовсюду и изъ громовыхъ тучь похищаетъ краснорѣчію своему пальму. Я вижу Патріарха своего воинства; онъ предъ отечественными знаменами; повсюду глубокое молчаніе; огнь героизма сверкаетъ въ его очахъ; въ устахъ его истина; само божество, кажется, вѣщаетъ ими.

Помѣстимъ здѣсь еще рѣчь того *Камилла*, котораго видѣли мы спасителемъ Капитолія. Когда онъ примѣтилъ, что многочисленность Аптіатовъ устрашила его воиновъ, сѣлъ онъ на лошадь и, проѣзжая ряды, восклицалъ: „Товарищи, „гдѣ та радость и желаніе сражаться, „которыя видѣлъ я всегда на вашихъ „лицахъ? Забыли ль вы, кто я, кто вы „и кто враги наши? не вы ли побѣдили „Вейевъ, Галловъ, спасли Римъ подъ „моимъ начальствомъ? Развѣ я болѣе не „Камиллъ? Нападите только, и враги „наши побѣгутъ по обыкновенію своему.“ Сіе сбылось; они побѣжали по обыкновенію. Таковою силою смѣлыхъ, отважныхъ вопросовъ славилось всегда въ древности военное краснорѣчіе.

О рѣчахъ *Цезаря* нѣчего здѣсь упоминать; онѣ всѣмъ извѣстны; онѣ дышатъ тою же живостію, изящною простотою и совершенно-приличнымъ слогомъ, какими и его повѣствованія о войнахъ въ Галліи и повсюду. Передъ Фарсальскимъ сраженіемъ онъ приказываетъ войску своему оставить свой станъ и говоритъ: „Станъ Помпея сего дня намъ „ночлегъ.“ И Помпей погибъ: судьба Рима

и слава героя рѣшаются однимъ ударомъ. Сей же *Цезарь* на вопросъ, сдѣланный ему въ деревнѣ, сражаются ли и здѣсь за консульство? отвѣчалъ: „лучше здѣсь быть первымъ, нежели въ Римѣ вторымъ.“ Какъ ярко живописуетъ одна черта сія мужа, для котораго возможно было все, кромѣ одного: быть вторымъ!

По истинѣ, нельзя оставить древности, не принеся дани удивленія ея геніямъ. Всѣ листы Исторіи ея блистаютъ неподражаемыми образцами военнаго краснорѣчія. Рѣчи сіи достойны великихъ героевъ и жизни, ознаменованной неувядаемыми лаврами. Превыспреннія мысли ихъ истекаютъ изъ сердца, сего природнаго источника; а таковое краснорѣчіе согрѣваетъ воображеніе и порабощаетъ всѣ чувства. Они знали, что человѣки любятъ сильныя потрясенія; они ищутъ ихъ въ вымыслахъ, если не находятъ въ существѣ. Къ тому же признаемся, что тамъ были великіе способы порождать восторгъ въ Ораторѣ, воспламенять его чувства, его страсти; и великія сіи пособія должны были производить чрезвычайныя дѣйствія.

Оканчивая сей обзоръ, который представленъ здѣсь, для разрѣшенія нашего вопроса, мы смотримъ съ прискорбіемъ, какъ краснорѣчіе, сія главная пружина въ управленіи государства, — сей талисманъ, котораго всемогущество укрощало воинственное буйство возмущенія, отражало силою слова наносимые на отечество удары, срывало съ невинности оковы и утверждало всеобщее благо, вмѣстѣ съ Науками и художествами исчезаетъ съ лица земли. Римъ разрушается отъ собственнаго своего величія. Пробѣжимъ теперь послѣдующія времена мрака и хаоса, изъ котораго медленно лишь въ среднихъ вѣкахъ выходитъ новое сотвореніе человѣчества, озаряемое свѣтомъ Евангелія. Опять предстанетъ намъ сей вѣчный Римъ, властвующій не однимъ мечемъ, но и оружіемъ духовнаго убѣжденія. Съ нимъ возстанетъ и краснорѣчіе; но, оживотворяемое сими новыми лучами, приметъ оно новый полетъ. Разсмотрѣніе его хода до нашихъ временъ, есть главный нашъ предметъ.

Въ наступившей, по паденіи Рима, ночи варварскихъ временъ, тщетно будемъ мы отыскивать слѣды военнаго, или

какого-либо краснорѣчія. Исторія молчитъ и только кровавыми чертами изображаетъ намъ позорища продолжительныя, бѣдствіями обильныя; плачевныя. Царства разрушаются; изъ обломковъ ихъ созидаются новыя; а сіи опять сокрушаются бурею происшествій. Вездѣ борьба варваровъ за владычество міра: Ломбарды и Греки въ Италіи, Франки въ Галліи, Вандалы въ Испаніи, Саксоны въ Англіи опустошаютъ все огнемъ и мечемъ; Европа стонетъ. Подъ развалинами Римскихъ памятниковъ погребены всѣ Науки и художества, и всѣ чувства любви къ отечеству и къ славѣ. Гдѣ нѣтъ сихъ возвышенныхъ ощущеній, тамъ гласъ витіи — гласъ въ пустынѣ. Мало по-малу, въ мелькающемъ разсвѣтѣ среднихъ вѣковъ, возстаютъ народы отъ долголѣтняго сна. Благотворные лучи Христіанства начинаютъ согрѣвать ихъ сердца. Истинная Религія уничтожаетъ древнія таинства язычниковъ; храмъ Миѳологіи разрушается; Дельфійскій оракулъ онѣмѣваетъ; Церковь дѣлается преддверіемъ къ небесамъ, гдѣ ожидается жизнь вѣчная. Въ сіе время является мужъ необыкновенной доблести. Императоръ *Карлъ* Ве-

ликій собираетъ всѣ расторженныя части гражданства во едино, созидаетъ законную Монархію, отечество, образуетъ воинство, возвращаетъ ему утраченное благородство и возвышаетъ его достояніе. Все покорствуетъ непреодолимой силѣ устъ его; каждое повелѣніе запечатываетъ онъ сфесомъ палаша своего. »Вотъ, говоритъ онъ, приказъ моему »войску, и вотъ, указуя на мечъ свой, „что пріобрѣтетъ ему уваженіе отъ »враговъ моихъ.« Въ его царствованіе видимъ мы первые блистательные дни рыцарства и военнаго краснорѣчія.

Но оно получаетъ совсѣмъ другое направленіе. Здѣсь войско, не Греческое и не Римское, побуждаемое суевѣрною политикою къ единой языческой чувственности. Это войско Христіанское, которое одушевляется новымъ ученіемъ Искупителя рода человѣческаго, обѣщающаго награды въ вѣчности. Ученіе сіе смягчаетъ нравы, обуздываетъ страсти, предписываетъ любовь къ Богу и ближнему, даетъ человѣкамъ новое бытіе, новый характеръ. Всѣ дѣлаются браніями подъ щитомъ Креста, которымъ на Западѣ благословляетъ ихъ духовный Римъ. Съ сей эпохи всеобщаго

перерожденія, въ Европѣ религія сдѣлалась источникомъ величайшихъ военныхъ успѣховъ: она давала физическимъ человѣческимъ силамъ сверхъестественную непреоборимость. Вѣра къ чудесамъ производила чудеса; ибо войско, поборающее за единаго Бога, готово на всѣ опасности, въ полномъ упованіи на награды небесныя. Рѣчи къ таковому воинству усиливаются религіею.

Такимъ образомъ Церковь Христова была то солнце, предъ которымъ начали падать всѣ народы. Всѣ поклялись защищать ее, не щадя живота своего. Наконецъ, съ 1095 года начинается, а 1290 оканчивается тотъ знаменитый періодъ Крестовыхъ походовъ, когда Крестъ Спасителя воззывалъ къ освобожденію Святой земли, поруганной нечестивыми поклонниками Магомета, отъ ига ихъ тиранства. Какой величественный предметъ, какой вѣнецъ для тогдашняго рыцарства! Всякой Христіанинъ — воинъ, и почти весь Христіанскій міръ движется къ Іерусалиму. Но кто свершаетъ такія чудеса? Простой монахъ *Петръ*, который разительнымъ, краснорѣчивымъ описаніемъ всѣхъ бѣдъ, постигшихъ святую столицу гроба Господня, возжигаетъ сердца и на престолахъ и

*

въ хижинахъ. Таковъ былъ, говоритъ *Мишо* (*), необычайный человѣкъ, подавшій знакъ къ Крестовымъ походамъ, и который, безъ богатства и безъ славы, единою властію слезъ и убѣжденій преуспѣлъ подвигнуть весь Западъ на Азію.

Въ Исторіи Крестовыхъ походовъ видимъ мы, какъ военное краснорѣчіе сопутствовало повсюду сему Христіанскому ополченію. Мы видимъ, предъ рядами его, онаго исполненнаго благочестія *Людовика* Святаго. Съ крестомъ и мечемъ въ рукахъ, говоритъ онъ воинству рѣчи, одушевляемыя Евангеліемъ, съ которыми никогда не сравнятся рѣчи, произнесенныя въ древности, во времена язычества. Вспомнимъ рѣчь его къ Крестоносцамъ: »Непріятель насъ ожидаетъ; не дадимъ ему томиться въ нетерпѣніи; и да узнаетъ Египетъ о нашей побѣдѣ вмѣстѣ и о нашемъ прибытіи. Препоручаю вамъ только одно: если я умру въ сраженіи, считайте однимъ воиномъ менѣе, и да не заставитъ васъ моя смерть отступать. Князья моей крови меня заступятъ. Еще разъ: если я погибну, старайтесь побѣдить и оплачьте меня побѣдителями.«

(*) См. Исторію Крестовыхъ походовъ, соч. *Мишо*.

Здѣсь величіе духа и возвышенность чувствъ порождаются религіею, и съ таковыми чувствованіями восклицаетъ онъ, когда его просили, чтобы онъ не посѣщалъ одержимыхъ въ больницахъ язвою: »какъ, храбрые сіи жертвуютъ ежедневно жизнію своею моей славѣ, а я буду »страшиться опасностей для спасенія »ихъ? Какой законъ можетъ освободить »Государя отъ долга признательности?«

Если сей въ лѣтописяхъ міра единственный походъ не достигъ великаго своего предначертанія; то, по видимому, не угодно было Промыслу, вселенною управляющему, чтобы онъ увѣнчался совершеннымъ успѣхомъ. Намъ осталась картина величественная, въ благоговѣйное содроганіе приводящая. Мы видимъ, какъ Императоры, Короли и всѣ знаменитые рыцари, гонимые превратностями военнаго счастія, со крестомъ въ рукѣ, съ оковами на ногахъ и съ вѣрою въ груди, стенаютъ въ долголѣтнемъ и постыдномъ заточеніи. Страдальческіе ихъ вѣнцы и слава ихъ дѣлъ достойны эпопеи безсмертнаго *Тасса*, который на крыльяхъ Поэзіи вознесъ имена ихъ къ небесамъ. Ихъ пѣли трубадуры въ южной Франціи,

труверы въ сѣверной, менестрелы въ Англіи, минезингеры въ Аллеманіи, и романтическая Поэзія сливалась съ военнымъ краснорѣчіемъ. Впрочемъ походъ сей принесъ Европѣ много выгодъ; онъ познакомилъ Крестоносцевъ со многими чуждыми народами, сблизилъ торговыя соотношенія, обогатилъ неизвѣстными произведеніями природы и художествъ, имѣлъ великое вліяніе на просвѣщеніе и доказалъ, что бури нужны и въ физическомъ и нравственномъ мірѣ. Онѣ освѣжаютъ и оживляютъ политическую атмосферу.

Рыцарство, сіе древо среднихъ вѣковъ, начинаетъ, по непреложнымъ законамъ естественнымъ, отцвѣтать. Желѣзная десница рыцаря сокрушается отъ огнестрѣльнаго орудія; не ограждаютъ его ни щитъ, ни мечъ, ни шлемъ, ни стрѣлы. Преобразованіе Тактики было гробомъ сего, дотолѣ пресловутаго воинства. Съ нимъ умолкаетъ и военное краснорѣчіе. Оно ищетъ великихъ мужей и великихъ происшествій, и находитъ ихъ наконецъ во Франціи. Тамъ *Францискъ* I, провозглашенный отцемъ Наукъ, удивляетъ и воспламеняетъ всѣхъ своимъ лаконическимъ военнымъ краснорѣчіемъ. Не-

решедъ Альпы, встрѣчается онъ съ двадцати семи-тысячнымъ корпусомъ Швейцаровъ. Начинаются переговоры, которые счастливо оканчиваются, какъ вдругъ они прекращаются Кардиналомъ Епископомъ Сіонскимъ, и Швейцары внезапно нападаютъ. Король съ поспѣшностію собираетъ воинство, и впереди онаго восклицаетъ: »кто меня любитъ, тотъ »со мною!« И послѣ двухдневнаго упорнѣйшаго сраженія непріятели обращаются въ бѣгство. Императоръ *Карлъ* V поступалъ жестоко съ плѣнными Французами. Но *Францискъ* I-й превыше мщенія, повторялъ: »никогда не послѣдую ему; я »потерялъ бы случай побѣдить Карла въ »добродѣтели, если принужденъ уступать »ему въ счастіи.« Девизомъ его было: »потерять все, кромѣ чести.«

Остановимся еще на *Генрихѣ* IV: въ душѣ воинъ, на престолѣ Государь и человѣкъ, онъ былъ услажденіемъ своего народа и красою человѣчества. Никто изъ Французскихъ Монарховъ не превзошелъ его въ военномъ солдатскомъ красноречіи. На всѣхъ многочисленныхъ битвахъ раздается гласъ сего витіи, отца своего воинства. Человѣколюбца сего и

побѣда не радовала. „Могу ли, говаривалъ „онъ, веселиться ею, когда вижу на полѣ „убіенныхъ подданныхъ моихъ? Выигры- „вая, я теряю.“ Передъ сраженіемъ при Иври, гдѣ Герцогъ *Майенскій* превосходилъ его почти вдвое числомъ, собралъ онъ вокругъ себя начальниковъ войска и говорилъ имъ: „только выигрышемъ ба- „таліи должно изгладить стыдъ оставленія осады. Съ людьми вашего мужества и вашей опытности не сомнѣ- „ваюсь я въ рѣшительной побѣдѣ. Не „буду говорить вамъ болѣе: впередъ!“ Какъ трогательна молитва его въ самомъ пылу сраженія: „Господи, лиши „меня жизни съ короною, если я долженъ „быть въ числѣ тѣхъ Государей, кото- „рыхъ ниспосылаешь Ты во гнѣвѣ Твоемъ! „Благоволи, да днесь буду я жертвою „святой Твоей воли, да смертію моею „избавится Франція отъ всѣхъ бѣдъ „войны, и да пролитая кровь моя будетъ „послѣднею въ сей борьбѣ!“ Потомъ, возложивъ на главу свою шлемъ съ тремя бѣлыми перьями, восклицаетъ: „Товари- „щи, ежели вы сего-дня раздѣляете со „мною судьбу мою, то раздѣляю съ вами „вашу. Хочу умереть или побѣдить —

„вмѣстѣ. Прошу васъ, берегите ваши „ряды! Если въ огнѣ сраженія должны вы „будете ихъ оставить, то помышляйте „тотчасъ опять соединяться. Отъ сего „успѣхъ въ сраженіи. Соберитесь между „сими тремя деревьями, которыя вы „видите тамъ на высотѣ, вправо. И если „вы потеряете ваши знамена и штандар„ты, то не теряйте изъ виду бѣлаго „моего шлема: вы найдете его всегда на „пути чести и побѣды.“ Тѣсные предѣлы, предоставленные сему обозрѣнію, не позволяютъ намъ слѣдовать далѣе за симъ героемъ, котораго каждое слово есть отпечатокъ военнаго краснорѣчія. Мы обращаемся теперь къ тридцатилѣтней войнѣ.

Возникшая въ XVI столѣтіи реформація тлѣла долгое время подъ пепломъ, но вспыхнула внезапно въ 1618 году, и погасла не прежде — какъ въ 1648. Кровопролитная брань сія, за догматы вѣры Католиками противъ Протестантовъ предпринятая, опустошала Германію и угрожала ей конечнымъ разрушеніемъ. Но вдругъ является на поприщѣ сѣверный герой, *Густавъ-Адольфъ*. Сей мужъ, украшенный Христіанскими добродѣтелями, съ оружіемъ, преобразованнымъ имъ изъ

тяжелаго въ легчайшее, и съ громомъ артиллеріи пролетаетъ Германію, потрясаетъ престолъ *Фердинанда* II, даетъ Швеціи перевѣсъ надъ Имперіею, въ два года творитъ съ двадцатитысячнымъ своимъ войскомъ толикія чудеса и умираетъ побѣдителемъ.

Онъ былъ витія краснорѣчивѣйшій. Еще прежде, въ Польшѣ, съ тридцатитысячнымъ своимъ войскомъ, въ виду непріятеля, гораздо многочисленнѣйшаго, отвѣтствовалъ онъ предостерегавшимъ его: „Если число Поляковъ столь велико, „по наши тѣмъ лучше будутъ въ нихъ „попадать.“ Когда онъ достигъ до рѣки Леха, гдѣ на правомъ берегу армія *Тиллія* занимала выгоднѣйшую позицію, и когда всѣ Генералы упрашивали его оставить такое опасное предпріятіе; отвѣтъ его: „какъ! мы преплыли Бал„тійское море и столь многія Герман„скія рѣки, а теперь устрашимся сего „ручья!“ Слова сіи даровали побѣду, и можетъ ли она не быть тамъ, гдѣ каждое слово Государя подкрѣпляется непритворнымъ благочестіемъ?

Густавъ-Адольфъ былъ истинно преданъ религіи, и съ ея помощію былъ не-

побѣдимъ. Онъ сочинялъ самъ для войска молитвы, которыя читалъ въ извѣстные часы. Если *Катонъ* говорилъ, что для воина недовольно быть безстрашнымъ; надобно: чтобы онъ былъ и честнымъ человѣкомъ: то аксіома *Густава* была та, что добрый Христіанинъ не можетъ быть худымъ воиномъ. Онъ давалъ войскамъ время читать Евангеліе; и когда одинъ офицеръ засталъ его въ семъ занятіи и казался удивленнымъ, то онъ говорилъ ему — въ присутствіи всей арміи: „я стараюсь „укрѣплять себя противъ искушеній, „углубляясь въ наши священныя книги. „Государи, такъ какъ и я, отвѣтствуютъ въ дѣлахъ своихъ единому Богу, „и сія независимость даетъ врагу спасенія нашего поводъ разставлять намъ „пагубныя сѣти, отъ которыхъ не можемъ мы довольно остерегаться.“ — Все военное краснорѣчіе его было почерпаемо изъ священнаго сего источника. И по смерти сего великаго человѣка, духъ его предшествовалъ воинству и достойнымъ его Генераламъ, питомцамъ и преемникамъ его славы. Послѣ ужасныхъ, тридцать лѣтъ продолжавшихся бурь, озари-

лось небо. Германія подъ сѣнію благотворнаго Вестфальскаго мира отдохнула.

Кончимъ обозрѣніе военнаго чужеземнаго краснорѣчія царствованіемъ *Людовика* XIV, а потомъ обратимся къ отечеству нашему. Въ царствованіе Государя сего, проименованное по блистательности многочисленныхъ событій вѣкомъ, военное краснорѣчіе много измѣнилось. *Генрихъ* IV былъ солдатъ на войнѣ: говорилъ, шутилъ солдатскимъ языкомъ. *Людовикъ* XIV любилъ страстно военную славу, побѣду, завоеванія, но на престолѣ, а не въ палаткѣ. Онъ зналъ тайну избирать полководцевъ, вдыхать въ нихъ духъ геройства, который отражался на его воинства. Симъ орудіямъ своего величія ввѣрялъ онъ возжигать сердца воиновъ пламеннымъ краснорѣчіемъ. И кому не извѣстны слова *Тюреня*, *Конде*, *Вилара*, *Люксанбурга*, *Буфлера*, *Катина*, которые побѣду приковали къ своимъ знаменамъ, потрясали Европу, и корону Франціи украсили своими лаврами?

Раскрывая лѣтописи Россіи, мы встрѣчаемъ повсюду знаменитыя событія, блистающія рѣдкими образцами военнаго краснорѣчія. И въ отдаленной древ-

ности показываютъ племена Славянскія, что возвышенный воинственный духъ былъ отличительнымъ ихъ характеромъ и пріобрѣталъ имъ уваженіе всѣхъ народовъ. Передъ сраженіемъ съ Греками, *Святославъ* сказалъ своимъ воинамъ слѣдующую рѣчь: „уже вамъ не камо ся дѣти, „волею и неволею стати противу, да не „посрамимъ земли Рускія, но ляжемъ „костьми ту; мертвыи бо срама не имутъ. „Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ; неимамъ „убѣжати, но станемъ крѣпко; азъ же „предъ вами пойду. Аще моя ляжетъ, то „промышляйте о себѣ.“ И рѣша вои.... „Идѣже глава твоя, ту и свои главы „сложимъ.“

Не будемъ проникать далѣе въ мрачную древнихъ вѣковъ мглу, покрывавшую колыбели всѣхъ народовъ. Можно ли отыскивать извивающіеся въ подземныхъ глубинахъ корни величественнаго того древа, которое осѣняетъ нынѣ всю Европу? Обратимъ лучше взоры наши къ лучезарной зарѣ, которая возсіяла на ясномъ небѣ Христіанской Греціи и теплыми, животворными лучами освѣтила Сѣверъ, престолъ *Владиміра*, его и Россіи душу! Съ сей благотворной эпохи начинается здѣсь

новое бытіе человѣчества. Святая религія вливается въ сердце народа; Священное Писаніе, сей даръ небесный, просвѣщаетъ его умъ; велелѣпіе храма и богослуженія исполняетъ чувства благоговѣніемъ и имѣетъ спасительное вліяніе на нравственность. Вѣра вдыхаетъ въ сердце и уста военнаго витіи молитвы къ Богу, и усиливаетъ убѣжденія его словомъ Священнаго писанія. Чтобы видѣть, сколь глубоко водворилась она въ сердцахъ Государей и народа, остановимся теперь на Куликовомъ полѣ.

Туда спремится безбожный Мамай съ безчисленными лютыми Татарскими ордами, съ клятвою предать — всю страну Русскую огню и мечу. Тщетно отправляетъ къ нему благочестивый и кроткій Россійскій Великій Князь *Димитрій* посла своего, *Захарія*, для переговоровъ. Поруганный, возвращается онъ къ своему Государю. Тогда Великій Князь, принявъ въ Святой Сергіевской Лаврѣ благословеніе и святую икону отъ Настоятеля оной, Св. *Сергія* и совершивъ теплое моленіе, собралъ все воинство и обратился къ брату своему, ко всѣмъ Князьямъ и Воеводамъ съ сими словами: „мы братіе, гнѣздо Великаго Кня-

„зя *Владиміра* Кіевскаго, который извелъ „насъ изъ тьмы идолослуженія и про„свѣтилъ истинною въ Бога истиннаго „вѣрою; поревнуемъ же ему и будемъ „биться до смерти за вѣру святую! Го„сподь нашъ помощникъ, не убоимся; что „сотворитъ человѣкъ? А кто изъ насъ „и умретъ за вѣру, то со святыми му„чениками на небѣ вѣнецъ воспріиметъ.“ Когда всѣ войска уставлены были въ боевой порядокъ, Великій Князь сошелъ съ коня, палъ на колѣна предъ образомъ Христовымъ, написаннымъ на хоругви черной Большаго полка, и началъ громогласно творить молитву изъ глубины сердца: „О владыко, Вседержителю Господи! „виждь смиреніе наше и призри милосер„дымъ окомъ на люди своя, яже Твоею „десницею сотворены суть и кровію „Твоею искуплены!“ Потомъ, возсѣвъ опять на коня и проѣзжая съ Князьями ряды, каждому полку говорилъ: „Братія „мои милые, сыны Христіанскіе отъ мала „до велика! уже ночь приспѣла и грозный „день приближается; въ сію ночъ бодр„ствуйте, мужайтесь и крѣпитесь о „укрѣпляющемъ васъ Господѣ Іисусѣ Хри„стѣ, ибо пришелъ часъ вашего подвига.

„Станьте крѣпко противу непріятеля, „который уже близко насъ на рѣкѣ Не- „прядвѣ; Господь силенъ въ брани, Гос- „подь заступникъ нашъ, Богъ Іаковль; „уповайте на Бога живаго, да миръ вамъ „будетъ, братія! воззрите на древніе „роды, и видите: кто убо вѣрова Госпо- „деви и посрамися? Или кто призва Его, „и презрѣ и? зане щедръ и милостивъ „Господь, спасетъ во время скорби. Азъ „еще заутра желаю съ вами видѣться.“ И тогда всѣ воины, возведя сердечныя очи къ небу, единогласно воззвали: „Боже „святый, призри на насъ и даруй пра- „вославному Князю нашему побѣду, яко „великому Царю Константину, и покори „подъ нозѣ его врага того Мамая, якоже „иногда кроткому *Давиду Голіаѳа*; и „научи руцѣ наша на ополченіе и персты „наша на брань, благословенный Боже „во вѣки!“

Извѣстно изъ повѣствованій, какія выгодныя для Россіи послѣдствія имѣло Мамаево побоище. Куликово поле безъ памятниковъ увѣковѣчилось величественнымъ памятникомъ славы Русскихъ героевъ. Такого Христіанскаго духа, такихъ чувствъ благочестія и вѣры исполнялось на

всѣхъ битвахъ Русское сердце; всегда предъ Христолюбивымъ симъ воинствомъ витійствовало Слово Божіе сильнѣе всякаго человѣческаго краснорѣчія.

Вѣрою твердая грудь Петра не страшится ничего. На поляхъ Полтавскихъ говоритъ Онъ: „вѣрующимъ все возможно,“ и приказываетъ окроплять Святою водою все войско, выступающее изъ окоповъ. Когда при Лѣсновѣ, Русскіе, потерявъ 1500 человѣкъ, начали отступать, — то, бросясь къ заднимъ войскамъ, воскликнулъ Онъ имъ: „убивайте каждаго бѣгущаго, „даже и Меня!“ Вотъ, какъ Онъ говоритъ воинству (*): „Воины, се пришелъ „часъ, который рѣшитъ долженъ судьбу „отечества, и вы не должны помышлять, „что сражаетесь за Петра, но за Госу„дарство, Петру врученное, за родъ свой, „за отечество, за православную нашу Вѣ„ру и Церковь. Не должна васъ также сму„щать слава непріятеля, яко непобѣди„маго, которую ложну быти вы сами по„бѣдами своими надъ нимъ неоднократно „доказали. Имѣйте въ сраженіи предъ оча„ми вашими правду и Бога, поборающаго

(*) См. Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго, Томъ XV.

„по васъ; на того единаго, яко всесиль-
„наго во бранѣхъ, уповайте; а о Петрѣ
„вѣдайте, что Ему жизнь Его не дорога,
„только бы жила Россія, благочестіе, сла-
„ва и благосостояніе ея.“

Полтавская побѣда положила основаніе славѣ и величію Россійской Европейской державы. Екатерина Вторая, поборствуя Петру Первому, содѣлалась и сама первою и великою. Она знала тайну воспламенять умъ и сердце, и сотворяла великихъ мужей. Ввѣривъ мечъ на защиту отечества *Румянцову*, Она ожидала извѣстій о побѣдахъ. Но когда онъ Ей пишетъ, что Турки впрое его многочисленнѣе, — то Она отвѣтствуетъ ему: „Рим-
„ляне никогда не спрашивали о числѣ вра-
„говъ; но гдѣ они, дабы ихъ поразить;“ и строки сіи сдѣлали *Задунайскаго* геросмъ Кагульскимъ. *Суворовъ*, говоря однажды со слезами о своей матушкѣ-Царицѣ, сказалъ: „Она роскотью ума Своего сдѣ-
„лала меня своимъ плѣнникомъ. Безъ Нея
„не видать бы мнѣ Кинбурна, Рымника,
„Измаила и Варшавы.“ Такъ и блаженной памяти Государь Императоръ Павелъ Первый умѣлъ воскрылять геній сей, въ Италіи и Швейцаріи, Своими Высочайши-

ми рескриптами. Упомянемъ объ одномъ на пожалованіе ему чина Генералиссимуса, который въ возвышенности и изящности краснорѣчія не находитъ еще себѣ подобнаго: „Побѣждая повсюду и во всю „жизнь вашу враговъ отечества, не до„ставало вамъ еще одного рода славы: „преодолѣть и самую природу; но вы и „надъ нею одержали нынѣ верхъ. Поразивъ „еще разъ злодѣевъ Вѣры, попрали вмѣ„стѣ съ ними козни сообщниковъ ихъ, „злобою и ненавистію противъ васъ во„оруженныхъ. Нынѣ награждая васъ по „мѣрѣ признательности Моей и ставя на „вышній степень чести, геройству пред„оставленный, увѣренъ, что возвожу на „оный знаменитѣйшаго полководца сего „и другихъ вѣковъ.“ Отголосокъ такихъ словъ Государя къ знаменитому предводителю Его войска раздавался въ сердцахъ всѣхъ Его воиновъ и всего народа.

Говоря здѣсь о военномъ Россійскомъ краснорѣчіи, можно ли не говорить о томъ *Рымникскомъ-Италійскомъ*, который былъ всегда непобѣдимъ, и прославилъ себя сколько побѣдами, столько и всякаго рода воинственнымъ витійствомъ. Иногда, съ простотою солдатскаго

сердца наставлялъ онъ воиновъ и говорилъ: „солдату надлежитъ быть здоро-„ву, храбру, тверду, рѣшиму, справедливу, „благочестиву. Молись Богу! отъ Него „побѣда. Чудо-богатыри! Богъ насъ во-„дитъ. Онъ нашъ Генералъ!“ Иногда кричалъ онъ въ слѣдъ идущимъ атаковать: „Вали на мѣстѣ! гони, коли; остальнымъ „давай пощаду! Грѣхъ напрасно убивать: „они такіе же люди. Умирай за домъ Бо-„городицы, за Матушку, (*) за Пресвѣ-„плѣйшій домъ. Церковь Бога молитъ. „Кто остался живъ, тому честь и сла-„ва!“ Извѣстно, какъ на Сен-Готардѣ останавливаетъ онъ бѣгство солдатъ, указывая на изготовленную для себя могилу! — Замѣтивъ въ Рымникскомъ сраженіи, что ужасныя лица отчаянныхъ Янычаръ, составлявшихъ пятьнадцати-тысячный корпусъ, приводили всѣхъ въ трепетъ и страхъ, тотчасъ даетъ онъ приказъ: „не смотрѣть бусурманамъ въ лице, а колоть ихъ прямо въ грудь;“ и сіе способствовало много побѣдѣ. Въ самомъ ужасѣ сраженія раздавался ушѣшительный для войска гласъ его: „впередъ! съ нами Богъ!“— Онъ вдыхалъ безстрашіе, бывъ

(*) Екатерина Великая.

самъ безстрашенъ; ибо помышлялъ прежде объ опасностяхъ. Бросаетъ ли кормчій якорь и кормило, какъ уже́ ненужные, когда Океанъ въ тишинѣ, какъ свѣтлое зеркало, а небо какъ чистая лазурь? Поздно мудрствовать, когда горы волнъ съ яростію клубятся и всѣ стихіи бушуютъ!

Но когда должно было обратиться къ народамъ Италіи, то воззваніе его къ нимъ было слѣдующее: „Вооружитесь, „народы Италійскіе; стремитесь къ сое„диненію подъ знамена, несомыя на брань „за Бога и вѣру: и вы побѣдоносно вос„торжествуете надъ враждебными ихъ „сонмами. Для защиты святой Религіи, „для возстановленія вашего законнаго Пра„вительства, для возвращенія собствен„ности вашей сражается и проливаетъ „нынѣ кровь свою союзное воинство двухъ „Августѣйшихъ Монарховъ. Не обремени„ли ль васъ правители Франціи безмѣр„ными налогами? Не довершаютъ ли они „вашего раззоренія жестокостью воен„ныхъ поборовъ? И всѣ гореспи, всѣ бѣд„ствія изливаются на васъ подъ именемъ „свободы и равенства,— свободы, которая „повергаетъ семейства въ плачевную бѣд-

„ность, похищаетъ у нихъ сыновъ, и про-
„шивъ воинства вашего Государя, ва-
„шего возлюбленнаго отца, защитника
„святой Религіи, принуждаетъ ихъ сра-
„жаться! Да облегчится скорбь ваша, на-
„роды Италійскіе! Есть Богъ, вамъ пок-
„ровительствующій; есть воинство, васъ
„защищающее. Смотрите на побѣдонос-
„ныхъ воиновъ вашего законнаго Государя;
„смотрите на возстающіе уже народы,
„одушевляемые желаніемъ прекратить
„сколь долговременную кровавую брань;
„смотрите на героевъ, отъ Сѣвера для
„спасенія вашего пришедшихъ! Всѣ зри-
„мые вами, храбрые стремятся освобо-
„дить Италію, и для васъ не остается
„болѣе опасностей. . . . Куда только до-
„ступятъ они; тамъ возобновлены бу-
„дутъ законы, Вѣра и всеобщее спокой-
„ствіе, коихъ вы тщетно желали въ том-
„леніи трехлѣтняго рабства. При власти
„грядущей и служители Божіихъ олта-
„рей примутъ на себя священный санъ
„свой и обрѣтутъ возвращенную имъ соб-
„ственность. Но внимайте: если бы кто
„изъ васъ былъ столь вѣроломенъ, что
„подъялъ бы оружіе противъ Августѣй-
„шаго Монарха, или другимъ способомъ

„старался содѣйствовать намѣреніямъ „Французской республики; тотъ, не смо„тря ни на состояніе, ни на-родъ, ни на„званіе, разстрѣлянъ будетъ, и все имѣ„ніе его взыщется въ казну.

„Вашъ разумъ, народы Италійскіе, „служитъ мнѣ увѣреніемъ, что убѣдясь „въ справедливости нашего дѣла, вы не „навлечете на себя столь праведныхъ на„казаній; что, напротивъ того, самыми „опытами докажете свою вѣрность и „преданность къ благотворительному и „многолюбящему васъ Государю. *Суво„ровъ.* Верона. $\frac{3}{14}$ Апрѣля, 1799 года.“

Говорить о многочисленныхъ рѣчахъ и воззваніяхъ *Суворова*, было бы писать здѣсь новую пространную его Исторію. Дерзну только сказать, какъ очевидецъ подвиговъ его въ Италіи и Швейцаріи, что уста его порождали бурю, которая несла всѣхъ воиновъ на сраженіе; всѣ летѣли за знаменами. Училище ихъ — ратное поле, дисциплина — восторгъ, военное Искуство — напискъ холоднымъ ружьемъ: съ пѣснями нападаютъ они на арміи и батареи; день битвы для нихъ — праздникъ. Отважность ихъ дѣлала огнестрѣльное орудіе безполезнымъ и издѣвалась надъ

Тактикою. Но толикія чудеса творилъ лишь *Суворовъ!* Онъ былъ столько же великъ, сколько и единственъ. Все необыкновенное, неслыханное, огромное составляло стихію его души.

У такого Учителя и на такомъ полѣ битвы срывалъ первые лавры покоритель Бухареста, Графъ *Милорадовичъ. Суворовъ* и въ донесеніяхъ и предъ войскомъ называлъ его храбрымъ Генераломъ. Счастливыя его слова, произнесенныя на сраженіяхъ, показывали никогда неоставлявшее присутствіе духа. Такъ поздравляющему его со днемъ Ангела, войску говоритъ онъ: „ребята, благодарю васъ; дарю „вамъ сію непріятельскую колонну.“ И она въ рукахъ побѣдителей. На поляхъ Итальйскихъ, взявъ знамя, кричитъ: „Друзья, „со мною; вы увидите, какъ вашъ Генералъ умѣетъ умирать:“ и побѣда, какъ пишетъ *Суворовъ*, возблистала. (*)

Въ сраженіи подъ Кремсомъ, когда колонна наша, по неприбытію вспоможенія, должна была отступить отъ гораздо - многочисленнѣйшаго Французскаго войска, Генералъ Милорадовичъ, увидя не-

(*) Смотри донесеніе *Суворова*, въ его Исторіи.

возможность остановить бѣгство солдатъ, тотчасъ нашелся и воскликнулъ: „хорошо, бѣгите, вотъ до того возвышенія!“ Тутъ, собравъ все войско съ подоспѣвшимъ подкрѣпленіемъ, поразилъ непріятеля жестоко.

Въ краткомъ обозрѣніи семъ видѣли мы, какъ рѣчи и слова, кстати сказанныя, дѣйствовали на умъ и сердце воиновъ. Но теперь взору нашему предстоитъ отечественная война 1812 года. Какое обширнѣйшее поле отверзается военному краснорѣчію!

Несмѣтныя полчища всей почти Европы, подъ предводительствомъ всеобладавшаго *Наполеона*, угрожали, казалось, Россіи неминуемымъ разрушеніемъ. Уже́ съ береговъ Вислы и Нѣмана неслись громовыя тучи, которыхъ мракъ устрашалъ вѣчною ночью; въ устахъ гордыни люпаго завоевателя, „Россія увлечена не„избѣжнымъ рокомъ къ своему паденію.“ Но зналъ ли онъ землю Русскую? Зналъ ли ея сыновъ, ихъ твердость въ Вѣрѣ, приверженность къ законному Государю и любовь къ родинѣ, которыя угасаютъ только съ послѣднею каплею испекшей крови? При нашествіи Галловъ и двад-

сяпи иноплеменныхъ языкъ, Государь препоясался правотою и мечемъ. Онъ показаль, что Онъ превыше всѣхъ въ счастіи, а превыше Себя въ злополучіи; Онъ пребылъ во всеколеблющемся непоколебимымъ. Какая рѣдкая, разительная противоположность въ характерѣ Его: мужество и кротость! Подъ благословенною державою такого Монарха Русскіе не считаютъ уже враговъ, потому что не страшатся смерти. Жизнь ихъ не принадлежитъ болѣе имъ, но Царю и отечеству. Небо въ ихъ душѣ; смерть для нихъ безсмертіе. Поздно ужѣ въ первопрестольной Москвѣ познаетъ сей новый Навуходоносоръ ничтожность кичливыхъ своихъ замысловъ, и что не Россія, а онъ увлеченъ неизбѣжнымъ рокомъ къ своему паденію.

Доколѣ имя Русскаго будетъ жить на землѣ, вѣчныя скрыжали Исторіи сохранятъ въ памяти всѣхъ вѣковъ грядущихъ сей знаменитѣйшій періодъ торжества Вѣры и вѣрности. Сѣверный Ахиллесъ будетъ воспѣтъ своимъ Гомеромъ. На мъостается толькоупомянуть о нѣкоторыхъ Высочайшихъ воззваніяхъ и приказахъ, въ которыхъ раскрывается

вся великость души *Александра I.* Прискорбно, что въ тѣсныхъ предѣлахъ сего обозрѣнія не можемъ помѣстить полнаго всѣхъ собранія; но каждое Его слово въ сердцахъ Его подданныхъ. Во всякомъ отзывѣ Государя дышатъ благочестіе, вѣра, любовь къ Россіи. Напомнимъ себѣ тотъ манифестъ, гдѣ, говоря о непреклонности буйнаго врага, оканчиваетъ Онъ слѣдующими словами: „И такъ, видя „его никакими средствами непреклоннаго „къ миру, не остается намъ ничего инаго, „какъ, призвавъ на помощь Свидѣтеля и „Защитника правды, Всемогущаго Творца „небесъ, поставить силы Наши противу „силъ непріятельскихъ. Не нужно Мнѣ „напоминать вождямъ, полководцамъ и „воинамъ Нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревлѣ течетъ громкая „побѣдами кровь Славянъ. Воины! вы защищаете Вѣру, отечество, свободу. Я „съ вами: на зачинающаго Богъ!“

Въ письмѣ къ Генералъ-Фельдмаршалу Князю Николаю Ивановичу *Салтыкову* говоритъ Императоръ Александръ: „Я не „положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ Царствѣ „Моемъ.“ Слова сіи, какъ намъ всѣмъ па-

мятно, подняли всѣ Русскія души и оживили ихъ новою бодростію. Всѣ увидѣли, что Самодержецъ Всероссійскій не помрачитъ никогда величія Своего Царства постыднымъ какимъ-либо миромъ. Они увидѣли также, что и самое паденіе первопрестольнаго града не поколебало твердости духа въ Государѣ и Его воинствѣ. Главнокомандовавшій Князь *Кутузовъ* доносилъ: „Вступленіе непріятеля „въ Москву не есть потеря Государ„ства.“

По изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи, Его Императорское Величество изволилъ изъявить Монаршую Свою признательность войску въ слѣдующемъ приказѣ: „Воины! храбрость и терпѣніе „ваше вознаграждены славою, которая не „умретъ въ потомствѣ. Имена и дѣла „ваши будутъ преходить изъ устъ въ „уста, отъ сыновъ ко внукамъ и прав„нукамъ вашимъ, до поздныхъ родовъ. „Хвала Всевышнему! Рука Господня съ „нами и насъ не оставитъ. Ужѣ нѣтъ „ни единаго непріятеля на лицѣ земли на„шей. Вы по трупамъ и костямъ ихъ „пришли къ предѣламъ Имперіи. Остает„ся еще вамъ пройти за оныя, не для

„завоеванія, или внесенія войны въ земли „сосѣдей нашихъ, но для достиженія же„ланной и прочной тишины. Вы идете „доставить себѣ спокойствіе, а имъ сво„боду и независимость. Да будутъ они „друзья наши! Отъ поведенія вашего за„висѣть будетъ ускореніе міра. Вы Рус„скіе, вы Христіане! нужно ли при сихъ „именахъ напоминать вамъ, что дол„жность воина есть быть храбру въ „бояхъ и кротку во время переходовъ и „пребыванія въ мирныхъ земляхъ. Я не „угрожаю васъ наказаніями; ибо знаю, „что никто изъ васъ не подвергнется „онымъ. Вы видѣли въ землѣ нашей гра„бителей, расхищавшихъ домы невинныхъ „поселянъ. Вы праведно кипѣли на нихъ „гнѣвомъ и наказали злодѣевъ. Кто жъ за„хочетъ имъ уподобиться? Если кто паче „чаянія таковой сыщется, да не будетъ „онъ Русской! Да исторгнется изъ среды „васъ! Воины! сего требуютъ и ожи„даютъ отъ васъ ваша православная Вѣра, „ваше отечество и Царь вашъ.“

Князь Михаилъ Иларіоновичъ *Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій* присоединилъ къ сему Высочайшему приказу и свое воззваніе, которое заключаетъ такими

словами: „Герои! Монархъ отдаетъ спра-
„ведливость за-слугамъ вашимъ и щедро
„награждаетъ ваши отличія; признатель-
„ное отечество благословляетъ своихъ
„избавителей и молитъ за насъ Богу;
„заслужимъ же благодарность иноозем-
„ныхъ, и заставимъ Европу съ чувст-
„вомъ удивленія восклицать: непобѣдимо
„воинство Русское въ бояхъ, и неподра-
„жаемо въ великодушіи и добродѣтеляхъ
„мирныхъ. Вотъ благородная цѣль, до-
„стойная героевъ! Будемъ же стремиться
„къ ней, храбрые воины!“

Такими воззваніями, такимъ сильнымъ, вѣры и благочестія исполненнымъ, краснорѣчіемъ сопровождалось наше побѣдоносное воинство въ самый Парижъ. Тамъ умолкаетъ громъ оружія, и Русскій увѣнчеваетсл безсмертными лаврами.

ЛАКОНИЗМЪ СУВОРОВА.

Древняя Спарта блистала своимъ лаконизмомъ. Спартанское сіе, подъ яснымъ небомъ Лаконіи возникшее, краснорѣчіе отпечатывало народную доблесть, очаровывало прелестію краткости и силы слова умы, — и по истинѣ лаконизмъ есть рѣдкій даръ, отголосокъ великой души и великаго духа. „Умремъ за отечество“ были слова *Леонида* и тѣхъ трехъ-сотъ безсмертныхъ, которые отважились противустать несмѣтному ополченію Ксеркса, спасли отечество и трупами своими увѣковѣчили имя Ѳермопилъ. Эллада, сія мать столь многихъ славныхъ мужей, плѣняетъ насъ и своими героями и ихъ краткими, мудрыми изрѣченіями. Не расточаютъ они словъ тамъ, гдѣ предстоятъ подвиги. Словомъ однимъ они воспламеняютъ воинство и останавливаютъ колесо рока въ самомъ стремительномъ его вращеніи. Вся Грецiя

покрылась развалинами: но слава дѣлъ и словъ сыновъ ея подъ оными не сокрылась. Перо Исторіи даруетъ ей жизнь вѣчную.

Римъ содѣлывается владыкою вселенной. Могуществомъ оружія его побѣждается, но не порабощается Греція. Ея Философія, Науки, Художества, Законы, пенаты, краснорѣчіе и сей мужественный Лаконизмъ, сія возвышенность духа переселяются въ Капитолій. Лучами ея озаренный Римъ перерождается. И тамъ видимъ мы, что потрясенія государствъ воззываютъ на поприще славы мужей необыкновенныхъ, единственныхъ, спасителей отечества; раждаютъ великія мысли, великія слова; и что лаконизмъ сдѣлался языкомъ Римской славы. То же дивное дѣло, которое совершилося на берегахъ Эвротаса, совершается и въ Сициліи: все Римское войско, окруженное *Аннибаломъ*, по невыгодному своему мѣстоположенію, должно неминуемо погибнуть. *Квинтъ Цецилій* предлагаетъ выступить съ четырьмя стами Римлянъ на возвышенное мѣсто, въ виду непріятеля, дабы тѣмъ отвлечь его силы на себя и доставить *Сципіону* способъ

выдти изъ гибельнаго своего положенія, „Умремъ за отечество“— слова безсмертнаго *Цецидія*. Четыреста воиновъ бѣгутъ съ нимъ на смерть неизбѣжную; войско Карѳагенское бросается на сію горсть людей; они погибаютъ, а *Сципіонъ* — побѣдитель при Замѣ. — Какъ неудивляться владычеству слова, сему волшебному жезлу Римскихъ геніевъ! Veni, vidi, vici (*) — слова *Цезаря* — восхищаютъ Сенатъ и народъ Римскій болѣе всѣхъ витійственныхъ донесеній. Тщетно истощеваетъ нѣкогда сей знаменитый полководецъ всѣ свои усилія къ укрощенію возмутившагося Римскаго воинства; оно непреклонно. Но слово его: „граждане,“ мгновенно поражаетъ, обезоруживаетъ, и чиноначаліе водворяется. — Слово, съ твердостію духа произнесенное, спасаетъ *Марія* въ темницѣ: побѣдитель Кимвровъ восклицаетъ вбѣгающему къ нему невольнику: „Варваръ! кто? — ты? — на Каія Марія?“ — Ножъ выпадаетъ, — Кимвръ бѣжитъ. — *Цицеронъ*, спаситель Рима, побѣдитель всюду, провозглашаетъ въ Сенатѣ *Помпея* и *Цезаря* великими; онъ преклоняетъ *Помпея* къ помилованію *Ми-*

(*) Я пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.

лона; а *Цезарь* раздираетъ приговоръ смерти Лигарію. — Вотъ торжество лаконизма!

И Россія гордится мужемъ, котораго побѣды были столь же быстры и блистательны, сколь слова кратки и громогласны. Быстрота, глазомѣръ, натискъ: вотъ лаконизмъ его Тактики! — „Съ нами Богъ! Впередъ! Россійское войско побѣдоносно! Ура!“ слова его предъ сраженіемъ — пущенныя изъ устъ подъ щитомъ Вѣры всегда непобѣдимаго, онѣ для войска, къ нему благоговѣвшаго, были знаменіемъ побѣды; всѣ летѣли къ торжеству, ко славѣ. — Врагъ съ великимъ ополченіемъ, но съ малою душею, бѣжитъ. — Герой встрѣчаетъ побѣдителей: „Ура! Чудо богатыри! Слава! побѣда! Великъ Богъ Русскихъ!“ Слезы радости, восторга, благоговѣнія сливаются съ его слезами.

Такъ паритъ *Суворовъ* нашъ къ безсмертію; но и на самомъ полетѣ въ устахъ его: скорость нужна, а поспѣшность вредна.

На войнѣ онъ быстръ: съ малымъ отрядомъ уходитъ изъ арміи, и вдругъ изъ Туртукая получается донесеніе: *слава Богу! слава Вамъ! Туртукай взятъ и я*

талъ. — При Рымникѣ, Принцъ Кобургскій умоляетъ его письмомъ, на Французскомъ языкѣ, о содѣйствіи; онъ возвращаетъ ему оное съ надписью по-Русски: *Иду — Суворовъ.* — Чрезъ нѣсколько часовъ Рымникскій тушъ съ шестьнадцатью тысячами — и Визирь съ шестьюдесятью разбитъ. — Едва подступаетъ къ неприступному Измаилу, какъ твердыня сія упадаетъ, и онъ пишетъ: *Россійскія знамена на стѣнахъ Измаила!* По разбитіи подъ Брестомъ-Литовскимъ всего многочисленнаго Польскаго ополченія на-голову, доноситъ Задунайскому: „*Корпусъ Сераковскаго кончилъ!*“ — Летитъ въ Польшу, и Польша исчезаетъ. — *Ура! Варшава наша!* — „*Ура! Фельдмаршалъ Суворовъ!*

Екатерина.“

За лаконизмомъ величайшаго Героя лаконизмъ Безсмертной. Въ три мѣсяца Италія со всѣми крѣпостями покоряется громамъ Италійскаго. — Россійскій Аннибалъ преодолѣваетъ непреодолимое: переходитъ громады Альповъ. — На сей высотѣ славы подносится ему картина, изображающая всѣ его подвиги, съ сими словами: *Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.* Онъ беретъ перо, выма-

рываетъ *увидѣлъ*, и симъ показываетъ, что въ быстротѣ превзошелъ Цезаря. — Таковая увѣренность въ своемъ превосходствѣ приличествуетъ токмо таковому Герою. — Горе дерзающему подражать неподражаемому! — „Суворова никто не пересуворовитъ," сказалъ *Потемкинъ*.

Онъ столько былъ скоръ, что даже никогда не ходилъ, а бѣгалъ; никогда иначе верхомъ не ѣздилъ, какъ скакалъ. — „Для войны нужны деньги; но драгоцѣннѣе время. Я дѣйствую не часами, а минутами," повторялъ онъ часто. Краткокъ былъ онъ и на словахъ и на письмѣ.

Императоръ Павелъ I возлагаетъ на него крестъ Іоанна Іерусалимскаго; упадая на колѣна, *Суворовъ* восклицаетъ: *Да спасетъ Богъ Царя*! — „*Да спасетъ Богъ тебя, для спасенія Царей!*" — былъ отвѣтъ, достойный Государя. Варшава высылаетъ къ нему уполномоченныхъ для переговоровъ; онъ выбѣгаетъ къ нимъ въ куртикѣ, каскѣ и саблѣ. „Миръ! миръ!" кричитъ со слезами радости, бросаетъ окровавленный мечъ и прижимаетъ къ груди враговъ. Въ изумленіи забываютъ тѣ свои

предложенія и отверзаютъ врата столицы побѣдителю.

На письмѣ краткость его единственна: изъ Варшавы извѣщаетъ друзей своихъ о взятіи оной. На письмѣ надпись тому, кому слѣдуетъ; по распечатаніи подпись: *Суворовъ*, на сторонѣ: Варшава, число и годъ. — Англійскому Адмиралу *Нельсону*, побѣдителю при Абукирѣ, а плѣннику прелестей Лади Г*** въ Палермѣ, пишетъ: „Палерма не Цитера!“ — Тѣснимый отвсюду непріятелемъ, Генералъ *Мелас*ъ спрашиваетъ его рапортомъ: куда ретироваться? — Отвѣтъ карандашемъ: въ Піаченцу, то есть, впередъ. — *Макдональдъ* разбитъ въ поляхъ Аннибала, а *Суворовъ* встрѣчаетъ въ Піаченцѣ *Меласа*. — И сей великій мужъ могъ имѣть завистниковъ? Не всегда озаряло его солнце, и надъ его главою висѣли громоносныя тучи. Посмотримъ, какъ онъ низлагаетъ зависть шутками и смѣхомъ, и какъ твердъ въ несчастіи.

Екатерина Великая, желая вывесть *Потемкина* изъ ошибочнаго его мнѣнія о умѣ *Суворова*, позволила ему въ особой комнатѣ находиться во время Ея съ нимъ разговора. Удивленный необыкновеннымъ

остроуміемъ и глубокомысліемъ его *Потемкинъ*, упрекнулъ, зачѣмъ съ нимъ также не бесѣдуетъ. Отвѣтъ: „*съ* Царями у меня другой языкъ.“— Гордеца, хвастававшагося, что говаривалъ, бывъ камер-пажемъ, не рѣдкосъ Государынею, наказываетъ: „*Потемкинъ* говоритъ съ Императрицею всегда, *Суворовъ* иногда, а такой-то никогда.“ — Другаго, повторявшаго ему безпрестанно о своей дружбѣ: „дружба и служба — двѣ параллельныя линіи: никогда не сходятся.“ — Плѣнные въ Италіи Французскіе Генералы (бывшей республики) жаловались, что съ ними поступаютъ наравнѣ съ ихъ солдатами: „кто виноватъ! они всѣ равны,“ былъ отвѣтъ *Суворова*. — На балѣ у себя въ Прагѣ, замѣтивъ неудовольствіе Богемскихъ дворянъ за приглашеніе на оный Профессора *Мейснера*, сказалъ: „кто изобразилъ душу *Алкивіада*, тотъ славный человѣкъ. Наставники и просвѣтители наши, по словамъ *Аддисона*, первенствующее дворянство.“ — Барону *Тугуту*, желавшему исторгнуть у него тайну военныхъ его предположеній, вручаетъ свитокъ бѣлой бумаги, убѣгаетъ и кричитъ: вотъ мои планы!

Но когда ему предложили дѣйствовать оборонительно, тогда почувствовалъ онъ все оскорбленіе, ему причиненное. Съ возвышеннымъ гласомъ и духомъ произнесъ онъ иностранному Адъютанту: „скажите вашему Принцу: онъ молодой офицеръ; а я старый воинъ. Словъ: *ретирада*, *дефанзивъ* въ моемъ словарѣ нѣтъ. Я испровергъ теорію прежней Тактики и сотворилъ свою. Прощайте!“ И по истинѣ, онъ создалъ дотолѣ въ воинскихъ лѣтописяхъ неизвѣстную систему — оставляпь въ тылу арміи крѣпости въ блокадѣ и стремиться впередъ. Не по его ли слѣдамъ шествовало союзное побѣдоносное воинство въ усѣянной крѣпостями Франціи къ стѣнамъ Парижа? Такъ великій и во гробѣ благодѣтельствуетъ потомству.

Подивимся теперь величію его духа въ злополучіяхъ; тамъ видѣнъ *Суворовъ*. — У Сенъ-Готарда поражаетъ его въ первый разъ позоръ отступленія войскъ: онъ бросается въ ровъ, хочетъ тутъ умереть, и сей безмолвный *лаконизмъ* въ дѣйствіи воскрыляетъ все войско изъ пропастей на вершину сей надоблачной горы. — Громъ Россійскаго оружія гремитъ надъ

громомъ небесныхъ тучъ. — Окруженный на Альпахъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ и оставленный союзниками, восклицаетъ: „не дамъ костей своихъ врагамъ; умру здѣсь, и изсѣките на камнѣ: Суворовъ — жертва измѣны, но не трусости.“ — Отозванный отъ арміи, при прощаніи въ Тульчинѣ съ рыдающимъ войскомъ, вбѣжавъ на гору, кричитъ: Великъ Суворовъ! Спустясь внизъ: — малъ Суворовъ! прощайте, ребята! друзья! чудобогатыри! молитесь Богу; мы дрались со славою и будемъ опять вмѣстѣ!“ — Предсказаніе его сбылось; Италія и Альпы пали послѣ того предъ знаменами Россіи. — Съ какимъ безстрашіемъ не принимаетъ пакета съ надписью: Генералъ-Фельдмаршалу Графу *Суворову - Рымникскому*! Онъ призываетъ присланнаго, въ баню и возвращаетъ ему: „это не ко мнѣ, Фельдмаршалъ при войскѣ, а я въ деревнѣ.“ — Получивъ повелѣніе возвратиться съ войскомъ изъ Германіи въ отечество, онъ воскликнулъ съ негодованіемъ: „я билъ Французовъ; но не добилъ; Парижъ — мой пунктъ, — бѣда Европѣ!“ — Онъ читалъ въ будущемъ.

Во всѣхъ разговорахъ его отпечатывается остроумная краткость и игра словъ. За три дня до своей кончины, когда называли бывшаго предводителя Французскихъ республиканцевъ, *Дюмурье*, тонкимъ человѣкомъ, возразилъ: „нѣтъ! тотъ не тонокъ, кто слыветъ тонкимъ.“ Какъ сильно живописуетъ сіе скрывавшагося всегда подъ личину странностей! Въ подражаніе *Боало*, сказалъ: j'ai vu Melas — hélas! — Отправляя Фельдмаршалъ-Лейтенанта Графа Беллегарда къ Александріи; Je dormirai tranquillement, car j'ai une belle garde à Alexandrie. — Наканунѣ взятія Милана: Demain j' aurai mille ans.— Разсѣяннаго, но весьма знающаго Генералъ-Квартирмейстера Маркиза *Шателера* называлъ: ma bibliothèque militaire renversée.

Сколько не терпѣлъ онъ отвѣтовъ двусмысленныхъ, неясныхъ, столько любилъ остроумные и рѣшительные. Послѣ сраженія при Требіи, спросилъ впораго Австрійскаго Генералъ-Квартирмейстера *Шаха*: зачѣмъ *Аннибалъ*, по разбитіи здѣсь Римлянъ, не пошелъ прямо къ Риму? — „Видно, отвѣтствовалъ *Шахъ*, и въ Карѳагенѣ былъ Гоф-Кригсратъ. „Онъ понялъ, что сей мѣшалъ на Вѣнскій, его успѣхамъ

неблагопріятствовавшій, придворный Военный Совѣтъ, и бросился обнимать его дружески. Не терпѣлъ онъ также многословія ни на письмѣ, ни въ разговорахъ. Въ Богеміи представлено ему обширнѣйшее начертаніе военнымъ дѣйствіямъ; не дочитавъ, онъ тотчасъ тутъ же написалъ: полная мочь Главнокомандующему. Сношеніе съ однимъ токмо лицемъ Императора: вотъ мнѣ инструкція!

Сей единственный мужъ былъ творецъ особеннаго своего языка — на языкахъ: Русскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ. Его Русской немогузнайка, Нѣмецкой нихтбешпимпзагеръ, Французской экивокъ, двуличка, намѣка, ускромейка, скоромолвка, и пр. и пр. имѣютъ свое особенное значеніе, свой ключъ. Солдаты съ восторгомъ читали и твердили наизустъ его наставленія, его шакшику, на каждомъ вахтпарадѣ имъ самимъ повторяемую, его солдатской разговоръ и понимали истину его науки: пуля дура — штыкъ молодецъ! — ибо побѣждали вездѣ при гласѣ побѣдителя: *Ура! на штыки*!

Но превыше всего была его нравственность, его страсть къ благотвореніямъ. Онъ былъ отецъ войска и бла-

годѣтель. Смѣло всегда могъ онъ говорить: никого, никогда не дѣлалъ я несчастнымъ. Безпрестанно повторялъ правило жизни своей: „Добро дѣлать спѣшить должно.“

Наконецъ, на возвратномъ пути изъ Швейцаріи въ Россію въ городѣ Нейтитшейнѣ, въ Моравіи, у гробницы Австрійскаго героя, *Лаудона*, завѣщалъ онъ себѣ сіе надгробіе: *Здѣсь лежитъ Суворовъ!* — Знаменитѣйшій лаконизмъ для потомства! — Поклонясь памятнику великаго, я оканчиваю. — Вся жизнь его — вѣнецъ, сплетенный изъ блистательныхъ подвиговъ и изъ безчисленныхъ лаконизмовъ въ словахъ и дѣйствіяхъ.

ОДИНЪ ДЕНЬ

ИЗЪ ЖИЗНИ СУВОРОВА.

Однажды, въ Италіянскую кампанію 1799 года, кончивъ ввечеру всѣ дѣла свои по службѣ, вздумалъ я составить дневную записку и описать въ оной всѣ происшествія, даже всѣ движенія и слова Графа Александра Васильевича *Суворова-Рымникскаго.* (Онъ тогда еще не былъ Княземъ). Хотя день сей былъ и не достопамятнѣйшій, но я не виноватъ: я избралъ его потому, что имѣлъ нѣсколько досугу, а сіе случалось рѣдко. И такъ, вотъ опытъ журнала одного дня.

День начался, какъ и всегда начинался: въ четыре часа по полуночи вбѣгаетъ ко мнѣ камердинеръ его, извѣстный Прошка, и — запыхавшись, кричитъ: „Пожалуйте къ Графу!“ — Я приказываю доложить Его Сіятельству, что явлюсь къ нему черезъ десять минутъ. Это было одно мое спасеніе. Тутъ выгадывалъ я себѣ время одѣться и приготовить бумаги; онъ присылалъ по десяти разъ за мною,

не сердясь. Если же бы я сказалъ, что приду чрезъ часъ, какъ я однажды и сдѣлалъ, то онъ бы раскричался: „скажите ему, что я не часами, а минутами дѣйствую.“ Три посольства у меня перебывали; четвертаго я не дождался, и пришелъ къ нему. Онъ уже всталъ съ соломеннаго своего ложа, помолился Богу, окатился холодною водою и прокричалъ нѣсколько словъ по-Турецки. Онъ былъ одѣтъ въ бѣлой Австрійской куртцѣ; но старые сапоги свои и чулки опускалъ необыкновенно. Онъ спросилъ меня, будетъ ли Лордъ Бентинкъ у него обѣдать? Я ему отвѣчалъ, что пригласилъ его. Послѣ сего, перекрестясь, сѣли мы за столикъ и принялись за работу. Я читалъ ему разныя донесенія, письма, приказы, реляціи и проч. Онъ вслушивался со вниманіемъ, взвѣшивалъ каждое слово на Русскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Италіянскомъ языкахъ, совѣтовалъ иное поправить, иное выпустить, иное прибавить. Шутки и странности исчезли. Опытность, начитанность, предусмотрительность, глубокомысліе и память его удивляли меня всегда. Не прежде вставалъ онъ, какъ по подписаніи всѣхъ бумагъ и выслушаніи всѣхъ

докладовъ. Всегда былъ онъ веселъ, когда подносилъ я ему много представленій къ наградамъ; и тогда обниметъ и перекреститъ меня, повторяя свою аксіому: *добро дѣлать спѣшить должно.* — Сегодня кончили мы дѣла въ семь часовъ утра, и онъ кликнулъ Прошку. Съ симъ именемъ оканчивалась его важность. Онъ начиналъ бѣгать, скакать, кричать, вертѣться, помышлять объ обѣдѣ и порываться выбѣжать къ гостямъ, отъ чего я его удерживалъ, увѣряя, что еще не всѣ собрались. Наконецъ, въ 8 часовъ, онъ выбѣжалъ и сталъ каждаго обнимать и цѣловать. Пока онъ еще водки не выпьетъ, представлялись ему обыкновенно новыя лица. Я подвелъ къ нему 18-лѣтняго Коммисаріатскаго офицера, отправляющагося за покупкою 5000 паръ сапоговъ для арміи. Онъ его обнялъ и вскричалъ: „спасай Европу!“ Юноша вспыхнулъ и убѣжалъ. — Италіянецъ-стихотворецъ, въ шелковомъ кафтанѣ, со всѣми комплиментами поднесъ ему Поэму *Освобожденная Италія.* Онъ обнялъ, прижалъ къ груди Поэта, поизмялъ его пукли и воскликнулъ по-Италіянски, съ переводомъ каждаго періода на Русской языкъ: „какъ! вы

питомецъ Аполлона, поетте меня, мальчика въ отечествѣ Тасса! Стою ли я того? Слышали ли вы, что и Сѣверъ имѣетъ *Державина*? Его недавно вздумали сравнить съ Анакреономъ (*), но я за него вступился. Для пѣвца любви и вина довольно тихозвучной лиры: для славопѣвца — труба; она со славою неразлучна; надобно, чтобъ звуки ея раздавались въ дальнѣйшемъ потомствѣ, для котораго мы живемъ. Она воскреситъ насъ." — Вдругъ Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Константинъ Павловичъ благоволилъ удостоить его своимъ посѣщеніемъ. На лицѣ его изобразилось благоговѣніе. Онъ бѣжитъ на-встрѣчу и повергается предъ Сыномъ своего Государя. Его Высочество, немного съ нимъ побесѣдовавъ, изволилъ уѣхать. Возвратясь съ радостнымъ лицемъ въ горницу, велѣлъ онъ, какъ обыкновенно, читать вслухъ: *Отче нашъ*. По окончаніи молитвы, повторилъ: „кто *аминь* не сказалъ, тому

(*) Графъ приказалъ не задолго предъ симъ одному своему чиновнику, написать къ Г. Р. Державину письмо, и сравнить его съ первѣйшимъ въ свѣтѣ Поэтомъ. Тотъ уподобилъ его Анакреону. Графъ на сіе разсердился и уничтожилъ письмо.

нѣтъ водки.“ Взявъ полстаканчика оной, провозгласилъ: Да здравствуетъ на многія лѣта нашъ Августѣйшій сподвижникъ, Его Императорское Высочество, драгоцѣнный залогъ любви къ Россіи Романовыхъ!“ — Послѣ сего просилъ онъ всѣхъ садиться за столъ по чинамъ. По лѣвую сторону подлѣ него садился обыкновенно Маіоръ Румянцовъ, распоряжавшій блюдами. Первыя мѣста заняли Генералы отъ Инфантеріи А. Г. *Розенбергъ* и Австрійскій, отъ кавалеріи, Папа *Меласъ*, Haute Excellence, такъ называлъ онъ его. Мнѣ приказано было сидѣть вмѣстѣ съ сыномъ Парнасса, и толковать ему, что *Поэтъ* и *поетъ* у насъ одно и то же. Сосѣдъ мой, въ жилахъ котораго лилась, кажется, не кровь, а лава Этны, былъ внѣ себя отъ восторга, что удостоился сидѣть съ нами и созерцать *великій феноменъ природы*, какъ онъ поэтическимъ языкомъ изъяснялся. Я радовался, что онъ пресыщался лучами генія; ибо столъ нашъ былъ очень скуденъ и невкусенъ, а особливо въ постные дни. Едва усѣлись мы, какъ Графъ Александръ Васильевичъ изъявилъ свою радость, что у него обѣдаютъ два Высокопревосходительные. Онъ заспа-

вилъ *Меласа* выговаривать по-Русски свой типулъ: *Высокопревосходительство.* Неповоротливый языкъ дрожащаго осьмидесятилѣтняго старца не могъ преодолѣть камня претыканія въ нашемъ *Ы.* Онъ упомлялся и потѣлъ: это подало Графу поводъ говорить о богатствѣ нашего алфавита, о богатствѣ Русскаго слова, — что Славянскій языкъ, происходящій отъ славы, есть нашъ Перу; но что, къ сожалѣнію, бросили мы отрывать сокровища. Все сіе говорилъ онъ на Нѣмецкомъ языкѣ, весьма ясно и плавно. Потомъ спросилъ *Меласа*: „есть ли у васъ, въ нашей союзной арміи, переводчики Русскаго языка?“ На отвѣтъ, что нѣтъ, сказалъ онъ: „хорошо, теперь буду я къ вамъ писать по-Русски, какъ я близъ Рымника написалъ къ Принцу Кобургскому: *иду, Суворовъ.* И надъ сими двумя Русскими словами всѣ въ главной его квартирѣ ломали головы, какъ Антикваріи надъ Египетскими іероглифами. — Но послѣ, побѣда на Рымникѣ истолковала значеніе сихъ словъ. (*)

(*) Послѣ обѣда, Меласъ говорилъ мнѣ: „Боже мой, какъ этотъ человѣкъ убиваетъ своею гордостію. Что дѣлать! ему одному есть чѣмъ гордиться. Сидишь,

Кончивъ сей разговоръ, обратился ко мнѣ: „Зачѣмъ не бесѣдуешь съ дорогимъ гостемъ?“ Я и М. А. *Милорадовичъ* въ одинъ голосъ отвѣчали, что безпрестанно имъ занимаемся. Онъ велѣлъ сказать Италіянцу, что попъ басомъ, пѣлъ однажды съ *Державинымъ* и пригласилъ его въ церковь, дабы послушать тамъ его пѣнія.—Подали говядину, довольно худо изготовленную. „Поподчуйте побольше Лорда *Бентинка*. Вы,“ обратясь къ нему, „какъ знатокъ, можете судить о добротѣ сего рогатбифа. Люблю,“ продолжалъ онъ — „землю, гдѣ родятся Дюки Портланды и Лорды *Бентинки*. (*) Тамъ родился и *Мальборугъ*, другъ Принца *Евгенія*. И я имѣю друга въ Принцѣ Кобургскомъ. Вѣкъ Ореста и Пилада дѣлаемъ мы не баснословнымъ.“ Потомъ началъ возносить краснорѣчіе Лорда *Ча-*

молчишь и удивляешься.“— „Вѣкъ нашъ не вмѣстилъ еще въ себѣ двухъ Суворовыхъ!“ отвѣчалъ я ему.

(*) Лордъ Бентинкъ, молодой Великобританецъ, сынъ знаменитаго Дюка Портланда, прибылъ въ армію съ рекомендательными письмами отъ нашего и Вѣнскаго Дворовъ и отъ нашего Посла въ Лондонѣ, Графа С. Р. Воронцова; служилъ волонтеромъ и пріобрѣлъ любезною кротостію своею довѣренность и уваженіе къ себѣ Фельдмаршала.

тала, сравнивать его съ Демосѳеномъ, Цицерономъ и хвалитъ постоянство Министерства Великобританскаго. Въ продолженіе разговора съ Бентинкомъ, поднималъ онъ безпрестанно опускавшіеся свои чулки, какъ будто чтобъ показать, что у него нѣтъ подвязки (*). Не знаю, понялъ ли тотъ. Погодя нѣсколько, началъ онъ смыкать глаза, смѣяться, кривляться и обводить перстами лице. Это, сказалъ онъ всѣмъ, лѣкарство отъ обморока. Совсѣмъ неожиданно начинаетъ онъ разсказывать Адъютанту своему . . . по-Нѣмецки, что въ молодыхъ лѣтахъ былъ онъ однажды въ Германіи, въ практирѣ, гдѣ одинъ иностранный офицеръ, Оберъ-Лейтенантъ Импертинентъ, говорилъ съ гордостію о point d'honneur, и что онъ полюбилъ его за истину, потому что онъ n'avait point d'honneur. Бѣдный . . . въ замѣшательствѣ, не зная никакого языка, кромѣ Русскаго, повторялъ нѣсколько разъ: „Да, да, gut, хорошо!“ Послѣ обратился ко всѣмъ и говорилъ: „Военному человѣку надобно знать языки тѣхъ народовъ, съ которыми ведетъ войну. Въ Турціи я выу-

(*) Извѣстно, что онъ желалъ имѣть Англійскій орденъ подвязки.

чился по-Турецки, въ Польшѣ по-Польски, въ Финляндіи по-Чухонски.“ Тутъ декламировалъ онъ Чухонскую пѣсню, и хвалилъ гармонію сего языка. Онъ говорилъ много съ *Милорадовичемъ* о военныхъ добродѣтеляхъ, и приказалъ ему со мною сдѣлать разборъ словъ: vaillance, valeur, courage и bravoure. Мы обѣщали.

Долго смотрѣлъ Графъ Александръ Васильевичъ пристально на сосѣда моего, Итальянца, держа по обыкновенію Итальянцевъ, пальцъ подъ глазомъ. Вдругъ спрашиваетъ его: „о чемъ вы думаете?“ Поэтъ, восхищенный симъ вопросомъ, со всѣми каррикатурными кривляньями отвѣтствуетъ: „Воображеніе мое переселило меня въ шатеръ Агамемнона, гдѣ сижу въ Совѣтѣ Греческихъ полководцевъ, и какъ будто ужѣ вижу паденіе Трои и торжество Эллады.“ — Отвѣтъ Графа былъ по-Русски, а *Милорадовичу* и мнѣ велѣно перевесть оный на Итальянскій языкъ. Оба мы, признаюсь, очень плохо тогда знали сей языкъ; но чтобы не попасть въ немогузнайки, переводили съ пóтомъ и отважностію. Вотъ, что Графъ приказалъ ему пересказать: „Я давно зналъ Гомера. Но короче

познакомилъ меня съ нимъ на природномъ нашемъ языкѣ пріятель мой, Ермилъ Ивановичъ Костровъ (*). Люблю *Гомера*, но не люблю десятилѣтней Троянской осады. Какая медленность! сколько бѣдъ для Греціи! Не могу быть Агамемнономъ; я бы не поссорился съ быстроногимъ Ахиллесомъ. Люблю друга Патрокла, за его быстроту; гдѣ онъ появится, тамъ врага нѣтъ! — И Оссіанъ, мой сопутникъ, меня воспламеняетъ; я вижу и слышу Фингала въ туманѣ, на высокой скалѣ сидящаго и говорящаго: „Оскаръ, одолѣвай силу въ оружіи; щади слабую руку.“ Честь и слава пѣвцамъ! Они мужаютъ насъ и дѣлаются творцами общихъ благъ. Это была искра, брошенная на порохъ. Еще и теперь звенятъ въ ушахъ моихъ пінтическія восклицанія: о великій человѣкъ! о геній! o grandissima testa,“ и пр. и пр. Кое-какъ могли мы потушить сей пожаръ. — Мнѣ нужно было обращать все вниманіе свое на *Суворова*, чтобы ничего не пропустить: „Давно ли была Троянская война?“ спросилъ онъ *Меласа*. Сей, спрашась *нихтбештилтзагер-*

(*) Съ Костровымъ былъ онъ въ перепискѣ; и Оссіанъ, ему Переводчикомъ посвященный, былъ любимое его чтеніе, былъ съ нимъ во всѣхъ походахъ.

ства, немогузнайства, отвѣтствуетъ: „тысячу лѣтъ до Рождества Христова.“ — „Ахъ, помилуй Богъ! какъ давно начинается не эпоха, а эра военнаго нашего Искуства! Какъ оно вѣками усовершенствовалось! Какъ оно въ наши вѣки исказилось! Зачѣмъ *Вурлизеръ* спрятался въ Мантуу?“ *Меласъ* отвѣчаетъ: „тогдашнія обстоятельства это предписывали.“ — Тогдашнія обстоятельства, тогдашнія обстоятельства, нихтбешпимптзагенъ, унперкунфтъ, методика, зкивокъ!“ повторялъ безпрестанно Графъ. Обратясь ко мнѣ и назвавъ меня, какъ и всегда, mon prémier Ministre et grand-chancelier dans la guerre contre les Athées: запиши это мудрое: „любятъ посредственность, не терпятъ таланта, потому что сей не охотникъ до узды.“ Я сіе исполнилъ; карандашъ и записная книжка были всегда при мнѣ. „Не правда ли, Папа *Меласъ*“, обратясь къ нему: „война наша есть первая въ свѣтѣ? Ее ведетъ Павелъ Первый и по истинѣ первый ведетъ безъ корысти, безъ вознагражденій; хочетъ возвратить каждому свое. Гдѣ примѣры въ Исторіи? Ура Царю Русскому!“ Меласъ долженъ былъ согласиться. — Адъютантъ

его, Австрійскій Маіоръ Экартъ ударилъ себя по лбу, чтобы согнать муху. „Ахъ! помилуй Богъ, вскрикнулъ, испугавшись, Графъ: не убили ль вы мухи?“ — „Нѣтъ“ отвѣтствовалъ Экартъ: „я ее согналъ. — „Спасибо вамъ; не должно убивать бѣдныхъ малолюдокъ: они ищутъ пищи. — Есть и миролюбивые Фельдмаршалы; но тѣ опять ни куда не годятся.“ — Вскорѣ за симъ спросилъ онъ его, читаетъ ли онъ Вольтера. Отвѣтъ его былъ: Нѣтъ. — „Браво! браво! легкомысленная острота Вольтера; сумазбродные парадоксы Руссо и атеизмъ Дидерота породили адское древо вольности. Но штыки наши тотчасъ оное разрушили.“ При семъ засмѣялся. „Какое дерево безъ корня! — Будемъ молиться Богу. — Читайте Геллерта; онъ не софистъ, не развратитъ.“ — Съ Андреемъ Григорьевичемъ *Розенбергомъ* разговаривалъ онъ о его Крымскихъ дачахъ; съ Михаиломъ Андреевичемъ, о хлѣбосольствѣ покойнаго его отца, съ Графомъ Павломъ Андреевичемъ *Шуваловымъ* о Пензенскихъ его помѣстьяхъ, съ величайшими подробностями. Шуваловъ былъ въ затрудненіи ему отвѣтствовать, потому что самъ ихъ никогда не видалъ. — *Ми-*

лорадовичъ разсказывалъ анекдотъ, какъ два наши солдата поставлены были въ Германіи на квартиру къ одной старушкѣ, которая угащивала ихъ, какъ мать. Тронутые ея ласкою, солдаты изъявляли ей знаками свою благодарность; но замѣтя, что она ихъ не понимаетъ, вскричали: „куда старушка безтолкова? кажется говоришь ей и по-Польски, а она все *нихтъ-ферштенъ*. Знаешь ли, братъ, сказалъ одинъ: надѣнемъ мундиры, и отдадимъ нашей доброй кормилицѣ честь къ ногѣ.“ Тотчасъ одѣлись, выпянулись и прокомандовали: къ ногѣ! Старушка расхохоталась. „Я, продолжалъ Михайла Андреевичъ, хочу непремѣнно заставить искуснаго артиста выгравировать эстампъ съ изображеніемъ изумленной старухи и двухъ солдатъ, отдающихъ ей честь къ ногѣ, и съ надписью: благодарность Русскихъ солдатъ за гостепріимство доброй хозяйки.“ — Графъ любилъ Милорадовича, и выслушавъ сіе съ особеннымъ удовольствіемъ, сказалъ: „любезный Михайла Андресвичъ! этотъ анекдотъ Русской; прибавьте къ надписи еще и Русскую пословицу: хорошо, кто хлѣбъ-соль водитъ; а вдвое тому, кто хлѣбъ-соль пом-

нипъ," и кончилъ: „Вотъ каковы наши чудо-богатыри (*)!" — Начался разговоръ о послѣднемъ балѣ. Онъ сожалѣлъ очень, что не было тамъ какой-то Марьи Михайловны, первой плясуньи въ Боровицкомъ уѣздѣ, которая, по его мнѣнію, всѣхъ здѣшнихъ дамъ помрачила бы. „Я, говорилъ онъ," оставляю теперь танцы до Парижа, гдѣ буду танцовать menuet-à-la Reine, подъ музыку: Vive Louis! Vive Louis! Vive Louis!" — Опять началъ онъ шутить, что дѣлалъ часто, на счетъ моей храбрости и неустрашимости. Я всегда его увѣрялъ, что эти воинскія добродѣтели извѣстны мнѣ только по слуху, и что забавно бы было читать въ реляціи, что Статскій Совѣтникъ убитъ въ сраженіи; что всѣ сказали бы: кто жъ его на галеру носилъ? Не смотря на сіе, принуждалъ онъ меня быть съ нимъ на сраженіяхъ, гдѣ я и бывалъ; увѣряя, что меня не убьютъ, потому, что онъ и самъ трусъ. Теперь, говоря о моихъ какихъ-то военныхъ подвигахъ, когда онъ произнесъ: „Нѣтъ, помилуй Богъ, онъ храбръ, какъ его шпага!" — въ ту самую минуту снимаю я свою

(*) Эспамтъ сей былъ дѣйствительно выгравированъ.

маленькую спанскую шпагу, не много длиннѣе кортика, кладу ее на столъ и говорю: „вотъ она!“ Неожиданность сія произвела продолжительный хохотъ, и Графъ Александръ Васильевичъ смѣялся отъ души; а болѣе всего Графъ Михаилъ Андреевичъ, который часто о семъ разсказывалъ. Утомясь за столомъ, за которымъ просидѣли мы почти три часа, началъ онъ дремать. Прошка толкалъ его въ бокъ, говоря ему на ухо: „Пора, сударь, спать!“ Онъ кивалъ головою. Просидѣвъ нѣсколько минутъ въ задумчивости, раскрываетъ глаза и говоритъ: „Послѣ громовъ оружія, Музы меня усыпили,“ — перекрестился, вскочилъ, побѣжалъ въ другую горницу и стремглавъ бросился на солому. — Просидѣвъ три часа за обѣдомъ, всѣ пустились искать обѣда. Я имѣлъ счастіе быть удостоеннымъ стола у Его Императорскаго Высочества.

Едва пришелъ я въ свою канцелярію и началъ заниматься бумагами къ вечеру, какъ новый нашъ Тассо въ двери. Боже мой! какой восторгъ! какое изступленіе! съ крикомъ, съ ревомъ читалъ онъ мнѣ свою Поэму. Понимая очень мало, я безстыдно восхищался; но чтобы избавить-

ся комментарій, безпрестанно повторялъ ему: capisco, capisco, — понимаю, понимаю. Мы распрощались до свиданія, котораго однако же не было. Впрочемъ меня послѣ увѣряли знатоки, что стихотвореніе его достойно героя. Въ шесть часовъ по полудни, пришелъ я съ Милорадовичемъ. Графъ ужѣ съ часъ проснулся. Мы нашли у него большое собраніе. Онъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ, шутилъ, многихъ называлъ Фармазонами, которые водятся съ духами, чернокнижниками, чародѣями. Послѣ вдругъ полились слезы; онъ начинаетъ разсказывать о великости Екатерины Второй и, между прочимъ, о семъ анекдотѣ: „однажды въ Петербургѣ, на балѣ, въ 8 часу вечера, изволила Она меня спросить: „Чѣмъ подчивать такого гостя дорогова?“ — „Благослови, Царица, водочкой!“ отвѣчалъ я. — „Fi donc! что скажутъ красавицы фрейлины, которыя съ вами будутъ говорить?“ — „Онѣ, матушка, почувствуютъ, что съ ними говоритъ солдатъ.“ Вдругъ изволитъ подносить мнѣ Сама рюмку пминной, любимой моей водки. Я выпилъ за Ея здоровье, и — обливаясь слезами, палъ къ Ея стопамъ и успѣлъ лишь сказать: „Твое снисхожденіе, Монархиня,

дѣлаетъ меня Твоимъ рабомъ. Умру за Екатерину, мать мою, умру Твоимъ Зопиромъ!“ — „Не хочу, чтобъ вы для Меня, какъ топъ для Дарія, изуродывали себя. Живите невредимо для славы нашего отечества!“ были слова Монархини. — „Одинъ взглядъ милости Царя, — продолжалъ онъ „ — даритъ насъ счастіемъ. Еще и понынѣ храню я въ числѣ моихъ знаковъ отличія и цѣлую ежедневно крестовикъ, Всемилостивѣйше пожалованный мнѣ блаженной памяти Государынею Императрицею Елисаветою Петровною, когда я, солдатомъ Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка, стоялъ въ Петергофѣ у Монъ-плезира на караулѣ и отдалъ сй честь. Она изволила спросить меня, какъ меня зовутъ; узнавъ, что я сынъ Генералъ-Поручика Василія Ивановича Суворова, хотѣла пожаловать мнѣ крестовикъ; но я осмѣлился сказать: „Всемилостивѣйшая Государыня! законъ запрещаетъ солдату принимать деньги на часахъ.“ — „Ай, молодецъ!“ изволила сказать, потрепавъ меня по щекѣ и давъ мнѣ поцѣловать Свою ручку: „ты знаешь службу. Я положу монету здѣсь на землю: возьми, когда смѣнишься.“ — Какъ я былъ счастливъ!

Проскакавъ нѣсколько разъ по горницѣ, останавливается предъ Австрійскимъ Генералъ-Лейтенантомъ *Крейцолиъ* (*). Сей, не зная, какъ начать разговоръ, придумалъ сказать ему, что былъ нѣкогда въ перепискѣ съ Княземъ *Потемкинымъ*, симъ великимъ человѣкомъ. „Какъ вы его назвали?“ подхватилъ Графъ: „великимъ человѣкомъ, или человѣкомъ великимъ: un grand homme, ou un homme grand? Онъ былъ тотъ и другой; великъ умомъ, великъ и ростомъ, и не походилъ на того высокаго Французскаго Посла въ Лондонѣ, о которомъ Канцлеръ *Баконъ* сказалъ, что чердакъ обыкновенно худо меблируютъ. A propos, Молордъ Бентинкъ: какъ знаменитъ ученостію землякъ вашъ *Баконъ*! но какія противоположности въ его жизни! Философія — и гинеи!“ — Подхвативъ меня, подводитъ къ Бентинку съ сими словами: „господинъ Бригадиръ (симъ титломъ величалъ онъ меня также иногда) читалъ всѣ Исторіи, даже партикулярныя; но до такого чудака, какъ я, не дочитался.“ Спрашиваетъ подлѣ стоящаго

(*) Онъ былъ въ числѣ тѣхъ многихъ, которые пріѣзжали тогда въ армію не на службу, но чтобы взглянуть на *Суворова*.

Крейца: „Какъ вы думаете, господинъ Генералъ, о монхъ штыкахъ?“ Отвѣтъ того: „превосходство ихъ доказано на дѣлѣ. Вы теперь у насъ въ военномъ Искуствѣ законодатель: но боюсь, чтобы враги наши, вашими штыками битые, не научились обратить ихъ противъ учителя.“ — „Жалокъ“ отвѣчалъ *Суворовъ* — „тотъ полководецъ, у котораго въ головѣ нѣтъ запасу. Я раскрою имъ новую Исторію войны.“ — „Теперь вижу я, произнесъ Крейцъ, — что если Апеллесъ превзошелъ всѣхъ своихъ соперниковъ въ искуствѣ живописи, то почему и въ нашемъ военномъ не быть Апеллесу? Но я удивляюсь не менѣе, какъ вы умѣете электризовать каждое войско!“ —„Бездѣлица! помни, что ты человѣкъ, что подчиненные твои такіе же человѣки и твои братія. Люби солдата, и онъ будетъ любить тебя. Вотъ вся тайна. Такъ съ горстію воиновъ побѣждалъ я многочисленныя арміи, въ которыхъ не было воиновъ.“ — Отошедъ отъ него, возвращается: „Ахъ! я позабылъ вамъ еще сказать: будь своему слову не господинъ, а рабъ. Никогда я не лгалъ. Подъ Измаиломъ послалъ я сказать Пашѣ, что возьму его крѣпость; я увѣрилъ Екатерину

Великую, что Варшава будетъ наша; я обѣщалъ быть на Требіи Аннибаломъ.“ (*) Потомъ пошелъ къ Экарту. Тутъ успѣлъ мнѣ Крейцъ шепнуть: „вездѣ аттическая соль!“ Экарта спрашиваетъ: „скоро ли увижу я свою полную, но разбросанную военную библіотеку, любезнаго Маркиза *Шатлера*?“ — „Отвѣтъ: вчера получилъ я изъ Вѣны извѣстіе, что рана его поправляется.“ — „Знаете ли вы, что онъ жилъ у якобинца, и отъ него заразился; но я его вылечилъ.“ Послѣ: „который разъ теперь онъ раненъ?“ — „Тринадцатый.“ — „Тринадцатый!“ повторилъ Графъ: „кто такъ не боится смерти, тотъ достоинъ жить съ нами.“— Видя, что не будетъ конца, и желая

(*) Я вспомнилъ, что приближаясь къ Турину, Графъ велѣлъ присланнымъ съ отказомъ въ сдачѣ города Депутатамъ передать сіи самыя слова, съ тѣмъ присовокупленіемъ, что и онъ Спинола, — и черезъ часъ городъ былъ въ нашихъ рукахъ. — Извѣстно, что Генрихъ IV, узнавъ отъ знаменитаго Маркиза Амброзіо Спинолы о планѣ предполагаемому имъ на Нидерланды нападенію, сообщилъ оный Принцу Морицу Оранскому. Оба почли сіе съ его стороны обманомъ; но послѣ на дѣлѣ оказалось, что планъ тотъ былъ не выдуманъ, и Принцъ Оранскій заплатилъ за сіе дорого. Тогда Генрихъ сказалъ: „другіе обманываютъ ложью, а Спинола правдою.“

сбыть приготовленные доклады, подошелъ я къ нему съ напоминаніемъ, что пора заняться работою. Тутъ онъ раскричался, назвалъ меня грубіяномъ, жаловался, что разлучаю его съ пріятелями, и склоняю къ ненавистной ретирадѣ. „Но накажите его,“ говорилъ онъ всему собранію: „останьтесь здѣсь и дождитесь моего скораго изъ блокады возвращенія.“ Едва лишь за порогъ, какъ настала тишина. Только предъ чтеніемъ пенялъ онъ мнѣ, зачѣмъ я его не унялъ, когда онъ за столомъ въ горячкѣ бредилъ: это значило у него, когда онъ здраво разсуждалъ. Отвѣтъ мой всегда былъ тотъ, что многіе желали бы имѣть такую горячку. Послѣ я читалъ бумаги; онъ слушалъ внимательно и подписывалъ. Въ заключеніе прочиталъ я ему реляцію о Новискомъ сраженіи. Ему чрезмѣрно понравились слѣдующія слова: „Такимъ образомъ продолжалось 16 часовъ сраженіе упорнѣйшее, кровопролитнѣйшее и въ лѣтописяхъ міра, по выгодному положенію непріятеля, единственное. Мракъ ночи покрылъ бѣгство враговъ. Слава побѣды, дарованная Всевышнимъ оружію Твоему, великій Государь, озарится на-

вѣки лучезарнымъ, немерцающимъ свѣтомъ.“ Выхвативъ у меня реляцію, выбѣжалъ въ другую горницу, и заставлялъ многихъ читать сіе мѣсто, повторяя безпрестанно: „какъ кудряво написано!“— Послѣ возвратился и усѣлся. Кончивъ всѣ офиціяльныя бумаги, читалъ я ему всегда газеты и Журналы, которые тогда наполнены были его именемъ: старика это тѣшило! Въ 10 часовъ вечера все кончилось. Онъ меня поцѣловалъ и благословилъ. Симъ оканчивается исторія одного дня жизни *Италійскаго*.

АНЕКДОТЫ О СУВОРОВѢ.

Князь Александръ Васильевичъ прохаживался однажды съ Императрицею Екатериною Великою по Царско-сельской колоннадѣ. Она изволила разговаривать съ нимъ о великихъ людяхъ: „Здѣсь бесѣдую Я иногда безмолвно съ изваянными сими лицами ихъ!“ сказала Она, и потомъ сѣла отдыхать. *Суворовъ* то подбѣжитъ къ статуѣ, то отскочитъ; но предъ изображеніемъ Русскаго кланялся въ поясъ. Государыня, подозвавъ къ себѣ Графа *Безбородко*, шепнула ему что-то. Тотъ подошелъ къ *Суворову*, и между прочими разговорами спросилъ: какъ ему нравится колоннада. Онъ отвѣчалъ: „я въ отечествѣ своемъ ищу земляковъ. Правда, въ нашемъ климатѣ лавры скоро отцвѣтаютъ. Морозъ ихъ врагъ.“ Потомъ повернулъ *Безбородка*, съ больными его ногами, къ той сторонѣ, гдѣ воздвигнуты памятники *Румянцову* и

Орлову и вскрикнулъ: „смотрите, смотрите туда! Кагулъ и Чесма! Ура!“—Чрезъ нѣсколько минутъ Государыня, поговоря съ *Безбородкомъ*, благоволила подойти къ нему и начать сей разговоръ: „недолго будемъ мы наслаждаться столь прелестною погодою. Жестокъ, признаюсь, климатъ нашъ. Отъ него нѣтъ пощады и лаврамъ; но для нихъ есть у меня парникъ, (указавъ на Свое сердце.) Будьте увѣрены, Графъ, что я не похожу на тѣхъ людей, которые, выписнувъ изъ лимона сокъ, бросаютъ корку.“— Чрезъ нѣсколько дней, украсилъ колоннаду бюстъ *Суворова*. — Разсказывая въ Италіи о семъ анекдотѣ, Князь говорилъ: „не надобно солдату говорить съ дипломатомъ. Я молвилъ два слова, и попалъ въ просакъ. За то послѣ, при первомъ свиданіи съ *Безбородкомъ*, сказалъ я ему: „Такая Царская душа украшаетъ вѣнецъ не драгоцѣнными каменьями, но драгоцѣнными дѣлами. Алмазы сіяютъ, но не согрѣваютъ. Лишь благость есть блестящая, животворная капля Неба.“ — „Ахъ,“ обратясь ко мнѣ, „каково? какъ ты думаешь?“ — Я отвѣчалъ: „Это неподражаемый образецъ сердечнаго красно-

рѣчія Героя, котораго славолюбіе преисполняетъ сферу бытія его.“

Но, теперь, обращаюсь къ гробу моего благодѣтеля, и дерзаю въ полнотѣ сердца произнесть: „нѣтъ, безсмертный мужъ, лавры въ благодарномъ отечествѣ твоемъ не увядаютъ! Памятникъ на берегу Невы указуетъ твои побѣды, — и Фанагорійцы, чудо-богатыри твои, послѣ двадцати-семи лѣтъ твоей кончины, теперь, при творческомъ гласѣ Августѣйшаго Внука Великія, НИКОЛАЯ Перваго, возстаютъ, красуются и величаются побѣдоноснымъ именемъ *Суворова*.

Одинъ иностранный Генералъ, напыщенный древностію своего рода, наскучилъ Князю разсказами о своихъ предкахъ. „Слышали ль вы, Г. Генералъ,“ спросилъ его *Суворовъ*: — „о Римскомъ Колизеѣ? Величина сего зданія превосходила всѣ семь чудесъ древняго міра. Онъ помѣщалъ въ себѣ сто десять тысячь человѣкъ. Представьте же себѣ: величественная огромность сія оставила намъ только одни оплomки и развалины, которыми вы-

мощена площадь Св. Марка, попираемая нашими ногами!“

Маркизъ *Шателеръ*, утомленный отъ трудовъ, уснулъ за обѣдомъ у Князя. Онъ умолкъ, велѣлъ всѣмъ молчать, и мы всѣ такъ тихо встали, что его не разбудили. Послѣ обѣда пришелъ онъ съ извиненіемъ. „Какъ!“ сказалъ Александръ Васильевичъ: „я обязанъ вамъ: вы возобновили лучшую сцену изъ жизни *Фридриха* Великаго, въ семилѣтнюю войну. Онъ, сидя возлѣ уснувшаго своего Генерала, охранялъ сонъ того, кому обязанъ былъ спасеніемъ своей славы. Вы показали намъ сію картину.“ — Не буду говорить, что чувствовалъ Шателеръ.

Аксіома Князя Александра Васильевича была: деньги для войны нужны, но драгоцѣннѣе время. „Однажды“ — разсказывалъ онъ: „матушка Царица изволила мнѣ говорить: вы будете мнѣ нужны въ Финляндіи. Я поклонился Ей въ ноги; тотчасъ на квартиру, а оттуда на перекладныхъ въ Выборгъ. Изъ Выборга пишу до-

несеніе: „Всепресвѣтлѣйшая Государыня! я здѣсь, и ожидаю Высочайшихъ Вашихъ повелѣній.“ Императрица, какъ я послѣ узналъ, изволила отозваться: съ нимъ надобно говорить поосторожнѣе; и въ тотъ же день я удостоился получить Высочайшій рескриптъ — о построеніи и приведеніи въ оборонительное состояніе крѣпостей въ Финляндіи. Тамъ быстро воздвигнулъ я, что быстро разрушалъ.“

Нашедъ въ бумагахъ Князя аттестатъ, за подписаніемъ Флотскихъ начальниковъ, о признаніи Генералъ-Аншефа Графа *Суворова-Рымникскаго* достойнымъ быть Мичманомъ, — спросилъ я его, что это значитъ? Вотъ его отвѣтъ: „Посѣтивъ въ Финляндіи военный корабль, просилъ я Гг. Флотскихъ начальниковъ проэкзаменовать меня въ Навигаціи, и удостоенъ ими письменно въ Мичманы. Если де Рибасъ изъ сухопутныхъ Генераловъ сдѣлался Адмираломъ, то и мнѣ захотѣлось послужить у Нептуна!“

Получена бумага, въ которой, между многими разсужденіями о войнѣ, приписывались всѣ побѣды *Суворова* одному лишь слѣпому его счастію. По прочтеніи, онъ промолчалъ; но послѣ, говоря со мною о любимомъ предметѣ, своей Исторіи, которую готовился со мною писать, продиктовалъ мнѣ слѣдующее: „Исторія моя докажетъ, что, благодареніе Богу, на войнѣ былъ я только уязвленъ, но не побѣжденъ, и не зналъ блистательныхъ репирадъ. Оселъ зареветъ: ахъ! какъ Суворовъ былъ счастливъ!— Отвѣчай: прыткую форпуну надобно умѣючи догнать, схватить и изъ рукъ не выпускать. Припиши еще: умѣніе!!!... практика!!!... Поставь три восклицательные и три пункта. Это мое, этого въ Граммашикѣ нѣтъ.“ — Когда я спросилъ его: не прикажетъ ли написать на ту бумагу возраженія? „Да“ отвѣчалъ онъ: „скажи словами Платона: недосугъ мнѣ „помнить о Діонисіи.“

Не всѣмъ извѣстно, изъ какого источника произошли сіи два, часто въ письмахъ, замѣткахъ и даже въ донесені-

ях'ъ его упоминаемыя слова: унтеркунфтъ и нихтбешшиммзагенъ. Сіи слова сдѣлались въ Исторіи его почти техническими. Вотъ откуда первое получило свое начало: по взятіи Кассано, спросилъ Графъ къ себѣ союзнаго Генерала; Адъютантъ его отвѣчалъ, что онъ уѣхалъ за нѣсколько верстъ въ деревню, чтобы имѣть лучшій унтеркунфтъ, т. е. хорошую квартиру, покойнѣйшій пріютъ. „А! теперь вижу я," воскликнулъ Графъ съ досадою: „что вы унтеркунфтщики, и унтеркунфтъ вашъ привелъ непріятеля къ стѣнамъ вашей столицы." — Нихтбешшиммзагенъ, по-Русски: неопредѣлительно сказать, произошло отъ слѣдующаго обстоятельства: однажды Графъ взялъ съ собою въ повозку Австрійскаго Адъютанта своего, К.; дорогою спросилъ его: сколько Австрійцевъ присоединилось къ нашимъ? — Адъютантъ отвѣчалъ: Mehrere Battallions т. е. многіе баталіоны.— „Какъ!" закричалъ онъ: „скажите мнѣ число." отвѣтъ былъ: Ich kann nicht bestimmt sagen: (не могу опредѣлительно сказать). „Вонъ, нихтбешшиммзагеръ!" и выгналъ его изъ повозки.— Съ того времени слова сіи, какъ и многія, были у насъ въ арміи въ изгнаніи.

Нѣсколько дней спустя, спросилъ онъ меня за обѣдомъ: „если унперкунфтщикъ, нихтбештимтзагеръ и Русскій немогузнайка сполкнутся въ трактирѣ, разскажи, что будутъ они дѣлать?“ — Я отвѣчалъ: „сперва, какъ ближніе, обнимутся, расцѣлуются, а потомъ поссорятся и подерутся.“ Это ему такъ понравилось, что онъ взялъ на себя трудъ пересказывать мои слова всѣмъ, сидѣвшимъ за столомъ, по-Нѣмецки и по-Французски.

Однажды хвалился Князь плохимъ поваромъ своимъ, Мишкою, котораго называлъ первымъ въ Европѣ и превозносилъ его блюда. Сидѣвшій за столомъ иностранецъ не вытерпѣлъ, чтобы не улыбнуться: замѣтивъ сіе, Князь тотчасъ къ нему обратился съ сими словами: „столъ мой нравится мнѣ, и потому, что всякой, кто у меня хотя одинъ разъ пообѣдаетъ, удостовѣрится, что я солдатъ и что меня подкупить нельзя.“ — Кто со мною знаетъ сего чужеземца, тотъ вѣрно согласится, что ничего лучшаго такъ кстати сказать было не можно.

Добрый, но слишкомъ словоохотный К.... вздумалъ заняшь быспраго *Суворова* медленными разсказами о Графѣ Петрѣ Александровичѣ *Румянцовѣ-Задунайсколѣ*, съ безпрестанными повтореніями, что онъ ему родственникъ. Графъ наконецъ прерываетъ разговоръ, сими словами: „ваша рѣчь впереди. Спасибо вамъ, что вы хвалите Графа Петра Александровича. Онъ подлинно, въ продолженіе сороколѣтняго начальствованія, не наговорилъ всего того, что вы теперь въ полчаса.“ Попрыгавъ по горницѣ, продолжаетъ: „Радуюсь, что я не племянникъ какому-нибудь великому человѣку: тогда называли бы меня племянникомъ, а не Суворовымъ.

По приближеніи къ Австрійскимъ войскамъ для принятія главнаго надъ оными начальства, остановился Графъ въ одной деревнѣ, въ избѣ, куда явился Австрійскій необыкновенно-высокаго росту Рошмистръ, съ рапортомъ. — Онъ тотчасъ поставилъ стулъ, вскочилъ на оный, поцѣловалъ его и вензель Франца II, на каскѣ его изображенный; снялъ каску и надѣлъ на себя. „Теперь, сказалъ онъ,

въ семъ шлемѣ поведу я войска моего Государя и Франца II, какъ нѣкогда водилъ войска Іосифа II.“ Ротмистръ съ восторгомъ вскрикнулъ: „Нашъ Императоръ ввѣрилъ вамъ армію и насъ всѣхъ. Я и каска моя ваши.“ Доставъ себѣ другую, поскакалъ онъ къ своей командѣ, и разсказывая сей анекдотъ въ союзной арміи, воспламенялъ во всѣхъ приверженность къ новому Фельдмаршалу. Суворовъ въ сей каскѣ воевалъ во всю кампанію.

Взятыхъ въ первомъ сраженіи въ плѣнъ Французовъ отпустилъ Фельдмаршалъ немедленно въ Парижъ, сказавъ имъ: „идите домой и скажите землякамъ вашимъ, что Суворовъ здѣсь.“

Полученъ былъ одинъ издававшійся тогда въ Петербургѣ ученый Журналъ, въ которомъ авторы сильно сражались, и не было пощады и любимому его пѣвцу. По прочтеніи онаго, произнесъ онъ: „Ахъ! помилуй Богъ! сколько пролито чернилъ; хорошо, что не крови. Удивляюсь войнамъ сыновъ Геликона,

когда по Миѳологической Исторіи, гора сія и ся окрестности лежатъ въ здоровомъ и благотворномъ климатѣ Беоціи, гдѣ течетъ бриліянтовая Иппокрена и гдѣ даже змѣи теряютъ свою ядовитость.“ Обратясь ко мнѣ: „сообщи имъ эту мудрую мою мысль.“ — Не помню, исполнилъ ли я?

На Альпійскихъ горахъ, когда между солдатами возникъ ропотъ и они въ утомленіи кричали въ слухъ: „старикъ нашъ выжилъ ужѣ изъ ума; Богъ вѣсть, куда насъ завелъ.“ Суворовъ спрашиваетъ: „что они говорятъ?“— Ему отвѣчаютъ: вы слышите сами. „Да,“— закричалъ онъ: „Помилуй Богъ! они меня хвалятъ; такъ хвалили они меня въ Турепчинѣ и Польшѣ.“ И солдаты разхохотались.

Разговаривали однажды у него въ комнатѣ объ одномъ гордецѣ. Онъ присталъ къ разговору: „кто его не знаетъ? сказалъ онъ; онъ хуже павлина: тотъ чванится своими блестящими перьями,

но взглянувъ лишь на тощія свои ноги, тотчасъ опускаетъ хвостъ. Нашъ же пріятель все несется вверхъ, никогда на мать-землю не взглянетъ. За то, если упадетъ, то ужѣ не встанетъ.« — Предсказаніе его сбылось.

Въ Регенсбургѣ, на возвратномъ пути изъ Италіи, войска наши приняты были Принцессою Турнъ и Таксисъ, сестрою въ Бозѣ почившей безсмертной Королевы Прусской. Пріемъ останется навсегда въ сердцахъ Русскихъ незабвеннымъ! Она дала великолѣпнѣйшій балъ въ честь Князю. Онъ вбѣжалъ, украшенный всѣми знаками отличія и блистлалъ бриліянтами. Съ благоговѣйною вѣжливостью поклонился ей въ поясъ, поцѣловалъ ея руку. Ея Высочество была въ восторгѣ отъ него. Увидя Прусскаго Посланника, Графа Герца, тотчасъ бросился къ нему на шею и ну его цѣловать. (Онъ былъ нѣкогда Министромъ при Дворѣ Екатерины.) Отъ него подскочилъ къ Англійскому, съ сими словами: Le Roi de la Grande-Brétagne est avec nous; mais l'Electeur de Hanovre est hors de la ligne de dé-

marcation, т. е. Король Великобританскій съ нами, а Курфирстъ Ганноверскій за демаркаціонною линіею (*). Сдѣлавъ всѣмъ собравшимся членамъ дипломатическаго корпуса приличныя привѣтствія, началъ онъ разсказывать объ отступленіи *Моро*, и чтобы на опытѣ показать cette belle retirade, т. е. изящную сію репираду, просилъ онъ всѣхъ стоять неподвижно. Симъ онъ воспользовался, уѣхалъ и никого не обезпокоилъ. На другой день Принцесса прислала ему показать миніатюрной портретъ его, сняпый во время его пребыванія у нея, съ просьбою о позволеніи носить оный на груди своей. Онъ просилъ посланнаго — повергнуть себя къ стопамъ Пресвѣтлѣйшей Принцессы и донести ей, что онъ того не достоинъ; но что она многомилостива. Послѣ началъ спорить о несходствѣ портреша тотъ, который болѣе сорока лѣтъ не смотрѣлся въ зеркало, и увѣрять всѣхъ, что онъ когда-то слылъ въ Россіи, а потому и во всей Европѣ, первымъ красав-

(*) Извѣстно, что Король Англійскій принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ 1799-года, но въ лицѣ Курфирста Ганноверскаго наблюдалъ строгій неутралитетъ.

цемъ, и превосходилъ нѣжностію тѣни даже сестрицу свою.

Князь однажды говорилъ, что онъ никогда, ни въ мирное, ни въ военное время, не былъ несчастнымъ. Одинъ изъ гостей отважился ему намекнуть, что солнце и его не всегда согрѣвало. „А! понимаю васъ, сказалъ онъ; это испытанія Божіи; за то никогда такъ усердно не молился бы я съ Давидомъ: *Господи! благо мнѣ, яко смирилъ мя еси.*“

Докторъ Вейкартъ, вышедъ однажды изъ терпѣнія, что Александръ Васильевичъ не принимаетъ его лекарствъ, а болѣе слушается своего бородобрѣя, Наума, котораго называлъ своимъ Лейбъ-Медикомъ, — сказалъ ему: „Ваше Сіятельство не по лѣтамъ очень легко одѣваетесь и кушаете какъ простой солдатъ.“ — „Такъ, отвѣчалъ онъ, я Генералиссимусъ, а солдатъ на меня смотритъ.“

Одна дама въ разговорѣ сказала: „Фортуна, какъ и Купидонъ, слѣпые.“ — „Ахъ, сударыня, отвѣчалъ онъ: не вѣрьте этому мальчишкѣ; — онъ играетъ въ жмурки и изъ-подъ повязки плутовски выглядываетъ. Иначе не догналъ бы онъ своей душеньки!“

Тронутый ласками одной умной и почтенной хозяйки, велѣлъ онъ ей сказать, что прійдетъ къ ней съ рѣдкимъ подаркомъ. Приходитъ, безмолвно подходитъ, налагаетъ на шею ея золотую Венеціянскую цѣпочку съ замкомъ, запираетъ ключикомъ замокъ, кладетъ его къ груди и исчезаетъ. Возвратясь къ себѣ въ покой, говоритъ: „Къ чему расточительность словъ; вотъ краснорѣчивое молчаніе въ дѣйствіи.“

Случилось мнѣ войти къ Князю, когда онъ написалъ какое-то довольно великое письмо. Онъ меня встрѣтилъ: кстати ты пришелъ: мнѣ нужна Дипломатика: напиши здѣсь на концѣ мелкими словами: „юность Россіи подъ щипомъ Ека-

терины возторжествовала надъ обветшалымъ Западомъ. Старый порядокъ вещей колеблется; Франція одичала. Британецъ беретъ кормило въ руки.« — Кончивъ, онъ у меня выхватилъ бумагу; сказалъ мнѣ: прощай, — и не знаю, куда она дѣвалась.

Престарѣлая Маркиза де-Фаврасъ, изъ знатнѣйшей дворянской Французской фамиліи, Статсъ-Дама и собесѣдница несчастной Королевы Маріи Антуанеты, жена того несчастнаго Маркиза де-Фавраса, который былъ первымъ опытомъ дѣйствія адской гильотины и палъ жертвою преданности къ своему законному Государю, проживала въ крайней нищетѣ въ Аугсбургѣ. По прибытіи туда Суворова, явилась она къ избавителю Италіи. Онъ принялъ ее съ должнымъ уваженіемъ, восхитился ея образованностью, тонкою дворскостію и пригласилъ ее къ столу, за которымъ сидя возлѣ нее, разговаривалъ съ нею безпрестанно о положеніи дѣлъ Франціи. Пообѣдавъ два дни сряду за постнымъ его столомъ, разумѣется, что она изнемогла. Князь очень объ ней сожалѣлъ, и сказалъ мнѣ: „какъ бы

ей помочь? но боюсь, узнаютъ. Тогда дѣло будетъ не-Христіанское. Поклянись, что никому не скажешь.“ Поклялся. — Тогда спросилъ онъ: „сколько бы я думалъ снести ей денегъ?“ — Я отвѣчалъ: пятьдесятъ червонныхъ. „Какъ! вскрикнулъ онъ; вотъ этого я отъ тебя не ожидалъ. Возьми по крайней мѣрѣ двѣсти, и больше мнѣ не говори никогда.“ Я исполнилъ, и молчалъ; но теперь нарушаю клятву, и скажу еще, что Графъ Князь Александръ Васильевичъ нѣсколько лѣтъ сряду присылалъ ежегодно въ Санктпетербургскую тюрьму, отъ неизвѣстнаго, по десяти тысячъ рублей на искупленіе содержащихся за долги.

Читанъ ему былъ отрывокъ изъ Исторіи Александра Македонскаго. Когда дошло до того мѣста, гдѣ Александръ говоритъ, что если бы онъ не былъ Александромъ, то хотѣлъ бы быть Діогеномъ, — остановилъ онъ чтеца сими словами: „Не смѣю и помыслить равняться съ великими людьми; но скажу только, что хочу быть и воиномъ и Сократомъ въ бреду, какъ Платонъ называлъ Діогена. Жаль, что онъ не въ нашъ вѣкъ искалъ днемъ

со свѣчею человѣка. Онъ бы его нашелъ. Предъ Екатериною погасилъ бы свѣчу. Она бы не заслонила ему солнца. Нѣтъ! Она давала намъ свѣтъ и просторъ «

Въ городѣ Таверне остановился Графъ въ домикѣ мѣщанина Антоніо Гамма. Я помѣстилъ свою канцелярію въ чердакѣ. Едва занялся бумагами, какъ входитъ ко мнѣ хозяинъ дома съ просьбою, чтобы его представить великому Суворову. Я тотчасъ предлагаю ему мои услуги. „Какъ, говорилъ онъ, могу я показаться въ этомъ сертукѣ Герою?“—Я увѣрилъ его, что Герой нашъ—врагъ пышности, а другъ простоты, и повелъ его съ собою. Графъ также не соглашался принять его въ полномъ *неглиже*. Наконецъ встрѣчаетъ онъ его, бросается къ нему на шею, цѣлуетъ, прижимаетъ къ груди. Послѣ, отскочивъ отъ него, смотритъ на него пристально, стоитъ неподвижно, показываются слезы — и хозяинъ, не знаю зачѣмъ, прослезился. Наконецъ вскрикнулъ онъ по-Италіянски: „Другъ мой, Антоніо Гамма, пускаемся вмѣстѣ на Альпы.“ — Тотъ въ изступленіи, въ радости, кри-

читъ: „Если бы у меня были сто головъ, онѣ всѣ лежали бы у ногъ вашихъ.“ — Боже мой! тутъ начинаются обниманія, цѣлованія, увѣренія въ вѣчной взаимной дружбѣ. Тотчасъ приказано привести казачью маленькую лошадь; и уже́ въ четыре часа по полуночи сидитъ на конѣ семидесяти-лѣтній патріархъ, окруженный женою, многочисленными сыновьями, дочерьми, внуками, правнуками, которые всѣ на колѣнахъ со слезами умоляютъ его остаться дома и не вдаваться въ опасности. Но потомокъ Вильгельма Телля непреклоненъ, ругаетъ ихъ и говоритъ, что онъ счастливѣйшій изъ смертныхъ — ѣдетъ съ великимъ Суворовымъ. — Едва Графъ выбѣжалъ, чтобъ садиться на лошадь, какъ спрашиваетъ: »гдѣ другъ мой Антоніо Гамма?“ и цѣлуется съ нимъ на конѣ. Крики семейства умолкли, и мы пустились на Альпійскіе ужасы. Антоніо Гамма былъ во весь Швейцарской походъ съ Графомъ неразлученъ, раздѣлялъ съ нами холодъ и голодъ, подвергалъ безпрестанно жизнь свою опасности и былъ арміи очень полезенъ; ибо въ каждомъ селеніи внушалъ своимъ землякамъ Швейцарцамъ лучшія къ намъ располо-

женія и былъ живою нашею прокламаціею. Наконецъ, въ городѣ Курѣ настало время слезному разставанью двухъ друзей, Суворова и Антоніо Гаммы. Я не былъ свидѣтелемъ сей трогательной сцены. Зная, что старикъ Гамма не имѣлъ ни гроша, предложилъ я ему нѣсколько денегъ; но онъ отвергнулъ сіе съ гордостію и даже крикнулъ на меня: „Не изъ денегъ служилъ я Суворову; дайте мнѣ слепокъ съ герба его. Оный будетъ украшать на вѣчныя времена домъ мой.“ — Я просилъ, чтобы онъ хотя заимообразно принялъ отъ меня нѣсколько червонцевъ. Наконецъ онъ рѣшился на пятьнадцать, въ которыхъ и далъ мнѣ росписку, хранящуюся и донынѣ у меня.

Князь, еще въ чинѣ Генералъ-Поручика, явился однажды во дворецъ, прыгалъ, скакалъ, бѣгалъ и дѣлалъ разныя странности. Почтенная придворная дама, старушка К. Д., не могла смотрѣть на сіе равнодушно, подозвала его къ себѣ и пригласила его обѣдать. Онъ къ ней явился. Передъ обѣдомъ взяла она его къ себѣ въ кабинетъ, и начала слѣдующій разговоръ:

„Помилуй, Александръ Васильевичъ, что съ тобою сдѣлалось: ты велъ себя во дворцѣ такъ странно, что ты былъ посмѣшищемъ всего Двора. Я, какъ пріятельница твоимъ родителямъ, любила тебя еще въ молодыхъ лѣтахъ; я за тебя спыдилась и краснѣла.“ — „Виноватъ, матушка Княгиня, взвылъ Александръ Васильевичъ, бросясь къ ея ногамъ. Будь ты мнѣ второю матерью, учи и наставляй меня, я буду твоимъ послушнымъ сыномъ и безъ воли твоей шагу не сдѣлаю.“ Она повѣрила сему. Пошли за столъ. Суворовъ сидѣлъ выпянувшись, глазъ не спускалъ съ новой своей матушки. Но безпрестаино мучилъ ее вопросами: прикажетъ ли поѣсть хлѣба, взять кусокъ говядины, выпить стаканъ воды или рюмку вина? наконецъ, позволитъ ли даже чихнуть и кашлянуть? такъ, что почтенная хозяйка едва сама успѣла пообѣдать. Но, послѣ обѣда, истощилъ онъ ея терпѣніе, до того, что она съ нимъ навсегда распрощалась.

Курфирстъ Саксонскій, уважая отличныя достоинства великаго Россіянина,

изволилъ отправить въ Прагу, (въ Богеміи,) знаменитаго своего живописца Миллера, для списанія портрета Суворова, который будетъ украшать Дрезденскій Музеумъ или, лучше сказать, Музеумъ Европы. Сими словами возвѣстилъ я Князю Александру Васильевичу о прибытіи артиста въ Прагу. Онъ отвѣчалъ: „за чѣмъ изволитъ безпокоиться Его Свѣтлость: откажи ему и скажи, что я мальчишка.“ Сіи слова меня поразили; я остановился и произнесъ съ жаромъ: „Судить, кто вы, не ваше дѣло; предоставьте сіе Европѣ. Ужѣли вы заставите художника сказать вамъ, что сказано было Монтескю, отказывавшемуся также отъ портрета: Развѣ въ отказѣ семъ менѣе гордости?“ Онъ запрыгалъ, поставилъ посреди горницы стулъ и вѣлѣлъ ввести къ себѣ живописца. При появленіи сего, сѣдинами украшеннаго почтеннаго старца, Князь тотчасъ его обнялъ и разцѣловалъ. Потомъ, отскочивъ, началъ по-Нѣмецки слѣдующую рѣчь: (*) „Его Свѣтлость, Курфирстъ же-

(*) Чтобы показать знающимъ Нѣмецкой языкъ, въ какомъ совершенствѣ владѣлъ Суворовъ онымъ, помѣщу здѣсь рѣчь его къ Миллеру отъ слова до

лаетъ имѣть мой портретъ. Ваша кисть изобразитъ черты лица моего; онѣ видны; но внутреннее человѣчество мое сокрыто. И такъ, скажу вамъ, любезный господинъ Миллеръ, что я проливалъ кровь ручьями. Содрогаюсь. Но люблю моего ближняго, во всю жизнь мою никого не сдѣлалъ несчастнымъ; ни одного приговора на смертную казнь не подписывалъ; ни одно насѣкомое не погибло отъ руки моей. Былъ малъ, былъ великъ (тутъ вскочилъ на стулъ); при приливѣ и отливѣ счастія уповалъ на Бога и былъ непоколебимъ (сѣлъ на стулъ) какъ и теперь.“ — Тутъ умолкъ онъ, сидѣлъ неподвижно, и восхищенный Миллеръ, съ чувствіемъ гордости принялся за кисть.

слова. Она врѣзалась и въ моей памяти и въ моемъ сердцѣ. Sr. Churfürstlichen Durchlaucht wünschen mein Portrait zu besitzen. Ihr Pinsel wird die Züge meines Gesichts darstellen. Diese sind sichtbar; allein meine innere Menschheit ist verborgen. Daher muss ich Ihnen, Liebster Herr Müller, sagen, dass ich Blut in Strömen vergossen habe. — Ich erbebe. — Allein ich liebe meinen. Nächsten. In meinem Leben habe ich keinen unglücklich gemacht; nie ein-Todes-Urtheil unterzeichnet; kein Insect ist von meiner Hand gefallen; ich war klein, ich war gross. (Тутъ вскочилъ онъ на стулъ). Bei der Fluth und Ebbe des Glücks, auf Gott bauend, war ich unerschütterlich, so wie auch jetzt. (сѣлъ на стулъ).

Прекрасный портретъ сей хранится и донынѣ въ Дрезденскомъ Музеумѣ; а гравированная съ онаго копія въ изданной мною Исторіи.

Памятенъ еще всѣмъ служившимъ въ Ипаліянскомъ походѣ тотъ великолѣпнѣйшій и единственный пиръ, который далъ М. А. Милорадовичъ отцу войска и своему благодѣтелю въ Прагѣ, въ Богеміи. Суворовъ называлъ этотъ пиръ Лукулловымъ. Наканунѣ сего торжества, велѣлъ онъ мнѣ привесть съ собою къ тому обѣду живописца Миллера, присланнаго отъ тогдашняго Курфирста Саксонскаго. „Ему, говорилъ онъ, надобно ловить черты лица моего и въ веселомъ видѣ.“ Я сіе исполнилъ. На другой день послѣ того обѣда, говоря о пышности и великолѣпіи угощенія, спросилъ онъ: „Если въ свѣтѣ хотя одинъ Государь, который бы могъ обогатить Милорадовича? Нѣтъ! у храбраго нашего друга деньги какъ соръ, который онъ безпрестанно изъ горницы выметаетъ.“

Генералиссимусъ часто подтверждалъ мнѣ имѣть надзоръ, чтобы не было

карточныхъ игръ. Мнѣ извѣстно было, что въ молодыхъ лѣтахъ проигравъ въ первый и послѣдній разъ значительную сумму денегъ, онъ подвергнулся родительскому наказанію. Однажды, на напоминаніе его о карточной игрѣ, осмѣлился я ему сказать: „будьте Ваше Сіятельство спокойны, никто здѣсь не проиграется и не подвергнется наказанію.“ Онъ началъ кричать, бѣгать, кликнулъ Прошку и говорилъ ему: „Помилуй Богъ, онъ знаетъ не только всемірную Исторію, но и партикулярную.“

Одинъ Министръ прислалъ секретную бумагу, собственною своею рукою такъ связно и нечетко написанную, что Князь только нѣсколько строкъ могъ со мною разобрать; да и сіи строки ему не понравились. Наконецъ съ досадою сказалъ мнѣ: „напиши ему: непроникнутая тайна возвращается. Суворовъ любитъ и въ дипломаціи и въ политикѣ чистописаніе и математическую точность. Мистическій Дельфійскій языкъ ему чуждъ. Отъ него спрадала Грецiя.

Князь, увидя лѣкаря, къ которому въ арміи не довѣряли, сказалъ ему: „Перестань обогащать Харона.“ Лѣкарь отвѣчалъ, что онъ въ первый разъ слышитъ сію фамилію. Александръ Васильевичъ, разсердясь на такое невѣжество въ Миѳологіи, убѣжалъ въ другую горницу и разтворивъ дверь, закричалъ: „не мечите бисера передъ свиньями.“

Александръ Васильевичъ былъ отмѣнно добръ и снисходителенъ къ подчиненнымъ; но насмѣшки отъ равныхъ отражалъ острыми стрѣлами ироніи. Одинъ вельможа, увидя изъ окошекъ во дворцѣ ѣдущаго его въ каретѣ, сказалъ всѣмъ шутъ бывшимъ: „посмотрите, господа, въ какое замѣшательство приведу я Суворова; я поздравлю его съ днемъ ангела жены его, съ которою онъ въ разладѣ. При входѣ его тотчасъ подошелъ съ поздравленіемъ; Суворовъ отвѣчалъ: „спасибо тебѣ, что ты помнишь именины, тебѣ досужно сидѣть за святцами; а у меня много именинъ: Турткай, Кинбурнская коса, Измаилъ, Прага; много! много! не упомнишь;“ и побѣжалъ отъ него.

Графъ, идучи во дворцѣ вмѣстѣ съ однимъ важнымъ чиновникомъ изъ низкаго состоянія, замѣтилъ, что тотъ выступалъ и кланялся надменно. Вдругъ Александръ Васильевичъ останавливается и начинаетъ низко кланяться истопнику. Тотъ шепчетъ ему, что это истопникъ. „Знаю, отвѣчаетъ онъ: мы оба знатные, всѣмъ извѣстные; а что изъ него будетъ, намъ неизвѣстно. Потому надобно его задобривать.“

Читали Князю сочиненіе, въ которомъ жестоко нападали на одного умершаго Писателя. „Ругайте, шевелите его кости, сказалъ онъ: отъ покойниковъ антикритики нѣтъ.“

Александръ Васильевичъ спросилъ меня однажды, какъ по-Латини пословица: Поэты родятся, а Ораторы дѣлаются?“ — Я отвѣчалъ: Poetae nascuntur, oratores fiunt.— „Жаль,“ сказалъ онъ: „что нѣтъ на Латинскомъ языкѣ и этой: одни Генералы родятся Генералами, а другіе дѣлаются. Первыхъ видѣлъ я на передовыхъ

постахъ въ дыму пороха, со шпыками и саблями, а послѣднихъ на паркетѣ передъ кабинетомъ полотёрами и несмѣнными стражами. А мундиры у тѣхъ и у другихъ одинаковы.“

Въ Пармѣ поставлена была къ Графу на караулъ рота тамошняго полка. Увидѣвъ сіе каррикатурное, всегда отъ перваго выстрѣла дезертировавшее войско, не могъ онъ удержаться отъ смѣха, и — удаляясь, произнесъ: „О Гогардъ! вотъ для кисіпи твоей поле!“ — Потомъ продолжалъ: „это полчище подобно тому полку, который Портою Оттоманскою въ предпрошедшую войну сформированъ былъ изъ Жидовъ, и котораго Еврей Полковникъ просилъ у Дивана пятидесяти янычаръ для охраненія полка его въ походѣ отъ обидъ жителей.“

Ничто не могло выводить Генералиссимуса изъ себя и такъ сердить, какъ когда ему присылались операціонные планы. „Боже мой!“ вскрикнулъ онъ однажды: „уймутся ли когда-нибудь военные

діалектики! ужéли не хотятъ они увѣриться, что не фоліанты тактическихъ правилъ спасаютъ армію, что военное Искуство свыше Науки, и одна лишь мысль, счастливо развившаяся въ умѣ предводителя, рѣшаетъ судьбу сраженія? Фридрихъ II погибъ бы неминуемо отъ многочисленности Австрійцевъ подъ Лигницемъ, если бы геній его не породилъ вдругъ, въ глубокую темную ночь, спасительной идеи, которой обязанъ онъ былъ побѣдою. Пропусти онъ сей моментъ — и онъ погибъ.“ — При семъ случаѣ разсказалъ онъ анекдотъ, что нѣкогда одинъ восначальникъ отдавалъ въ своихъ побѣдахъ отчетъ Кардиналу-Министру. Сей, указавъ на картѣ одно мѣсто, сказалъ: „Зачѣмъ вы не пошли сюда?“ Въ ту самую минуту, полководецъ съ вопросомъ: куда? ударилъ его перочиннымъ ножичкомъ по пальцу и окровавилъ. „Что это значитъ?“ закричалъ Кардиналъ, вскочивъ въ сильномъ гнѣвѣ. „Ничего,“ отвѣчалъ воинъ равнодушно: „это бы досталось мнѣ, что теперь вамъ, когда бы я пошелъ туда, куда вы меня ведете.“

Разсказывали однажды любопытные анекдоты о храбромъ Венгрѣ, Генералъ-Аншефѣ *Текелліѣ*, отличившемся за Кубанью и въ Турецкихъ войнахъ, подъ знаменами Екатерины. „Помню, помню,“ вскрикнулъ Князь Александръ Васильевичъ, сего любезнаго моего сослуживца, усача-гусара - рубаку - наѣздника, гордившагося сходствомъ лица и роста съ Петромъ Великимъ, съ портретомъ котораго онъ и умеръ. Его вздумалъ одинъ миролюбивый предводитель уклонять по какимъ-то политическимъ видамъ отъ нападенія; но сей, сказавъ ему: „политика — политика, а рубатися треба“ — бросился на непріятеля, разбилъ его и, возвратясь къ миролюбивому Китайцу, произнесъ: „а що твоя папира?“ — „Я бы съ Текелліемъ воевалъ безъ бумаги. Онъ съ саблею, а я со штыкомъ. Да покоится прахъ его!“ — и вспавъ, перекрестился.

Князь, ѣдучи верхомъ, объѣхалъ однажды барабанщика, чтобы его не безпокоить, сказавъ: „Ахъ! помилуй Богъ! какъ барабанъ важенъ! Его слушался и Румянцовъ-ему повинуются шаги воиновъ; онъ

облегчаетъ маршъ; говоритъ громомъ, что дѣлать."

Одинъ говорунъ, распространясь объ отечественной Исторіи нашей, называлъ безпрестанно всѣхъ нашихъ полководцевъ великими. Князь, давъ ему полную свободу, наконецъ останавливаетъ его сими словами: „Не слишкомъ ли, братъ, расточаешь титла Великаго? Не смѣшивай знаменитыхъ съ великими: первыхъ у насъ довольно; но вразсужденіи послѣднихъ природа вездѣ не такъ-то тароватa. Только чрезъ нѣсколько вѣковъ выпускаетъ она по одному. Взгляни на воздвигнутый Великому Великою монументъ Петра! поклонись и остановись."

При возложеніи въ церкви ордена Св. Анны втораго класса на одного Полковника суровообразнаго, обросшаго усами, бровями и бакенбардами, не случилось булавки, чтобы пришпилить ленту. Тотчасъ всѣ дамы подбѣжали съ булавками. Послѣ, за обѣдомъ, смѣялись на счетъ новаго кавалера. „Да, подхватилъ Князь, я замѣчалъ, что барыни любятъ марціаль-

ныя лица, за то и наши неблагообразные братья къ нимъ очень не равнодушны. Свидѣтельствуюсь Эоломъ. Его описываютъ ужаснымъ, а этотъ старикъ-вѣтренникъ, дамской угодникъ, никогда не отказывалъ въ буряхъ Гомеровымъ богинямъ."

При выступленіи войскъ нашихъ изъ Пармы, почти у каждаго служиваго торчалъ на штыкѣ кусокъ сыру пармезану, что представляло забавное зрѣлище. Увидя это Фельдмаршалъ, закричалъ: „Ба! вотъ и сырная на-яву! вотъ какъ штыкъ, мой молодецъ, пригоденъ ко всему! — кормитъ. Хлѣбъ и соль, ребята!" — Всѣ въ одинъ голосъ: „хлѣба кушать, отецъ!" — Кушайте съ Богомъ, сказалъ онъ имъ; хлѣбъ соль не бранится; но помните всегда письменный мой приказъ: обывателя не обижай. Онъ насъ поитъ и кормитъ. Солдатъ не разбойникъ. — Святая добыча: возьми лагерь! — все ваше. Въ Измаилѣ, кромѣ инаго, дѣлили золото и серебро пригоршнями, — такъ и во многихъ мѣстахъ. Безъ приказа отнюдь не ходи на добычу!"

„Знаете ли,« сказалъ Князь Александръ Васильевичь въ Линдавѣ Принцу Лудовику Іосифу *Конде*, „что произвело столь много героевъ, которыми наслѣдственно блистаетъ фамилія Конде? вотъ причина: Франція могла привыкнуть ко всему, только не къ покою, благоденствію и единодушію. Отъ раздоровъ родились войны; войны породили героевъ. При Рокруа все въ хаосѣ; юный Конде спитъ, возстаетъ отъ сна, является, и бысть свѣтъ! — Сія кровь его лѣется въ потомкѣ его, Принцѣ Лудовикѣ Іосифѣ (указавъ на него) при Іоганнисбергѣ, Мергенѣ, Биберахѣ, Шлингенѣ« (тамъ былъ онъ побѣдителемъ).“ Въ восторгѣ произнесъ Конде: „теперь вижу я, что Суворовъ умѣетъ приковать къ побѣдоносной колесницѣ своей и фортуну, и философію и прелесть слова.« — Послѣ сего обнялись оба старца, и Суворовъ воскликнулъ: „да услышитъ Богъ молитву нашу! возвратимъ Франціи Францію и престолъ Бурбоновъ! — *воздадимъ Божія Богови, и Кесарева Кесареви* (отдадимъ Божіе Богу, а Царево Царю).

Суворовъ былъ присяжный врагъ ретирадъ; даже слово: *ретирада*, произносилъ зажмурясь и съ насмѣшливымъ протяженіемъ. Однажды хотѣлъ онъ верхомъ проѣхать рядъ. Офицеръ прокомандовалъ: „отступи назадъ.“ — „Боже мой! раскричался онъ, »тотчасъ арестовать офицера. Этотъ немогузнайка очумитъ всю армію. Учитъ ретирадѣ.“ Въ слѣдъ за симъ данъ приказъ: »пѣшій конному чести не отдаетъ.“ — Такое же отвращеніе имѣлъ онъ и къ слову: *дефанзивъ*, увѣряя, что его нѣтъ и въ Русскомъ словарѣ.

Случился въ Италіи разговоръ о Тактикѣ. Фельдмаршалъ, выслушавъ, продикповалъ слѣдующее: „хорошо знать Тактику, хорошо если и Тактика тебя знаетъ; а лучше всего побѣждать, какъ будто не тактически. Сколько послѣ того притупляется перьевъ! сколько проливается чернилъ!! — Онъ побѣдилъ; но не по правиламъ науки, кричатъ охриплые голоса догматиковъ. Мы, правда, заняли однажды крѣпкую позицію, (Starke Position), но должны были уступить многочисленному непріятелю, съ поте-

рею нѣсколькихъ тысячъ; за то никто не упрекнетъ начальника нашего въ ошибкѣ противъ Тактики. Головы Медузы! — У меня два воинскія искуства: *глазомѣръ*, какъ въ лагерь стать, какъ идти, гдѣ атаковать, гнать и бить; — второе, *быстрота*. — Давно уже говорилъ я въ словесномъ поученіи моимъ солдатамъ: есть безбожные, вѣшреные, сумасбродные Французишки, — — они воюютъ противъ Нѣмцевъ и иныхъ колоннами. Еслибъ намъ случилось противъ нихъ, то надобно намъ ихъ бить колоннами же! — что я теперь и дѣлаю.“

Однажды къ диспозиціи прибавилъ Фельдмаршалъ сіи слова: „Австрійцамъ припомнить Коллинъ!“ — Надобно было видѣть восторгъ ихъ при семъ напоминаніи объ одержанной ими, 18-го Іюня 1757 года, въ семилѣтнюю войну побѣдѣ! И они ознаменовали себя новою.

Нѣкто увѣрялъ Князя, что онъ ни мало не перемѣнился и все цвѣтетъ. „Нѣтъ! любезный, отвѣчалъ онъ; одни

цвѣты производитъ весна, а другіе осень. Хорошо, что я отцвѣтаю на солнцѣ. Въ тѣни растенія ядовиты.“

Въ Асти, 85-ти-лѣтній Маркизъ *Серсъ* едва могъ втащиться къ Графу. Онъ его тотчасъ обнялъ, разцѣловалъ, посадилъ, а самъ передъ нимъ стоялъ, называя его безпрестанно папенькою. Обратясь ко всѣмъ окружавшимъ, сказалъ: „юность должна, помилуй Богъ! чтить дряхлую старость.“ Надъ костюмомъ и старостію Сюлли, великаго друга Генриха IV, хохотали, во дворцѣ Лудовика XIII, молодые царедворцы. Но Фронда (la fronde) за него отмстила. Возникшія тогда междоусобія показали, что во Франціи не было другой головы воина-Министра Сюлли.

Князъ Александръ Васильевичъ былъ очень богомоленъ и строгій блюститель всѣхъ постановленій Церкви. Во время постовъ, утреннюю, часы и вечерню исправлялъ у него на дому Священникъ ежедневно, а за отсутствіемъ Священника и самъ Князь читалъ вслухъ, пѣлъ

и назначалъ число большихъ и малыхъ поклоновъ, и — нагибаясь внизъ, смотрѣлъ, всѣ ли усердно молились. Онъ зналъ весь кругъ церковный, и тотчасъ замѣтилъ, когда однажды Адъютантъ его перескочилъ въ псалтири нѣсколько страницъ; шутъ же остановилъ его сими словами: „Молодой человѣкъ, если ты обманываешь Бога, куда ты годишься? „Безъ различія въ вѣроисповѣданіяхъ, онъ требовалъ отъ всѣхъ, Русскихъ и иновѣрцевъ, чтобы каждый сохранялъ должное уваженіе къ установленіямъ Православной Церкви. Присланный отъ Двора Лейбъ-Медикъ Вейкартъ, прибывшій въ самый Великій постъ, долженъ былъ, въ продолженіе онаго, ежедневно участвовать троекратно въ молепіи и употреблять постную пищу. Отъ сего никакія отговорки его не освобождали. Въ церкви, въ продолженіе служенія, былъ Князь всегда въ величайшихъ хлопотахъ. На крылосѣ пѣлъ онъ съ пѣвчими, и на нихъ досадовалъ, когда несогласно съ нимъ пѣли. Апостолъ читалъ съ великимъ напряженіемъ голоса. Безпрестанно перебѣгалъ съ крылоса на крылосъ, то въ алтарь, то молился мѣстнымъ Образамъ. При полученіи знаковъ отличія

для подчиненныхъ, приказывалъ онъ Священнику окроплять ихъ въ алтарѣ святою водою, и послѣ молебна, при выносѣ ихъ на блюдѣ, каждый удостоенный Монаршей милости, становился на колѣна, и онъ съ поцѣлуемъ и съ приличнымъ и лестнымъ привѣтствіемъ возлагалъ на него орденъ. И самъ престарѣлый Генералъ Меласъ долженъ былъ съ колѣнопреклоненіемъ принять орденъ Маріи Терезіи второй степени. Такъ во всю жизнь свою былъ онъ преданъ Религіи; „но пустословъ, говорилъ онъ, я не люблю. Я читалъ гдѣто, что ихъ уподобляютъ вазамъ, которыя звенятъ, потому что внутри пусты.“ — Я видѣлъ Суворова истиннымъ Христіаниномъ, когда онъ исповѣдывался и причащался предъ кончиною. Говорите вы, слезы окружавшихъ его, кто исторгъ васъ тогда? Я былъ при послѣднихъ мгновеніяхъ умирающаго великаго человѣка, если онъ только умираетъ. Мнѣ казалось, будто природа, дивясь чудесному произведенію своему, колебалась, разрушить ли сооруженный ею самою образецъ своего изящества. Время и вѣч-

ность боролись. Вѣчность воспоржсиповала, и Пѣвецъ Державинъ возгласилъ:

„Сѣверны громы въ гробѣ лежатъ.“

СУВОРОВЪ и КУТУЗОВЪ.

Оба стремились къ славѣ и достигли оной, но разными путями. Оба во многомъ походили другъ на друга, во многомъ же ни мало. Саллустій оставилъ намъ изображеніе отличительныхъ чертъ Цезаря и Катона. Сіи также были велики, похожи одинъ на другаго — но въ противуположностяхъ. — И я представляю здѣсь двухъ Россіянъ, *Суворова* и *Кутузова*. Служеніе подъ непосредственнымъ обоихъ начальствомъ доставляло мнѣ случаи видѣть ихъ на самомъ сраженіи, гдѣ душа каждаго стремилась къ побѣдѣ, къ славѣ. Тамъ одно мгновеніе рѣшаетъ судьбу войскъ и судьбу полководца. Въ сіе-то роковое мгновеніе оба были героями! Я видѣлъ ихъ предъ начатіемъ сраженія въ томительномъ положеніи, когда военачальникъ, приготовляя бишву, истощеваетъ всѣ душевныя свои

способности и усилія, старается предугадывать шаги своего непріятеля и придумываетъ средства къ предупрежденію всѣхъ его замысловъ. Тутъ хочетъ онъ быть свыше человѣка, не оставляя ничего случаю. Глазамъ моимъ они предстоятъ во всемъ величіи и блескѣ, въ торжественную минуту побѣды. Россійское *ура* возвѣщаетъ оную. Поле сраженія наше. Оно усѣяно трупами падшихъ. Мы по нимъ преслѣдуемъ, поражаемъ бѣгущихъ. Войска, знамена, орлы, крѣпости предъ нами падаютъ. И Суворовъ и Кутузовъ плачутъ отъ радости, отъ восторга. Оба благоговѣютъ предъ Царемъ Царей, Которому единому подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе; оба спѣшатъ повергнуть къ престолу Царя своего сподвижниковъ своихъ, все войско; призираютъ ознаменованныхъ ранами и предаютъ съ молитвою землѣ на брани убіенныхъ. Оба начальники — отцы ввѣренныхъ воиновъ! — Ихъ видѣлъ я въ тихомъ уединеніи, гдѣ на лаврахъ, подъ бременемъ славы своей, размышляли они о суетѣ мірской, содрогались отъ единой мысли, что все величіе

ихъ куплено цѣною крови несчетныхъ тысячь жертвъ. Здѣсь они человѣки!

Взгляните на обоихъ: какая разность въ наружности! Одинъ — испещренный, все лице покрыто морщинами, посѣдѣвшій какъ лунь. Другой, ровесникъ его, сохраняетъ всю свѣжесть и полноту лица; нѣтъ ни одной морщины; глава только нѣсколько покрывается сѣдинами. Старикъ Суворовъ бѣгаетъ, прыгаетъ, скачетъ верьхомъ, не сходитъ во время сраженія съ лошади. Старикъ Кутузовъ выступаетъ медленными шагами, тяжесть тѣла заставляетъ его ѣздить въ покойной повозкѣ, только рѣдко онъ садится на лошадь. — Топъ вспаетъ съ своей соломы съ первыхъ пѣтуховъ, доволенъ суровою солдатскою пищею, зеркаловъ и всякой роскоши врагъ. Сей охотникъ до вкусныхъ блюдъ, любитъ быть въ великолѣпныхъ палатахъ и покоиться на мягкомъ ложѣ. Оба стараются быть непроницаемыми. Суворовъ прикрываетъ себя странностями, въ которыхъ неподражаемъ; Кутузовъ — тонкостію въ обращеніи. Въ бесѣдѣ Суворовъ краткъ, отрывистъ, одною рѣзкою мыслію изумляетъ и вос-

хищаетъ; на письмѣ Спартанецъ. Кутузовъ плѣняетъ всѣхъ даромъ слова, своею замысловатостью, пріятнымъ разсказомъ, на письмѣ любитъ блистать. — Въ храмѣ одинъ читаетъ Апостолъ, поетъ на крилосѣ, неутомимъ въ безпрестанныхъ поклонахъ съ колѣнопреклоненіемъ. Другой съ должнымъ благоговѣніемъ стоитъ неподвижно и молится. — При Дворѣ Суворовъ боится скользкаго паркета, бѣгаетъ изъ угла въ уголъ, не хочетъ походить никакъ на придворнаго, и показываетъ себя простымъ солдатомъ, забавляетъ и колетъ. Кутузовъ, зная силу Царедворца, сообразно съ обстоятельствами не щадитъ ничего, чтобы въ пользу свою уловить слабую сторону. — Тотъ въ обращеніи съ женщинами неловокъ, убѣгаетъ ихъ и кричитъ: »отъ нихъ мы потеряли рай!« Дышитъ лишь славолюбіемъ. Сей поклонникъ ихъ, и въ кругу прекраснаго пола находитъ для себя пріятнѣйшее провожденіе времени. Оба, ученики Румянцова, ознаменовываютъ храброе служеніе свое отечеству памятниками подъ знаменами героя Задунайскаго. Ядро поражаетъ Суворова въ плечо и ногу;

пуля — Кутузова въ глазъ. Промыслъ Всевышняго хранитъ ихъ для славы и величія Россіи. — Любовь и довѣренность подчиненныхъ пріобрѣтаютъ они различно. Одинъ покоряетъ себѣ сердца, какъ и города, приступомъ: обниметъ, поцѣлуетъ, перекреститъ, и солдатъ и офицеръ отъ начальника своего въ восторгѣ. Другой осаждаетъ сердца, и тѣшится преодолѣніемъ. Одинъ быстръ — какъ Цезарь; другой медленъ — какъ Фабій. *Быстрота*, *глазомѣръ*, *натискъ:* Тактика нашего Цезаря; *спѣши медленно:* нашего Фабія. — Одно слово *ретирада* приводило Суворова въ гнѣвъ и изступленіе. Австрійскій Генералъ Меласъ, тѣснимый подъ Требіею Французами, присылаетъ къ нему въ отчаяніи за повелѣніемъ, куда отступать? — отвѣтъ: въ Піаченцу, то есть разбить непріятеля и прогнать его за Піаченцу. Кутузовъ отступленіемъ своимъ отъ Браунау до Ольмюца сдвали не превзошелъ Моро на Рейнѣ. — Въ превратностяхъ счастія одинъ кричитъ, другой молчитъ и вздыхаетъ. — Суворовъ, на Альпійскихъ горахъ оставленный союзниками, окруженный отвсюду непріятелемъ и преданный всѣмъ лю-

тостямъ жребія, кричитъ: измѣна! измѣна! бросается въ ровъ: „бѣгите, оставьте меня, здѣсь мой гробъ!« И въ пропастяхъ побѣда исторгается штыками. — Кутузовъ, съ скорбнымъ молчаніемъ, отдастъ врагу первопрестольный градъ, и донесеніе, что *потеря Москвы не есть потеря Россіи* — окропляется его слезою.— Одинъ съ горстію людей низлагаетъ всюду враговъ; Италія освобождена; онъ умираетъ. Другой, съ Россіею, противоборствуетъ цѣлой почти Европѣ; враги побѣждены, изгнаны, погибаютъ; отечество торжествуетъ; онъ умираетъ.

Рымникскій - Италійскій, Кутузовъ-Смоленскій дѣйствовали въ разныя времена, съ разнымъ числомъ войска и въ разныхъ обстоятельствахъ. Тотъ былъ вездѣ побѣдителемъ. Россійскому Престолу покорилъ неприступныя крѣпости и новыя Царства. Сему побѣдителю предоставлено спасеніе Отечества. Незабвенны слова Суворова: „щетно двигнется на Россію вся Европа. Она найдетъ тамъ Ѳермопилы, Леонида и свой гробъ.«

Наконецъ, оба они имѣли одинаковую со всѣми славными Полководцами участь,

и объ нихъ спрашиваютъ: были ль они столько искусны, сколько счастливы? — Сіе рѣшитъ потомство.

Suum cuique decus posteritas rependit. (*Тацитъ.*)

ПИСЬМО

КЪ ИЗДАТЕЛЯМЪ ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ 1810 года.

„Я давно съ пламеннымъ желаніемъ спремился, а теперь и сугубо спремиться буду къ тому, чтобы оправдать довѣренность и ожиданія почтеннѣйшей публики; и для сего не пощажу ни трудовъ, ни ревности къ скорѣйшему окончанію моего сочиненія. По напечатаніи онаго, надѣюсь, что она проститъ мнѣ медленность, происшедшую отъ неполученія еще нѣкоторыхъ бумагъ и гравируемыхъ плановъ; за то, вмѣсто обѣщанныхъ трехъ частей, будетъ она имѣть четыре: такъ распространились, въ продолженіе десяти лѣтъ, предѣлы моего повѣствованія. Дѣянія великаго полководца должны быть преданы потомству съ возможною историческою точностью, со всѣми оттѣнками его характера, со всѣми подробностями: ибо существованіе Государства,

которому посвящаетъ онъ свое служеніе, зависитъ нѣкоторымъ образомъ отъ его подвиговъ; предметъ его дѣятельности есть топъ, чтобы явить человѣческія силы во всемъ величественномъ ихъ могуществѣ; онъ долженъ самъ созидать, образовать, одушевлять и дѣйствовать въ пространной своей сферѣ; могущественный разрушитель и самъ подверженный разрушенію, представляется онъ, какъ нѣкое существо вышняго рода; сила его въ самой борьбѣ съ увеличивающимися сопротивленіями и несчастіями возрастаетъ, а потому и жизне-описаніе его занимательнѣе всѣхъ другихъ. Счастливымъ я себя почту, если мнѣ удастся представить отечеству сего Генія во всемъ его блескѣ и величіи. Геній не есть подражатель, — онъ не пріобрѣтается наукою, — многочисленные успѣхи доказываютъ его полетъ, и воспламенять душу всего воинства, давать ей быстроту, которой не останавливаютъ препятствія и самой враждующей природы — вотъ отличительныя черты, которыми изумлялъ онъ свое столѣтіе. Подвиги его были феномены, непостижимые, даже странные; слѣдственно и су-

жденія о немъ должны быть различны. Онъ зналъ слабость своего вѣка; дабы побѣдить, надлежало ему токмо повостію мѣръ привести непріятеля въ замѣшательство; а многочисленности его противупоставлялъ онъ непреоборимое превосходство свое въ средствахъ и пособіяхъ. Сколь часто выигрывалъ онъ, по изреченію Маршала де-Сакса, ераженія солдатскими шагами! Такъ содѣлывалъ онъ себя превосходнѣйшимъ въ числѣ, умѣя быть превыше времени! Россійскій воинъ, видя такой примѣръ въ обожаемомъ своемъ полководцѣ, который умѣлъ дѣлать все, — лишая себя всего — переходилъ горы, спускался въ пропасти, переносилъ на рукахъ пушки, возилъ ихъ на своихъ плечахъ, преплывалъ рѣки, дѣлалъ переходы нечеловѣческіе, сражался безъ пищи, словомъ: производилъ невозможное. Кто здѣсь не вспомнитъ съ трепетомъ объ ужаснѣйшемъ переходѣ Альпійскихъ горъ нашего Аннибала.

Повѣствованіе о моемъ Героѣ-благодѣтелѣ начнется съ самаго вступленія его въ службу, и будетъ заключать въ себѣ всѣ прежнія знаменитыя побѣды его въ Турціи и Польшѣ, и всѣ достопамят-

ныя происшествія военной и частной его жизни. Я буду руководствоваться собственными его примѣчаніями и исправленіями ошибокъ, которыя приказывалъ онъ мнѣ записывать, при чтеніи Исторіи его, изданной Антингомъ. Вообще будетъ онъ (сіе долженъ я замѣтить) говорить почти вездѣ въ моемъ сочиненіи самъ со свойственнымъ ему неподражаемымъ лаконизмомъ. Но на поляхъ Италіи и на Альпійскихъ горахъ имѣлъ я уже счастіе, преисполняющее мѣру всякаго любочестія, быть очевидцемъ его славы. Тамъ, въ первый еще разъ, явился онъ Главноначальствующимъ двухъ Императорскихъ армій. До того времени долженъ онъ былъ повиноваться начальнику, раздѣлять съ нимъ тріумфы и права на признательность отечества. Въ Италіи созидалъ онъ одинъ свое счастіе; здѣсь показалъ онъ тѣ воинскіе таланты, ту храбрость и тотъ строгій порядокъ, которые обратили вновь на него удивленіе Европы: здѣсь возложилъ Италійскій самъ на военную славу свою вѣнецъ. Въ сію блистательную эпоху жизни своей, удивлялся я, съ непрерывнымъ восторгомъ, какъ сей искуснѣйшій нашего времени Полко-

водецъ умѣлъ истинную Тактику свою, долговременною опытностію пріобрѣтенную, принаравливать къ каждому оружію, къ каждой націи и войску, которымъ начальствовалъ. Онъ имѣлъ всегда предъ собою примѣры знаменитыхъ военачальниковъ, памятники великихъ ихъ подвиговъ и гибельные слѣды ихъ погрѣшностей; но общаго своего плана никогда не основывалъ на оныхъ, повторяя непрестанно: »военной наукѣ должно »учиться на войнѣ. Каждый театръ войны »есть театръ новый.« Вотъ замѣтка, которую диктовалъ онъ мнѣ при вступленіи изъ Италіи въ Швейцарію: »Я видѣлъ ужасы »Кавказа; они ни что предъ Альпійскими (*). »Тѣмъ больше славы. Плодовъ я не вижу. »Русскому испытать должно все. Нѣтъ »земли въ свѣтѣ, которая бы такъ »усѣяна была крѣпостями, какъ Италія, »и нѣтъ опять земли, которая бы по »Исторіи была столь часто завоевана. »Театръ войны въ Италіи есть первѣй»шее училище для посвятившаго себя »военному Искуству. Здѣсь сражались зна»менитѣйшіе Полководцы, подвиги коихъ

(*) Смотри приложенный при письмѣ отрывокъ.

»лучшіе уроки! — Сраженія, баталіи, взя»тія крѣпостей являли разныя перемѣны »въ дѣйствіяхъ армій. Здѣсь машина и »моей Тактики была съ малѣйшими ея »пружинами въ движеніи. И я разбилъ »при Тидонѣ и Требіи Французовъ, гдѣ и »Аннибалъ древнихъ Римлянъ! ... На Аль»пахъ все не то. Тамъ должно будетъ »взлѣзать или вскарабкиваться въ виду »непріятеля, имѣя его то впереди, то »во флангахъ, то въ тылу. Должно бу»детъ осаждать громады, природою у»крѣпленныя, нерѣдко штурмомъ! армія »идетъ гусемъ. Артиллерійскія и фор»тификаціонныя правила не нужны, ран»жиры невозможны, о регулярныхъ сра»женіяхъ и баталіяхъ нечего и думать. »Это война стрѣлковъ. Неутомимость »солдата, отважная рѣшимость офицера! »Тамъ будутъ сражаться всѣ, и дипло»матикъ, (*) которому сообразить все сіе »для реляціи.« Въ числѣ всѣхъ диспозицій, помѣщенныхъ въ моей Исторіи, та, которая заключаетъ въ себѣ правила, какъ дѣйствовать войску на горахъ, обратитъ безъ сомнѣнія на себя вниманіе

(*) Это относится ко мнѣ.

каждаго знатока военнаго Искуства. Когда герой нашъ, сей, смѣю назвать, великій учитель и наставникъ мой, готовилъ меня къ написанію прокламаціи своей къ Швейцарамъ, то велѣлъ мнѣ написать слѣдующую замѣтку. »Тактика и Дипломатика безъ »свѣтильника Исторіи ничто. Намъ должно вторгнуться въ нѣдра Швейцаріи. »Исторія Союза Гельвепическаго повѣствуетъ намъ чудеса храбрости и побѣдъ. Блескъ славы древнихъ Грековъ »давно померкъ. Марѳонское сраженіе ничто! При Моргартенѣ тысяча пристава »Швейцаръ остановили двадцать тысячь »Австрійцевъ, положили шестьсотъ на »мѣстѣ, а остатокъ прогнали. Знаменитая побѣда шестисотнаго ихъ корпуса, при Сембахѣ, возвышаетъ ихъ надъ »героями Платеи. Баталія при Везенѣ, въ »Кантонѣ Гларисѣ, не сравняется съ древнею при Термопилахъ. Тамъ триста »Спартанцевъ противостали переходу »многочисленной арміи Персидской. Предпріятіе отважное, сраженіе не равное. »Они всѣ погибли, остановя токмо »на короткое время непріятеля. Здѣсь »триста пятьдесятъ Швейцаръ нападаютъ первые на Австрійскую осьми-

»тысячную армію. Десять разъ бы»ли они отбиты, въ одиннадцатый раз»строили непріятельскіе баталіоны, и »обратили ихъ въ постыдное бѣгство. „Такими побѣдами утвердила Гельвеція »свою независимость и свою славу. Намъ »надобно выигрывать сердца такихъ геро»евъ!« — Въ городѣ Алессандріи, за обѣдомъ, говоря о Юліѣ Кесарѣ, сказалъ онъ, что превзошелъ его въ быстротѣ, и совѣтовалъ всѣмъ, для удостовѣренія въ томъ, прочитать его Записки. Послѣ, обратясь ко мнѣ, велѣлъ записать слѣдующее: »Ошибки великихъ Полководцевъ поучи»тельны. Я бы не пошелъ какъ Принцъ »Евгеній къ Кремонѣ, зная наперед, что »не удержу ее. Онъ долженъ былъ ее оста»вить. Нѣтъ славы! можетъ быть, »онъ не виноватъ... Гофкригсратъ въ Вѣ»нѣ былъ и тогда... Но онъ пріобрѣлъ »безсмертіе походомъ своимъ въ Туринъ, »оставивъ за собою въ тылу Французовъ »и разбивъ Герцога Фельяда въ его шан»цахъ! Одинъ ударъ очиститъ Италію!!!« — Равное уваженіе питалъ онъ въ сердцѣ своемъ и къ современнымъ своимъ на ратномъ поприщѣ противникамъ. Потрясенія великихъ государствъ порождали все-

гда великихъ мужей, которые блескомъ подвиговъ своихъ обращали на себя удивленіе. Французская революція изобилуетъ такими примѣрами, и можно ее назвать плодородною матерью знаменитыхъ военныхъ людей. Она произвела *Моро*, *Макдональда*, *Серюрье*, *Жуберта*, *Массену* и прочихъ. Краткія Біографіи сихъ Генераловъ въ Исторіи моей послужатъ къ возвеличенію славы нашего Героя, и покажутъ ту степень справедливости, которую отдавалъ онъ достоинствамъ каждаго изъ нихъ. Перваго называлъ онъ Генераломъ славныхъ ретирадъ. »Онъ меня, сѣдаго спа»рика, нѣсколько понимаетъ; но я его боль»ше. Горжусь, что имѣю дѣло съ слав»нымъ человѣкомъ!« — Кто здѣсь не вспомнитъ знаменитое отступленіе Моро за Рейнъ, въ 1796 году, которымъ прославилъ онъ себя столько же, какъ другіе побѣдами, по справедливому замѣчанію Сегюра. По разбитіи Эрцъ-Герцогомъ Журдана, *Моро*, безпрестанно преслѣдуемый непріятельскимъ гораздо многочисленнѣйшимъ войскомъ, отступалъ цѣлыя двадцать семь дней, одерживая надъ непріятелемъ разныя побѣды, а особливо при Биберахѣ, гдѣ отступающее войско,

послѣ рѣшительной побѣды, взяло въ полонъ пять тысячь Австрійцевъ и осьмнадцать пушекъ. Всѣ сіи выгоды не обезпечили однако еще Французской арміи; надлежало отважиться еще на нѣсколько сраженій, овладѣть дефилеями Шварцвальда, и дабы ускользнуть отъ Австрійцевъ, отрѣзавшихъ дорогу къ Келю, и пробраться къ Фрейбургу, завладѣть штурмомъ такъ называемую Чертову долину: чрезъ сію то долину, или лучше сказать, чрезъ сей горный крайне-тѣсный проходъ, провелъ *Моро* всю армію и показалъ совершенство военнаго Искусства! Въ оную ни какъ не могъ отважиться, въ 1702 году, смѣлый и дерзкій Вилларъ. „Чрезъ сію Чертову долину, отвѣтствовалъ онъ Курфирсту Баварскому, не мо„гу я пройти; ибо, проспите мнѣ, ваша „Свѣтлость, сіе выраженіе: я не чортъ!“

Обращаясь опять къ рѣдкимъ знаніямъ и къ характеру дивнаго нашего мужа, скажу, относительно къ послѣднему, смѣло и безпристрастно, что Князь Александръ Васильевичъ всегда возвышался надъ тѣми мелкими страстями, которыя порабощаютъ обыкновенныхъ людей. Въ своемъ несчастіи забывалъ онъ неблаго-

дарность за оказанныя имъ услуги, и охотно жертвовалъ своею чувствительностію отечеству. Никто не слыхалъ его роптаній; онъ даже старался скрывать неправосудіе, ему оказанное.— „Добро дѣлать спѣшить должно!“ была всегдашняя аксіома его жизни. Пусть скажутъ мнѣ, сдѣлалъ ли онъ кого несчастнымъ? Съ блистательной степени своей славы низшелъ онъ въ простую сельскую свою хижину; но никогда не забывалъ своего отечества и войска, которому былъ примѣромъ доблести. Тамъ-то, въ уединенной своей обители, обогащалъ и совершенствовалъ онъ свои великія познанія. Обложась картами и соображая тогдашнія воинныя происшествія съ многочисленными своими опытами, острилъ нашъ Цинциннатъ копіе свое и подтверждалъ сказанное стихотворцемъ Костровымъ, что и самый покой его еще опаснѣе для его враговъ. — Съ благородною, необыкновенным душамъ свойственною, ревностію взиралъ онъ, въ дѣятельномъ своемъ бездѣйствіи, на развитіе таланговъ на полѣ славы юнаго вождя, *Бонапарте*. Онъ слѣдовалъ за нимъ съ самаго того времени, какъ ввѣренъ былъ ему Республикою жре-

бій Италіянской арміи; какъ онъ, послѣ многихъ военныхъ дѣйствій, при Мондови разбилъ совершенно Піемонтцевъ, принудилъ Короля Сардинскаго просить перемирія и отдать въ руки Французовъ крѣпости Тортону и Кони; какъ онъ послѣ преслѣдовалъ Австрійскаго Генерала Боліе до города Лоди, и — при упорнѣйшемъ сопротивленіи, подъ ужаснымъ градомъ картечныхъ выстрѣловъ, выгналъ Австрійцевъ изъ сего города, перешелъ мостъ, ими самими сооруженный. Съ подобною быстротою перешелъ онъ Адду, и обращалъ Австрійцевъ повсюду въ бѣгство. Павія покоряется побѣдителю; Пиччигетоне и Кремона сдаются; Миланская цитадель отворяетъ ворота; Король Сардинскій подписываетъ миръ; Герцоги Пармскій и Моденскій слѣдуютъ его примѣру, а Боліе запирается въ Мантуѣ. Оттуда ведетъ *Бонапарте* войско свое чрезъ Минчіо и разбиваетъ 25-тысячный корпусъ Австрійскій подъ начальствомъ Вурмзера при Каспиліонѣ, Лонадо, Сало и Говандо. Вурмзеръ также уходитъ въ Мантую, и спасается тамъ, въ ожиданіи пятидесяти тысячь войска подъ начальствомъ Генераловъ Алвинція и Давидовича. Француз-

скій Полководецъ поспѣшаетъ имъ навстрѣчу и, при деревнѣ Арколѣ, даетъ сраженіе упорнѣйшее, гдѣ судьба оружія, долго колебавшаяся, рѣшилась наконецъ въ пользу Французовъ. Послѣдствіями достопамятнаго дня сего были пять тысячь плѣнныхъ, осьмнадцать пушекъ, четыре тысячи убитыхъ и столько жъ раненыхъ. Также при Риволи, Ангіави, положилъ Австрійскій Генералъ Провера съ шеститысячнымъ корпусомъ оружіе. Мантуя сдалась на капитуляцію; Венеція отворила свои ворота, всѣ владѣнія ея достались Французамъ; Тирольскія горы заняты были ими же, и древній блескъ Австрійской Монархіи началъ ужé померкать при заключеніи мирныхъ прелиминарныхъ пунктовъ въ Леобенѣ. Австрія уступила Бельгію, признала Цизальпинскую Республику и отреклась отъ всѣхъ правъ своихъ на Миланскія владѣнія. Наконецъ заключенъ былъ въ Кампо-Форміо тотъ извѣстный и для Австрійской Державы толико невыгодный миръ. Таковое обозрѣніе приводило духъ стараго воина въ уныніе. „Ахъ! пора унять сего юнаго воина! какъ онъ шагаетъ!“ кричалъ онъ непрестанно въ деревенской своей избѣ.— *Бонапар-*

те писалъ изъ Египта въ Директорію, чтобы она приняла дѣятельнѣйшія мѣры противу Россіянина, пожирающаго всѣ его побѣды. Такъ, подъ отдаленнѣйшими поясами небесными, постигали они другъ друга! — — Его желаніе — сразиться съ *Наполеономъ* было непомѣрно!

Такимъ образомъ, отягченный лаврами, никогда непобѣжденный Герой Рымника, гдѣ, по признанію самаго Принца Кобургскаго, былъ онъ его учителемъ и спасителемъ Австрійской арміи, побѣдитель Измаила, покоритель Польскаго Королевства, оставался ужé недовольнымъ многочисленными своими побѣдами: онъ обращаетъ взоръ на поля Италіи, дабы тамъ славой новыхъ подвиговъ доказать, что называемое простолюдиномъ счастіе его, есть мудрая расчетливость, знаніе, геній и отважность; что Тактика его есть: быстрота, глазомѣръ, натискъ.

Желанія его, желанія отечества и всей арміи совершаются. Онъ принимаетъ главное начальство надъ двумя Императорскими арміями. Въ Исторіи моей представлена будетъ вся политическая картина Европы того времени, заимствованная изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ,

изъ депешей, изъ переписки со всѣми союзными Дворами. Вся политика тогдашняя колебалась; унылость въ Австрійскомъ войскѣ возрастала до вышней степени; побѣдоносной Франціи покорствовали ужѐ Швейцарія, Туринъ, Миланъ, Римъ, Неаполь; отъ подошвы Альпійскихъ горъ до Мессинскаго залива не оставалось ужѐ ни одного законнаго Государя; одно лишь Герцогство Пармское стояло посреди сихъ вновь установленныхъ Республикъ. Великому духу Россійскаго Героя надлежало обнять все сіе пространство и дѣйствовать всѣми своими силами, — и чрезъ три мѣсяца вся Италія повергается предъ новымъ побѣдителемъ!

Будущіе вѣки почтутъ сіе баснословнымъ; но такими событіями ознаменованы послѣдніе годы протекшаго XVIII столѣтія.

ОТРЫВОКЪ

ПИСЬМА МОЕГО КЪ ОДНОМУ МОЕМУ ДРУГУ,

писаннаго въ 1799 году 27-го Сентября изъ города Куръ, о переходѣ черезъ Альпійскія горы.

»Какая картина, любезнѣйшій другъ, »представляется мнѣ! Страхъ и трепетъ »объемлютъ сердце при воззрѣніи на сіи »надъ тучами и облаками возвышающіяся »вершины горъ, на которыя должно по»дыматься. Каждый шагъ скользитъ; а »подъ пятою вижу неизмѣримыя пропа»сти. Въ виду всей, гусемъ тянувшейся »арміи, полетѣлъ одинъ нашъ офицеръ на »лошади стремглавъ въ сіи преисподнія »пучины. Каждый заботился токмо о соб»ственномъ своемъ спасеніи; помощь по»дать было невозможно. Казалось, будто »всѣ стихіи буйствовали, выступивъ изъ »предписаннаго имъ закономъ природы по»виновенія. Ужасные вихри разрушали и »низвергали страшные камни, паденіе ко»торыхъ раздавалось громовыми ударами;

»шумные водопады такъ заглушали воз-
»духъ, что въ пяти шагахъ не слышалъ
»я иногда кричащаго со всею силою ко
»мнѣ сопутника, моего достойнаго друга,
»Илью Ильича Раевскаго (*), предостере-
»гавшаго меня нерѣдко отъ безднъ. Ча-
»сто искалъ я за нимъ слѣдовъ, которые
»вьюга, скрывавшая его отъ моихъ
»глазъ, мгновенно сметала. Иногда, въ одинъ
»день проходили мы всѣ климаты и ис-
»пытывали всѣ возможныя погоды; не-
»рѣдко на высотѣ горы, покрытой вѣч-
»нымъ льдомъ и снѣгомъ, все войско на-
»чинало отъ чрезмѣрной стужи и вѣт-
»ровъ коснѣнѣть; вожатые наши трепе-
»тали и наконецъ разбѣжались. Предан-
»нымъ намъ на произволъ Судьбы отвер-
»зала повсюду зѣвъ свой лютая смерть.
»Умереть долженствовало отъ холоду,
»отъ голоду, отъ паденія громадъ кам-
»ней, отъ ледяныхъ глыбъ, отъ соединен-
»ной свирѣпости всѣхъ элементовъ. Мысль,
»кончить жизнь въ пучинѣ, безъ всякой
»надежды къ спасенію, была самая убій-
»ственная и отчаянная! — То вдругъ предъ
»ногами нашими скатывалась снѣжная глы-

(*) Теперь Полковникъ въ отставкѣ.

»ба, все войско останавливалось, и съ но-
вою опасностію надлежало перебира-
»ться чрезъ оную; то вдругъ, подыма-
»ясь или опускаясь съ горы, встрѣчали
»мы водопадъ, котораго сильныя брызги
»и кипящая пѣна обливали насъ ужѐ вда-
»ли. Инаго средства не было, какъ съ по-
»слѣднимъ напряженіемъ силъ тонуть въ
»сихъ водахъ, дабы подняться или вверьхъ,
»или скатиться внизъ. Едва преодолѣемъ
»мы одну гору, какъ ужѐ другая являет-
»ся и ужасаетъ; а всходить надлежитъ
»неминуемо. — На краю пропасти раз-
»мѣряю и исчисляю я шаги свои; все, ок-
»ружающее меня, увеличиваетъ мой тре-
»петъ, и я ужѐ въ безднѣ. Тщетно ози-
»раюсь я, дабы дать зрѣнію моему от-
»дохновеніе; вездѣ вижу перемѣну кар-
»тинъ, но ни одной, гдѣ бы въ нахмурен-
»ной злобствующей природѣ выглянула
»хотя одна отрадная улыбка. Горизонтъ
»надо мною не распространяется. Каж-
»дый солдатъ, отягченный своею ношею
»и утомленный до чрезвычайности, дол-
»женъ былъ еще взлѣзать на каждую го-
»ру, какъ на штурмъ. Чудесно и непо-
»стижимо, какъ не истощилось мужест-
»во и неутомимость войска! Одинъ, изне-

»могшій подъ тяготою всѣхъ сихъ изну»реній, могъ бы остановить ходъ всей ко»лонны. Но примѣръ того, предъ кото»рымъ нѣкогда трепеталъ гордый Стам»булъ, который низложилъ рѣчь-доспо»липу и который теперь съ Альповъ »потрясалъ Галльскій колоссъ — оживотво»рялъ унылыя ихъ сердца. Суворовъ, по»среди сихъ ужасовъ и посреди своего вой»ска, ѣхалъ на лошади, едва ноги свои вла»чившей, въ синей, обвешшалой епанчѣ, »которая послѣ отца ему досталась и »называлась родительскою, и въ круглой »большой шляпѣ, взятой у одного капу»цина. Слышалъ онъ иногда ропотъ сво»ихъ воиновъ, отчаяніемъ исторгаемый, »и, скорбя о нихъ, забывалъ — самаго се»бя. Впередъ — съ нами Богъ! Русское вой»ско побѣдоносно; — ура! Сіи слова Героя, — »и все забыто. — Никто не взсѣкъ на »Альпійскомъ камени именъ: Аннибалъ и »Суворовъ; но слава сего перехода и безъ »того пребудетъ вѣчною.“

Опишутъ горы вѣкъ Альпійски,
Пребудутъ Россовъ обелиски! —

ПИСЬМО

КЪ Н. П. РЕЗАНОВУ, ПО ПЕРЕХОДѢ ЧРЕЗЪ АЛЬПІЙСКІЯ ГОРЫ, въ 1799 году.

„Утомленный до чрезвычайности отъ безпрестанныхъ походовъ, безъ отдыха, безъ хлѣба, безъ пріюта, въ изодранныхъ сапогахъ и сертукѣ; то подымаясь на вершины горъ, то спускаясь въ бездны, прошелъ я среди облачныхъ тумановъ, низверженія страшныхъ глыбъ и сраженій съ непріятелемъ, сіе царство ужасовъ. Все войско, начиная отъ Суворова, представляло одно тощее изнуренное лице. Всѣ герои! Ибо всѣ боролись съ природою, съ смертію; каждый выставлялъ свою грудь. „Здѣсь нѣтъ, сказалъ Графъ Александръ Васильевичъ, des belles retirades; развѣ въ пропастяхъ.« Теперь мы въ Коиръ или въ Курѣ, и представь себѣ

любезнѣйшій другъ, какъ я счастливъ! Кто счастливѣе меня? Я спалъ на мягкомъ пуховикѣ и спалъ четырнадцать часовъ! — Теперь, вставъ, вижу здѣсь истинно-свѣтлый праздникъ; на улицахъ всѣ Генералы, офицеры и солдаты братски обнимаютъ, цѣлуютъ другъ друга и поздравляютъ одинъ другаго съ жизнію. Меня обнялъ отецъ и благодѣтель, и со слезами воскликнулъ: Великъ Богъ Русскихъ! — Онъ велитъ мнѣ писать реляцію. Для сего кисть моя не имѣетъ красокъ. Довольно для потомства: *Русскіе перешли Альпы! — и Россія имѣетъ Аннибала.* — Нѣтъ, Хроносъ! ты пожираешь дѣтей своихъ; но не поглотишь сего безсмертія!

„Не ожидайте отъ утомленнаго вашего друга подробнаго описанія. При счастливомъ свиданіи, подъ мирною оливою, буду я вамъ разсказывать объ очаровательныхъ противоположностяхъ Природы, какъ оставя веселую лазурь Гесперидскаго эѳира Италіи, переселились мы подъ такое небо, гдѣ пульсъ натуры, кажется, останавливается; все мертвѣетъ; — какъ рѣка Рейсъ съ трескомъ грома, съ быстротой молніи и съ огромными тучами своихъ брызговъ низвергается подъ

Чертовъ мостъ въ пропасти, и вдругъ у подошвы Сенъ-Готарда преобразуется въ зеркаловидную Лету, тихо орошающую ярко-зеленѣющія тучныя поля. Здѣсь, сіе-то разнообразіе чудесныхъ превращеній отпечатало въ великой душѣ неподражаемаго Галлера *вѣчность*. На Альпахъ читалъ я Пѣвца *Альповъ*.

„Вы вѣрно, дражайшій Николай Петровичъ, желаете отъ меня узнать о нашемъ Суворовѣ. Я къ нему близокъ, осчастливенъ его милостями и довѣренностію, и благоговѣю: но о семъ неисчерпаемомъ предметѣ побесѣдуемъ въ Петербургѣ. Никакое описаніе не истощитъ сего оригинала. Скажу вамъ только: я благополучнѣйшій изъ смертныхъ: я вижу великаго мужа, котораго голова въ совершенномъ равновѣсіи съ сердцемъ, который въ частной жизни играетъ комедію, а на поприщѣ публичныхъ происшествій однимъ махомъ разсѣкаетъ узелъ трагедіи, и который никогда не промѣняетъ лучезарной вѣчности на мгновенно-блеснувшій метеоръ. Слава его и на Альпахъ не вспрѣпила предѣловъ. Онъ не походитъ на нѣкоторыхъ, на которыхъ должно смотрѣть въ дальнемъ разстояніи;

при приближеніи къ нимъ, величіе ихъ, къ прискорбію человѣчества, уменьшается, умаляется, и, ахъ! не рѣдко исчезаетъ; — но довольно; я забываю усталость. Изъ сего заключайте, милый другъ, какъ я васъ люблю вездѣ и буду любить вѣчно. Искреннѣйшее почитаніе милостивой государынѣ Аннѣ Григорьевнѣ. Прощайте до свиданія, которое въ волѣ Божіей.

„Гавріилу Романовичу свидѣтельствуйте мое высокопочитаніе. Переходъ *Альповъ* достоинъ воспорга нашего Барда. Герой мнѣ говорилъ: „ужели онъ не возпрубитъ?“ —

ПИСЬМО

ИЗЪ МИЛАНА, въ 1799 году.

»Напередъ скажу вамъ, любезнѣйшій другъ, не ожидайте отъ Правителя канцеляріи подробностей эстетическихъ о Миланѣ, куда мы теперь, въ самый день Св. Пасхи, вступили и встрѣчены радостными восклицаніями народа. Графъ Александръ Васильевичъ ѣхалъ верхомъ за нами. На привѣтствія народа снималъ я, съ Генералъ-Лейтенантомъ И. И. Ферстеромъ, шляпу. Лишь только вошелъ я къ нему въ кабинетъ, похристосовался и удостоился получить красное яичко, какъ онъ изъявилъ мнѣ свое благоволеніе за то, что я такъ учтиво публикѣ откланивался. Такъ съ яицомъ проглотилъ я и пилюлю!

»Какъ бы я желалъ, чтобъ вы, дражайшіе, теперь со мною здѣсь были Вы бы увидѣли то, чего ни пересказать, ни описать нельзя. Сигналъ данъ Фельдмар-

шаломъ. Онъ воспѣлъ: „*Христосъ воскресе!* и все христолюбивое воинство приспало къ его гласу, и содѣлалось стадомъ одного пастыря. Не осталось ни одного фурлейта, котораго бы онъ не обнялъ и троекратно не поцѣловалъ; самъ плѣнный Французскій Генералъ Серюрье не избѣгнулъ его лобзанія, и Графъ заставлялъ его отвѣчать по-Русски: *воистину воскресъ.* Но въ самомъ восторгѣ празднества, прослезился онъ вдругъ. Онъ вспомнилъ любимыхъ своихъ Фанагорійцевъ. „Съ сими чудо-богатырями," говорилъ онъ: „взялъ я Измаилъ; съ ними разбилъ при Рымникѣ Визиря. Гдѣ они? какъ бы я желалъ теперь съ ними по-христосоваться!" — Въ сію минуту увлекаюсь я мысленно къ той знаменитой рѣкѣ Рымнику, гдѣ послѣ, побѣды выстроивъ Фанагорійскій свой полкъ на самомъ полѣ битвы, велѣлъ онъ каждому солдату держать въ рукѣ лавровую вѣтвь. Тамъ, по совершеніи благодарственнаго съ колѣнопреклоненіемъ молебствія, возгласилъ Суворовъ: „слава! честь! побѣда! лавровый вѣнецъ!" — При семъ словѣ, всѣ воины вдругъ съ Рымникскимъ украсили главы свои лаврами. — Послѣ сего спрошу: кто

съ такимъ Героемъ-Поэтомъ устрашится смерти? — Миланъ превратился вдругъ въ Русскій старинный городъ. Добрые наши служивые, на улицахъ, въ домахъ, крестятся, цѣлуются, обнимаютъ другъ друга, мѣняются тотчасъ выкрашенными яицами, угащиваютъ пасхою, славятъ Христа; вездѣ предъ образами теплятся свѣчи. Стаи праздношатающихся, любопытныхъ Италіянскихъ шпіонцевъ за ними бѣгаютъ, не понимая ничего; разѣваютъ рты, корчатъ рожи; словомъ, это кочующая Опера-буффа-карикатура: они ожидали кровожадныхъ побѣдителей, видятъ благочестивыхъ, благоговѣющихъ Христіанъ. Теперь-то не можно не полюбить отъ всей души Русскаго солдата. Я нерѣдко слышалъ многихъ изъ нихъ, говорящихъ Италіянцу: „Христосъ воскресъ, падронъ (padrone). Хотя ты и бусурманъ и глупъ; но тоже человѣкъ.“ Наканунѣ въѣзда своего въ Миланъ, сказалъ Графъ достопамятныя слова сіи: „Demain j'aurai mille-ans, т. е.: завтра буду я имѣть тысячу лѣтъ.“— „Вступленіе сюда“ говорилъ онъ всѣмъ: въ день торжества торжествъ и праздника праздниковъ, есть предзнаменованіе на враги Церкви, побѣды

и одолѣнія;“ — и всѣ сердца Русскія закипѣли. Отслушавъ заутреню и обѣдню въ домашней Греко-Россійской церкви, а литургію въ Католической, восхитивъ всѣхъ жителей ласковымъ пріемомъ и обращеніемъ, посѣтивъ театръ, гдѣ принятъ былъ съ изступленіемъ восторга, воскликнулъ онъ наконецъ: „Помилуй Богъ! боюсь, чтобъ не затуманилъ меня Онимамъ! теперь пора рабочая!“ и занялся планомъ къ предстоящей кампаніи, или, лучше сказать, къ побѣдамъ. Когда онъ открылъ Маркизу Шателеру свое предначертаніе, то сей, изумленный, воскликнулъ: „когда успѣли Ваше Сіятельство все сіе обдумать?“ отвѣтъ: „въ деревнѣ; здѣсь было бы поздно, здѣсь мы уже на сценѣ. Теперь предлагаю я только къ исполненію и начинаю отсюда кампанію.“ — „И васъ“ сказалъ Шателеръ: „называютъ Генераломъ безъ диспозиціи!“ Оставимъ теперь Суворова въ кабинетѣ съ Маркизомъ Шателеромъ. Вы все узнаете изъ нашихъ реляцій, а можетъ быть и изъ моей Исторіи, которую предназначаетъ Графъ писать мнѣ подъ его руководствомъ. По Богу извѣстно, доживемъ ли мы до сего. Мнѣ хочется оставить вамъ здѣсь

на бумагѣ хотя нѣсколько слѣдовъ моего въ Миланѣ пребыванія.

Больно мнѣ, что здѣшнее дворянство сдѣлало на меня впечатлѣніе очень о себѣ невыгодное. Въ кругахъ сихъ нашелъ я непростительное и невѣроятное невѣжество. О Россіи знаютъ они по слуху, и все превратно; о Германіи думаютъ, что она вся вмѣщается въ одной только Австріи. Я не встрѣтилъ ни одного, который бы путешествовалъ. „Къ чему намъ," говорятъ они: „выѣзжать изъ своего сада Европы." — Такъ многіе изъ первѣйшихъ вельможъ и изъ знатнѣйшихъ дамъ просили меня сказать имъ откровенно, подъ печатію тайны: Правда ли, что gli capucini Russi, т. е. что Казаки Русскіе капуцины, (сіе названіе имѣли они во всей Италіи, отъ бородъ), зажариваютъ и ѣдятъ дѣтей. Такое безуміе не достойно отвѣта. Вчера былъ я у М. А. Милорадовича, какъ вдругъ вбѣгаетъ къ нему Аббатъ въ изступленіи бѣшенства и отчаянія, и реветъ: „Генералъ! если въ васъ есть Богъ, то спасайте, но спасайте скорѣе!" Мы побѣжали за нимъ стремглавъ внизъ. „Eccolo! „вопіетъ онъ, кричитъ Италіянецъ! Что же! казакъ держитъ на

рукахъ младенца и смотритъ на него умильно со слезами. „Извините, Ваше Превосходительство,“ говоритъ онъ Михайлу Андреевичу: „это дитя такъ смахиваетъ на моего Ѳедю на Дону, что я расцѣловалъ его и расплакался.“ Михайла Андреевичъ не могъ скрыть своего гнѣва на Итальянца, и достойно разругалъ сего испитаго варвара, по грубому его невѣжеству. Конечно безразсудно было бы дѣлать общее заключеніе обо всѣхъ въ отечествѣ Тасса, Петрарки, Алфіери и Бекаріи. Есть много знаменитыхъ Писателей во всѣхъ родахъ наукъ; но ихъ надобно отыскивать въ уединеніи, гдѣ я и находилъ ихъ и услаждался поучительною ихъ бесѣдою. Такъ познакомился я съ Библіотекаремъ Амброзіанской Библіотеки, Аббатомъ Анджело Маіо, неутомимымъ отыскивателемъ безцѣнныхъ сокровищъ древней Греческой и Римской Словесности, съ симъ живымъ архивомъ Италіи. Онъ пріобрѣлъ славу и признательность отъ Филологовъ всѣхъ странъ, за отысканіе потерянныхъ трехъ рѣчей Цицерона, рѣчей, доселѣ неизвѣстныхъ, Корнелія Фронта и знаменитаго въ IV столѣтіи Рипора Аврелія Симмаха, многихъ

писемъ Императора Марка Аврелія, 56-ти рисунковъ изъ Иліады Гомера и 600 древнѣйшихъ рукописныхъ его стиховъ, оттуда же. Словомъ, онъ обогатилъ древность новою библіотекою. Г. Маіо изъявилъ мнѣ пламенное желаніе представиться Суворову. Я тотчасъ ввелъ его къ нему, а самъ скрылся. Иначе, въ присутствіи третьяго, не увидѣлъ бы онъ Суворова. Бесѣда продолжалась болѣе часа. При выходѣ, ученѣйшій сей мужъ, пожавъ мнѣ руку, сказалъ: „мнѣ остается только жалѣть, зачѣмъ я не Русскій, чтобы гордиться землячествомъ великаго человѣка. Удѣлъ нашъ, бѣдныхъ Италіянцевъ, тотъ, чтобы величаться лишь развалинами древней славы предковъ — героевъ нашихъ, а современной не видѣть.“ — Графъ встрѣтилъ меня съ радостнымъ лицемъ и спросилъ: „гдѣ ты, водолазъ, сыскалъ сію драгоцѣннѣйшую изъ всей Италіи жемчужину?“ Я отвѣчалъ: „она, при появленіи вашемъ, сама къ вамъ выплыла.“ — „Кудряво! кудряво!“ закричалъ онъ, потрясъ пальцемъ губы и убѣжалъ.

„Въ одномъ собраніи видѣлъ я ту бойкую Дюшессу, которая, три года назадъ, когда Бонапарте вступилъ въ Миланъ и

находясь въ кругу знатнѣйшихъ на балѣ, игралъ въ рукѣ цвѣткомъ,— шутя, вырвала у него цвѣтокъ. Онъ на сіе сказалъ ей: „gli Italiani sono laddroni,“ т. е. Италіянцы воры; — но вотъ что она на сіе возразила: „Non tutti, ma buona parte, т. е. не всѣ, но большею частію.“ Большею частію значитъ по-Италіянски Бона-парте; слѣдовательно: не всѣ, но Бонапарте. Суровый взглядъ Корсиканца былъ наградою за сіе острое словцо. — Я вспомнилъ о письмѣ одного замысловатаго Писателя къ отъѣзжавшей въ Италію Маркизѣ: „жалѣю объ васъ, милостивая государыня,“ пишетъ онъ: „въ Италіи будете вы бесѣдовать не съ людьми, а съ картинами.“ Видно и мнѣ здѣсь пуститься въ здѣшнюю знаменитѣйшую каѳедральную церковь, называемую Домо, вторую послѣ Римской Св. Петра, и лучше восхищаться прелестями Изящныхъ Искуствъ. Сіе величественное произведеніе древней и новѣйшей готической Архитектуры основалъ, въ 1386 году, Галеадзо Висконти Дукка де Милано. Оно имѣетъ образованіе Латинскаго креста, и всѣ отъ самаго основанія до вершины высокой башни, изъ бѣлаго Каррарскаго мрамора. Не

время мнѣ разсказывать вамъ о внутреннемъ великолѣпіи, о всѣхъ картинахъ первѣйшихъ кистей знаменитѣйшихъ артистовъ, о религіозномъ, символическомъ изображеніи, даже о языкѣ Живописи и поэзіи Архитектуры. Надобно для сего имѣть обширнѣйшія познанія: я скажу только, что видѣлъ; какъ все, можно сказать, человѣчество стремилось за Суворовымъ въ сей храмъ, въ сіе святилище, къ небесамъ! — Послѣ поднялся я на крышу, на которой стоятъ 124 башни, изъ коихъ главная высотою въ 335 футовъ, а меньшія во 100 футовъ. Здѣсь очутился я въ чудесномъ пластическомъ мірѣ, гдѣ четыре тысячи статуй; сіи пластическіе памятники рѣзца разставлены въ нишахъ вокругъ сихъ башенъ; посреди ихъ стоитъ бронзовая статуя, изображающая Богоматерь, и весь архитектонскій колоссъ сей опирается на 52 столбахъ, каждый $7\frac{1}{2}$ футовъ въ діаметрѣ. Памятники, которыми благословенная Италія преизбыточествуетъ, влекутъ насъ безпрестанно къ историческимъ воспоминаніямъ. Взгляните на сей огромный Домъ, и предъ вашими глазами оживляется древность, а настоящее тѣмъ сильнѣе поражаетъ душу. — Я успѣлъ

украдкою пробѣжать Амброзіанскую библіотеку, знаменитую рукописями, особливо Леонарда-да-Винчи, картинками, рисунками, преимущественно же картономъ Аѳинской школы Рафаэля, — взглянуть на богоугодныя заведенія, огромную госпиталь и примѣрный лазаретъ. Освѣживъ себя въ прохладныхъ тѣняхъ публичнаго сада (giardino publico), поѣхалъ я на гулянье (corso). Вся знатная публика катается здѣсь ежедневно по вечерамъ, взадъ и впередъ, въ великолѣпныхъ позлащенныхъ экипажахъ. Здѣсь мода имѣть за каретами Араповъ, но—за недостаткомъ ихъ, чернятъ и Италіянцы свои лица. Я видѣлъ одного поддѣльнаго Африканца, который, забывшись на запяткахъ, вздумалъ снять перчатку, и выказалъ свою бѣлую Европейскую руку. Пресытясь зрѣніемъ, отправился я въ величайшій въ Италіи и во всей Европѣ Театръ (della scalla), воздвигнутый въ 1778 Термариніемъ. Шесть ярусовъ ложъ поражаютъ; на пространной сценѣ можетъ карета съ парою лошадей разъѣзжать со всею удобностію. Многія ложи меблированы, какъ комнаты, съ диванами, столами, за которыми сидятъ, читаютъ, играютъ въ карты, ту-

мятъ, ужинаютъ и только при любимой какой-нибудь бравурной аріи умолкаютъ, слушаютъ со вниманіемъ, аплодируютъ съ шумомъ и крикомъ. Во время нашего здѣсь пребыванія, не смѣютъ сидѣть въ шляпахъ и безчинствовать. Вразсужденіи театра, должно признаться, что въ Операхъ и Балетахъ Итальянцы неподражаемы. Въ декораціяхъ и костюмахъ ихъ царствуетъ Азіятская роскошь. Въ Комедіяхъ отличаются они интригами; но въ геройскихъ роляхъ жалки; въ буффонадахъ актеръ каждую свою ролю, если смѣю сказать, перекаррикатуритъ. — Объ Итальянской музыкѣ не смѣю вамъ говорить: Италія ея отечество; здѣсь ея колыбель; здѣсь она возросла, возмужала; самая гармонія здѣшней природы сливается съ нею, и ухо уже не на землѣ. — Здѣсь семь театровъ. Чичероне мой описывалъ мнѣ чичеронскою риторикою множество Миланскихъ чудесъ. Но сегодня въ ночь мы выступаемъ въ походъ. Я заплатилъ ему, и онъ переименовалъ меня изъ Превосходительства въ Свѣтлость: доказательство, что мы оба были другъ другомъ довольны. — Теперь предстоитъ намъ новый театръ.— Прощайте!

ВОСПОМИНАНІЯ О ВѢНѢ

ВЪ 1799 ГОДУ.

„Скажу вамъ, любезнѣйшій другъ, что въ Вѣнѣ очутился я и самъ не знаю, какъ. Хочется все спросить: это ли Вѣна? Она такъ прекрасна! ѣдешь, какъ будто изъ города въ городъ, вездѣ встрѣчаешь смѣющіеся сады. Это лишь предмѣстія города, которыя непримѣтно начинаются, пресѣкаются, опять соединяются, безпрестанно веселѣе, великолѣпнѣе. Желательно, чтобы многіе города походили на сіи форштаты.

„Почталіонъ мой погналъ вдругъ, не знаю для чего; живость города оживляетъ его. Онъ летитъ по улицамъ, украшеннымъ дворцами и парками, гдѣ разнообразныя и веселыя толпы народа волнуются; тысячи перемѣняющихся предметовъ поражаютъ меня. Стукъ каретъ, вездѣ жизнь, тѣснота, въ воздухѣ раздаются

многоразличные крики, а ихъ заглушаетъ съ башни церкви Св. Стефана величественный колокольный звонъ. Такъ прибылъ я въ трактиръ. Скоро выбѣгаю оттуда въ сей веселый міръ, чтобы все осмотрѣть и пересмотрѣть. Но, на первыхъ дняхъ, все вижу въ хаосѣ, все въ перемѣнахъ, декорація за декораціею, картина за картиною.

„Первое глубокое, продолжительное впечатлѣніе дѣлаетъ древнѣйшая, величайшая и великолѣпнѣйшая церковь Св. Стефана, сія ужасающая готическая громада, сія гигантская высота ея колокольни, которая распространяетъ около себя тѣнь на большое пространство, а во внутренности великолѣпнѣйшій алтарь съ 38 другими малыми и съ колоннами, Ecce-Homo Корреджія, гробница героя Евгенія. Я всходилъ на сію колокольню, одну изъ величайшихъ башень Европы, по 700 ступенямъ на самый верхъ, гдѣ представилась мнѣ великолѣпнѣйшая панорама всей столицы и ея окрестностей.

„Странно, что первое путешествіе мое по сему городу, исполненному веселой жизни, вело меня отъ одного воспоминанія о смерти къ другому. Едва отхожу отъ гробницы Евгенія, какъ попа-

*

даюсь въ Капуцинскій монастырь, гдѣ, въ подземельныхъ ходахъ, покоятся болѣе шести-десяти Императоровъ, Императрицъ и Принцевъ Австрійскаго Дома. Я спускаюсь внизъ; дьячекъ мнѣ свѣтитъ. Торжественная тишина, гдѣ каждый шагъ слышенъ; сильный свѣтъ факеловъ на мраморныхъ монументахъ, мертвенная темнота; мысль, что здѣсь погребено величіе столь многихъ державныхъ владыкъ, исчезнувшихъ съ лица земли, дѣйствуетъ на меня всею силою фантазіи; и читая имена Іосифа и Маріи Терезіи, мнѣ казалось, будто сіи Августѣйшія особы, сіи великія души надъ главою моею, и колѣна мои преклоняются съ благоговѣніемъ и тайнымъ страхомъ.

„Но не одна темнота гробницъ производитъ сіе очарованіе. Я ужѣ опять вижу свѣтъ; иду далѣе, вхожу въ Августинскій монастырь, знаменитый не менѣе памятниками Художествъ, гробницами и мавзолеями. Здѣсь въ урнахъ хранятся сердца нынѣ царствующей Императорской династіи; а потому оба сіи монастыря исторически достопамятны.

„Мнѣ показали здѣсь модель памятнику Эрцъ-Герцогини Маріи Христины, ко-

торый воздвигается творческимъ рѣзцомъ Кановы. Казалось, что вижу волшебство, которое сотворилъ какой-то Геній въ величайшемъ вдохновеніи глубочайшей своей скорби. Этотъ мраморъ говоритъ, думаетъ, чувствуетъ. Сіи неподвижныя группы дѣйствуютъ, ихъ лица плачутъ; я имъ сострадаю, скорблю.

„Печальная Добродѣтель, держащая въ рукѣ урну, восходитъ слѣва на ступени гробницы. Слышу ея вздохи при вступленіи на сей страшный порогъ; дверь мрака отверзается. Здѣсь таинственная нощь должна пріять сіи любезнѣйшіе останки. Двѣ младыя дѣвы, съ свѣтильниками въ рукахъ, провождаютъ Добродѣтель; за нею шествуетъ Благотворительность, ведущая за руку страждущаго старца и безпомощное дитя, которыя пришли отнести пеплъ своей покровительницы въ сіе царство мира и тишины.

„На правой сторонѣ, крылатый Геній супруга погруженъ въ глубокую безмолвную печаль. Не можетъ онъ съ другими восходить на ступени. Умерщвляющая скорбь говоритъ въ чертахъ его. Одною рукою опирается онъ на злобно-покоящa-

гося льва, вѣчнаго стража сей нетлѣнной гробницы.

„Но на обелискѣ, надъ мрачною дверью, воспаряетъ къ небу Блаженство съ бюстомъ Христины, обвитымъ змiемъ вѣчности, а Ангелъ, во срѣтеніе ниспускающійся, налагаетъ пальму безсмертія.

„Блаженъ, кто могъ воздвигнуть памятникъ сей добродѣтельной супругѣ, которую любилъ свыше всего! Вѣнецъ славы искуству, которое способно было вдохнуть сію мысль въ нѣмый, хладный мраморъ!

„Вечеромъ того же дня, упомянный, вхожу я опять въ церковь Св. Стефана, сажусь въ углу; хрустальныя огненныя лампады, какъ будто надо мною плаваютъ; тусклый свѣтъ ихъ таинственно трепещетъ въ сумракѣ. На стѣнахъ и на мраморномъ полу оттѣниваются безобразныя разбросанныя массы. Священная тишина царствуетъ; рѣдко прерываетъ оную шепотъ молящагося, или вздохъ, невольно излетѣвшій изъ стѣсненной груди.

„Но въ тотъ день, когда Суворовъ, съ колѣнопреклоненіемъ и съ подъятіемъ побѣдоносной, свыше-хранимой руки своей,

предъ священнымъ лучезарнымъ жертвенникомъ у гроба Евгенія, подъ трофеями Австріи, произнесъ здѣсь присягу на чинъ Римскаго Императорскаго Генералъ-Фельдмаршала, огромность храма сего не могла вмѣстить въ себѣ многолюдства. Вся Вѣна здѣсь тѣснилась и возсылала ко Престолу Всевышняго благоговѣйныя, теплыя моленія о спасеніи пришекшаго съ Сѣвера на спасеніе сей древнѣйшей столицы Германіи. Почто не имѣю я живописующей кисти для изображенія вамъ сего величественнаго восторга! Чувствую также, что не могу вамъ достойно описать явленія прешьяго дня: ужѣ рано поутру, толпился народъ къ дому Посла нашего, Графа А. К. Разумовскаго, въ великолѣпныхъ чертогахъ котораго покоился, въ простой горницѣ, на соломѣ, нашъ Цинциннатъ. Къ нему входитъ Фельдмаршалъ Пр. де Л . . . „Какъ!“ вскрикнулъ онъ: „вы здѣсь?“ — Онъ одѣлся и поѣхалъ въ каретѣ съ Посломъ во дворецъ. Едва лишь показался, какъ раздались крики: виватъ Суворовъ! которые провожали его карету до самаго дворца. Всѣ улицы покрыты были толпами; всѣ окошки, даже крыши

домовъ наполнены зрителями. Тронутый до глубины сердца такими искреннѣйшими привѣтствіями публики, Фельдмаршалъ, выскочивъ у крыльца дворца изъ кареты, со слезами прокричалъ народу по-Нѣмецки: „Австрійцы храбры! Русскіе непобѣдимы! мы будемъ бить Французовъ! ура! да здравствуетъ Францъ II:“ и побѣжалъ на лѣстницу. — Во дворцѣ встрѣченъ онъ былъ Императоромъ и всею Императорскою Фамиліею, съ отличнымъ уваженіемъ. Между прочими разговорами сказалъ онъ: „Съ Французами, какъ съ дамами обращались очень деликатно; я старъ.“ — Весьма заботились о приглашеніи его къ Императорскому столу; но строгое наблюденіе поста (а теперь у насъ Великій постъ) и привычка его обѣдать въ семь или восемь часовъ утра, заставили отмѣнить сіе приглашеніе. При семъ случаѣ сказалъ мнѣ одинъ придворный: „вашъ Фельдмаршалъ ни въ чемъ не хочетъ походить на другихъ, кромѣ какъ на одного самого себя.“

„Послѣ посѣщалъ я другія мѣста, видѣлъ другіе предметы.

„Императорская Библіотека здѣсь одна изъ богатѣйшихъ въ Европѣ. Мѣ-

стоположеніе пространно, а зданіе въ особенномъ вкусѣ. Въ великолѣпной ротондѣ стоитъ статуя Карла VI, которому библіотека обязана своимъ обновленіемъ и украшеніемъ. Не скажу вамъ ничего о числѣ и цѣнѣ выставленныхъ книгъ. Упомяну только о рѣдкихъ.

„Предъ глазами моими раскрываютъ Мексиканскія книги. Я говорю, предъ моими глазами: умъ мой тутъ не дѣйствовалъ. Это для меня іероглифы; думаю, и для всѣхъ. Мнѣ показали что-то такое, писанное на какомъ-то растеніи съ береговъ Нила; рукопись самого Тасса: *Освобожденный Іерусалимъ*; бюстъ Гуттенберга, изобрѣтателя книгопечатанія, и первыя изданія печатанныхъ въ Майнцѣ книгъ.

„Здѣсь два арсенала, Императорскій и городской. На дворѣ перваго лежатъ Турецкія желѣзныя цѣпи, которыми Турки запирали Дунай, когда осаждали Вѣну. Ихъ тяжесть удивляетъ. По плафонамъ развѣшены знамена, сабли, всякаго рода оружія, какъ трофеи, обрѣтенные на многочисленныхъ войнахъ Австріи, Богеміи и Венгріи. Колетъ Густава Адольфа въ сраженіи подъ Люценомъ. Видно

мѣсто, чрезъ которое пролетѣла смертоносная пуля. Шляпа Лаудона и проч. Нельзя не ощущать благоговѣнія къ симъ священнымъ останкамъ героевъ.

„Изъ палатъ Беллоны бѣгу на улицу, гдѣ все дышитъ разсѣянностію, и видишь лишь веселіе, котораго всѣ возрасты, всѣ состоянія здѣсь безпрестанно ищутъ и которое вездѣ находятъ. Здѣсь можно бы было веселостями пресытиться; ничего другаго не видишь, не слышишь и не знаешь.

„По особенному Его Королевскаго Высочества Герцога Фердинанда Виртембергскаго ко мнѣ благоволенію, былъ я приглашенъ во дворецъ въ день умовенія ногъ. По обряду Римско-Католической Церкви, отправляютъ сіе священнодѣйствіе сами Государи. Два стола на двѣнадцать куверговъ были накрыты въ залѣ дворца: одинъ для мужчинъ, а другой для женщинъ. Духовникъ Его Величества пожаловалъ мнѣ списокъ всѣмъ этимъ старичкамъ и старушкамъ, изъ коихъ младшій имѣлъ 83 года отъ роду, а младшая 85 лѣтъ. Всѣ они изъ бѣднаго, бо́льшею частію мѣщанскаго состоянія. Они получаютъ отъ казны черную одежду и награды; и каждый годъ отыскиваются новые. Едва

Императоръ и Императрица изволили вступить въ залу, какъ всѣ они сѣли, и умовеніе ногъ началось; послѣ Ихъ Величества изволили угащивать ихъ сами. Каждый Христіанинъ долженъ благоговѣть предъ симъ благодѣющимъ символомъ.

„Театровъ здѣсь довольно. Изъ нихъ первый придворный, который соединяется съ Императорскимъ замкомъ. Онъ весьма тѣменъ, и его болѣе всѣхъ посѣщаютъ. Другой Кертнерторъ: театръ пространенъ, великъ и хорошо оевѣщенъ; ложи въ пять ярусовъ, прекрасныя декораціи, балеты великолѣпные; я видѣлъ разрушеніе Помпеи, какъ сей городъ, наводненный кипящею лавою, поглощается. Машины, представленіе, оевѣщеніе были обольстительны, разительны. Приличная предмету музыка гремѣла въ оркестрѣ. Я вѣрилъ тому, что Помпея дѣйствительно такъ разрушилась; воображеніе мое погрузилось въ ужасы сего событія, покрытаго нѣсколькими вѣками. Зрю дымящійся Везувій, огненный его дождь, и, при потрясеніи всего бытія моего, не смѣю не чтить великихъ силъ природы и въ самыхъ ея сокрушеніяхъ. Я забылся, какъ вдругъ рукоплесканія

меня пробуждаютъ. Смотрю на сцену: въ то время, какъ всюду пожары, громы, низверженія поражаютъ зрителей, два артиста впереди сихъ ужасовъ изумляютъ легкостію и проворствомъ своихъ движеній и скачковъ. Это послѣдніе жители, спасшіеся отъ всеобщаго разрушенія, которые теперь, обращая взоры на пылающій свой градъ, скачутъ, мечутся, въ изступленіи бѣшенства.

„Я имѣлъ счастіе быть у Князя Шварценберга, на ораторіи: *Сотвореніе міра.* Самъ творецъ сотворенія, Гайденъ управлялъ оркестромъ. Сотвореніе міра! — непостижимое, необъятное, неисповѣдимое!!! — Надобно было героизму Гайдена отважиться силою музыки вызывать изъ хаоса свѣтъ: рѣче и быша. — Слыша громъ сихъ словъ, вся природа содрогается. Онѣмѣваю.

„Я представился сему сѣдинами украшенному, кроткому старцу. Узнавъ, что я изъ Петербурга, спросилъ онъ меня: „живъ ли Дицъ (*)?“ Я отвѣчалъ, что живъ; но оставилъ земный языкъ, а говоритъ

(*) Сей славный нашъ виртуозъ, которому еще подобнаго въ адажіо нѣтъ, пересталъ въ послѣдніе годы жизни своей говорить, а восхищалъ лишь чудесною

небесною гармонією. — „Когда Дицъ разыгрывалъ мои квартеты, тогда лишь въ первый и послѣдній разъ почувствовалъ я, что я Гайденъ.“ — Вотъ слова; вотъ! вотъ слава великаго музыкальнаго генія. — Нерѣдко, урывками отъ пышныхъ этикетныхъ пиршествъ, ходилъ я въ ресторацію, воспоминанія о которыхъ еще донынѣ мнѣ пріятны. Всякаго состоянія людей тамъ увидишь. Какая чистота! какая вѣжливость! какія услади-тельныя бесѣды. Теперь общій разговоръ о Суворовѣ и о Русскихъ. Однажды сосѣдомъ за столомъ у меня былъ старикъ Маіоръ, съ одною ногою; другую оставилъ онъ въ Турціи, въ сраженіи подъ начальствомъ Принца Кобургскаго. Разговорясь, спросилъ я его, награжденъ ли онъ за свою службу? „Какъ вы меня спрашиваете? отвѣчалъ онъ: я служилъ въ царствованіе Іосифа. Зналъ я, что онъ въ тотъ день бывалъ недоволенъ, когда къ нему на аудіенцію приходило мало просителей: но я любилъ его, не хотѣлъ безпокоить. Подалъ въ здѣшній Гофкригсратъ про-

своею скрипкою. Онъ имѣлъ счастіе обучать на семъ инструментѣ блаженной памяти Государя Императора Александра Павловича.

шеніе о пенсіи. За справками долженъ былъ цѣлый годъ дожидаться. Наконецъ голодъ заставилъ меня явиться къ моему Государю. Онъ бѣжитъ ко мнѣ на встрѣчу; сажаетъ меня насильно. Я хочу подать ему просьбу. Къ чему бумага? говоритъ онъ. Ваша нога ходатайствуетъ за васъ. Тотчасъ назначена мнѣ полная пенсія со дня лишенія ноги, и тысячу гульденовъ вручаетъ онъ мнѣ съ сими словами: „Примите сіи штрафныя деньги. Правительство долженствовало тотчасъ назначить вамъ содержаніе; сіе упущено. Я виноватъ.“ Взглянулъ я на сидящихъ за столомъ: у всѣхъ слезы!

„Пора гулять по улицамъ; но что вижу? какая перемѣна! какая пустота! я ищу въ Вѣнѣ — Вѣны; она исчезла. Гдѣ же она? волнующееся море сіе двинулось въ Шенбрунъ (*), и я несусь туда же. Тамъ Суворовъ встрѣчаетъ Русское свое войско. Тамъ вся столица обратилась къ спасителю своему, герою единственному, великому Россіянину. — Какое зрѣлище! Въ прелестнѣйшей равнинѣ, отъ одной искры божественнаго огня генія изливается оке-

(*) Загородный дворецъ близъ Вѣны.

анъ лучей! — Перо мое выпадаетъ: я имѣю сердце. Прощай, незабвенная Вѣна!

„Вотъ вамъ, дражайшій, изліяніе чувствъ моихъ въ Вѣнѣ; кончу симъ замѣчаніемъ, что путешествіе есть аромать для счастливца, а бальзамъ для страдальца. Прощайте до Италіи!“

ВОСПОМИНАНІЕ О ВЕРОНѢ.

Воспоминанія о Веронѣ имѣютъ для меня особенную прелесть. Не забуду я того восторга, съ какимъ принятъ былъ тамъ, въ 1799 году, въ проѣздъ въ Ипалію Графъ Александръ Васильевичъ. Изъ коляски его выпрягли лошадей; народъ повезъ его на себѣ; весь городъ былъ освѣщенъ; повсюду во всю ночь раздавались: виватъ Суворовъ! ангелъ, спаситель нашъ! — Еще и теперь вижу, съ какимъ умиленіемъ проливалъ слезы глубокой признательности побѣдоносный нашъ старецъ, и какъ, помолясь Богу, при народныхъ кликахъ, бросился въ пышныхъ чертогахъ отдыхать — на соломѣ.

На другой день, Австрійскій Генералъ Край, побѣдитель Французовъ при стѣнахъ Веронскихъ, подноситъ Суворову рапортъ. Чуждый всякой зависти, онъ обнимаетъ героя и говоритъ: ваши побѣды отверзаютъ путь и мнѣ съ помощію Божіею

къ повымъ. И отсюда, какъ изъ средоточія, простерлись — вмѣстѣ съ первымъ провозглашеніемъ его къ народамъ Итальянскимъ — лучи новой его славы.— Великолѣпнѣйшая Верона славилась еще во дни Римскаго всеобладанія и великими своими соотечественниками и памятниками рѣдкаго изящества. Тамъ знаменитѣйшіе зодчіи Витрувій и Сан-Микели увѣковѣчили себя своими твореніями; тамъ превосходнѣйшая изъ всѣхъ картинъ кисти Тиціана: Успеніе Божіей Матери! — Два часа только оставалось мнѣ для прогулки. Я пробѣжалъ съ моимъ вожатымъ, Аббатомъ Дель-Стрелли, которыйй удивлялъ меня своими знаніями. Прекрасныя, широкія, мраморомъ устланныя улицы, палаты славнѣйшей архитектуры; храмы, въ которыхъ истощились всѣ искуства, чтобы представить величіе Бога во всемъ великолѣпіи; три тріумфальныя арки, театръ съ ложами въ пять ярусовъ, — на все это успѣлъ я лишь взглянуть. Но, вошедъ въ огромнѣйшій амфитеатръ, которымъ Веронцы достойно гордятся, (ибо поправляя его безпрестанно, не попускаютъ времени къ нему коснуться), я мысленно переселился въ тѣ вѣки Рима, ко-

гда 23,484 гражданъ свободно тутъ помѣщались. Сопутникъ мой вызываетъ меня за городъ, чтобы показать тѣ дымящіяся еще кровію мѣста, гдѣ за нѣсколько дней рѣшилась упорнѣйшая битва. На берегу Адижа показывалъ мнѣ Аббатъ пункты, на которыхъ дѣйствовали Австрійцы и Французы; не безъ основанія замѣчалъ ошибки Французскаго Полководца Шерера. Сраженіе сіе достопримѣчательно по превратностямъ воинскаго счастія. Вначалѣ все благопріятствовало Французамъ: ужé хотѣли отворить имъ врата Вероны; но твердость Края восторжествовала: брандеромъ подорванный мостъ пресѣкъ сообщеніе, обратилъ ихъ въ бѣгство, и симъ испроверглось стремленіе ихъ разбить Австрійцевъ еще до прибытія Россійскихъ войскъ. — Здѣсь за городомъ нельзя не восхититься живописнымъ мѣстоположеніемъ Вероны. Величественный Адижъ, протекая посреди, отдѣляетъ Верону отъ Веронетты: онъ служилъ нѣкогда границею между Австріею и Италіею и напояетъ 50000 жителей. Нѣсколько часовъ провелъ я въ сей столицѣ вкуса весьма пріятно. Народъ любезный, трудолюбивой, просвѣщенной.

— Всѣ жители преданы Австрійскому дому, и за то много пострадали. Скажу наконецъ: въ классической Веронѣ начинаешь жить съ древними Римлянами; съ статуями великихъ мужей ихъ бесѣдуетъ путешественникъ; безмолвіе ихъ краснорѣчиво: надъ статуею Александра плакалъ Цезарь, и изъ слезъ сихъ полились по вселенной кровавыя рѣки. О, хладный мраморъ, какъ растопляешь ты сердца!

НѢЧТО ОБЪ ОМЕРѢ.

Съ новымъ восторгомъ читалъ я опять переложеннаго Е. И. Костровымъ и Н. И. Гнѣдичемъ Омера. Не буду говорить, которому изъ нихъ принадлежитъ пальма. Оба обезсмертили себя переводомъ безсмертнаго. Всѣ просвѣщенные народы имѣютъ Омера на своемъ языкѣ; не доставало долго сего отца Поэзіи на нашемъ. Теперь не только желанія всѣхъ ученыхъ, но и народное наше любочестіе удовлетворены въ полной мѣрѣ. И на Сѣверѣ гремитъ сія, Музами самими настроенная лира огненнаго Пинда. Много размышлялъ я о трудностяхъ, предстоявшихъ переводчикамъ — кого же — Омера.

Не довольно глубокаго знанія обоихъ языковъ: надобно, чтобъ переводчикъ былъ Поэтъ — и Греческій и Россійскій, чтобъ умѣлъ переселять на свой красоту, которая, какъ нѣкое невидимое дуновеніе,

ощущается лишь въ твореніи самаго творца. Уже́ давно сказалъ Св. Іеронимъ: (*) „Кто не хочетъ вѣрить, что чрезъ переводъ теряется первородная прелесть оригинала, тотъ да отважится перевесть Омера: все будетъ смѣшно; и первый, краснорѣчивѣйшій и благозвучнѣйшій изъ всѣхъ Поэтовъ сдѣлается даже несноснымъ.“ Я вѣрю Св. Іерониму; ибо я читалъ также Французскаго. Богатство Эллинскаго языка и бѣдность Французскаго — какая противуположность! Что на одномъ сила, то на другомъ безсиліе; и если перевесть значитъ усыновить иноземца, то Омеръ никогда не будетъ жить и пользоваться правомъ гражданства въ скудной Галліи. Всѣ красоты его тамъ поблекнутъ.

Сверхъ безчисленныхъ, онъ, напримѣръ, каждому божеству, каждому герою своему присвоивалъ приличный, украшающій эпитетъ, какъ то: быстроногій Ахиллъ, бѣлоплечая Елена, голубоокая Юнона и проч. Всѣ сіи сложныя слова, на языкѣ Омера — истинныя типла, сопричастныя имени каждаго, по обильности и сходству нашего съ Греческимъ, переведены точно

(*) In Praefac-Chronic.

шакъ; на Французскомъ же теряютъ они всю свою красоту, и не могутъ нравиться, наприм.: Achille aux pieds légers; Helène aux épaules blanches; Junon aux grands yeux bleux; а между тѣмъ всѣ сего рода выраженія живописуютъ. По тому-то Ламоты, Перольты, непостигавшіе неподражаемой гармоніи, тонкой гибкости, идеала, обработаннаго въ совершенствѣ, эстетическаго языка, дерзали находить въ изяществѣ генія какія-то грубыя погрѣшности. Близорукіе хотѣли видѣть пятна въ семъ солнцѣ Эллады! Впрочемъ языкъ Французскій, сынъ Латинскаго, который и самъ никогда не достигалъ той степени оригинальнаго совершенства, на которой блисталъ Греческій. Древній Римъ, подвизаемый ненасытною алчностію ко всеобладанію, устрашалъ непрерывнымъ звукомъ бранной трубы своей робкихъ Музъ, укрывавшихся подъ тихое небо уединеннаго Парнасса (*); самъ, первый, глубокомысленнѣйшій наставникъ Римскаго Краснорѣчія, Квинтиліанъ (**) признаетъ недо-

(*) Смотри жалобы на сіе Тацита, въ жизни Агриколы, гл. 1 и 2.

(**) Qvintiliani Inst. orat. XII, 10.

спаточность своего языка и возносить превосходство Греческаго.

Напротивъ, Славянская Словесность издревле была въ тѣсномъ сношеніи съ отечествомъ Омера, Софокла, Пиндара, Анакреона и Сафы; Христіанская Греція озарила Россію первымъ лучемъ свѣта Евангелія; Священное писаніе и поучительныя слова Боговдохновенныхъ Вины Церкви были преложены съ Эллинскаго на Славянскій; богатства и красоты обоихъ слились вмѣстѣ, и Славяно-Россійскій явился во всемъ блескѣ и величіи. Навсегда переводъ Иліады пребудетъ трофеемъ обоихъ нашихъ Поэтовъ-Литтераторовъ, и памятникомъ достоинства, силы, красоты и богатства Русскаго слова.

Обращуся еще къ Омеру, и скажу: все плѣняетъ въ немъ, даже и простой сей разсказъ: „Несторъ пересталъ говорить, и его еще слушали (*).“

(*) См. 10 пѣснь Иліады:

Ὡς ἔφαθ' οἱ δ' ἅρα πάντες ἀκὴν ἐγένοντο σιωπῇ

Sic dixit, illi vero omnes taciti facti sunt silentio.

Въ заключеніи рѣчи Нестора, въ которой убѣждаетъ Грековъ послать Улисса и Діомида для обозрѣнія Троянской арміи.

Желательно, чтобы наши истинно-ученые обогащали Словесность нашу подобными сокровищами классической древности, лучшими средствами къ усовершенствованію отечественнаго языка. (*) Мы можемъ похвалиться, что вкусъ нашъ, изъ колыбели возникъ съ чудесною быстротою до возмужалости. Какой Пантеонъ знаменитыхъ Писателей представляется уже зрѣнію нашему! Но признаемся, что образцы древности, въ златыя ея эпохи, могли лишь породить таковый феноменъ на нашемъ горизонтѣ. Безъ Омера, Виргилія и Горація не имѣли бы мы Ломоносова и Державина. Подражая великому Омеру, Виргилій возвеличился и самъ, и всѣ вѣки, послѣ Августа, не произвели другаго подражателя.

Желательно также еще, чтобы мы оградили себя отъ наводненія такихъ иностранныхъ книгъ, которыя исказили и нашъ слогъ и нашъ вкусъ. Такъ нѣкогда

(*) Здѣсь любитель Классической древности долженъ съ признательностію упомянуть о трудахъ И. И. Мартынова, которому Отечественная Словесность наша обязана изданіемъ *Греческихъ Классиковъ*, переведенныхъ симъ знатокомъ Греческаго языка и объясненныхъ примѣчаніями ученѣйшихъ толкователей Омера, Пиндара, Софокла, Лонгена, Геродота и другихъ.

Моавитяне отсылали распутныхъ женъ и дѣвъ въ непріятельскій станъ — для развращенія нравовъ.

Противъ сей заразы вооружается Нѣмецкій Писатель Сульцеръ, и я оканчиваю его словами: (*) „въ существѣ „языкъ не что иное, какъ умъ и хорошій „вкусъ, преобразованные въ тѣлесные „знаки. Почему же такое важное дѣло „отдано на произволъ случая, или каждой „сумасбродной головы? Не надлежало ли бы „опредѣлить закономъ наказанія за вся„кое искаженіе искусства? Какимъ обра„зомъ могутъ Изящныя Искусства сдѣ„латься истинно-полезными, когда каж„дому невѣжѣ дана свобода употреблять „ихъ во зло?“

(*) Sulzer in der Allg. Theorie der schönen Künste. Art Künste. S. 63.

О ПРИЧИНѢ

УСПѢХОВЪ РОССІИ ВЪ ВОЙНѢ 1812 года.

Ни одна война, можетъ быть отъ самыхъ отдаленныхъ временъ, когда горестная необходимость принудила человѣка къ подъятію въ первый разъ оружія противъ себѣ подобнаго, — ни одна война, въ сравненіи съ войною Императора Александра I-го противъ Наполеона Бонапарте, въ 1812 году, не имѣла столь важныхъ, непонятныхъ, рѣшительныхъ дѣйствій, столь вѣрно исчисленныхъ ихъ слѣдствій, столь неожиданныхъ для Свѣта переворотовъ и столь неправильныхъ о себѣ сужденій. Умы, пораженные чрезвычайностію обстоятельствъ, дѣлали заключеніе о совершавшихся происшествіяхъ, оставляя безъ изслѣдованія ихъ цѣль, и съ слѣпымъ отчаяніемъ преждевременно спѣшили предсказывать конецъ

противный тому, который послѣ еще болѣе поразилъ ихъ. Молва простерла владычество свое надъ истиною событій, предоставляя потомству произнести о нихъ справедливый приговоръ свой... Единые только опыты прошедшихъ вѣковъ и дѣяній великихъ Мужей, незадолго еще до 1812-го года украшавшихъ собою наше отечество, возвѣщаютъ и намъ приговоръ сей, открываютъ истинную причину успѣховъ Россійскаго оружія въ 1812-мъ году. Я не имѣю намѣренія дѣлать своихъ заключеній о ихъ причинѣ; но желалъ бы представить безпристрастнымъ взорамъ обстоятельства, которыя могутъ вести насъ къ справедливымъ о ней заключеніямъ.

Можемъ сказать безъ всякаго сомнѣнія, что къ безопасности Россіи и къ освобожденію всей Европы, при наступленіи войны 1812-го года, надлежало разрѣшить вопросъ: какимъ образомъ нанести совершенное пораженіе Наполеону Бонапарте, который велъ къ предѣламъ воевавшей съ Турціею и Персіею Россіи войска болѣе нежели двадцати Европейскихъ народовъ, — состоявшія, по показанію самихъ Французовъ, изъ четырехъ-сотъ

шестидесяти тысячь человѣкъ, съ тысячью двумя-стами артиллерійскихъ орудій, кромѣ Австрійскихъ войскъ. Ужасное вооруженіе, дерзость честолюбивѣйшаго изъ всѣхъ завоевателей, духъ предводительствуемыхъ имъ Французовъ, для которыхъ смертоносная война сдѣлалась необходимою стихіею, все ясно обнаруживало страшное для рода человѣческаго намѣреніе — разрушить Россійскую Имперію!

Непріязненное расположеніе къ Россіи всѣхъ Государствъ на Югѣ и Юго-западѣ отъ Каспійскаго до Бальтійскаго моря, неизвѣстность мѣста рѣшительнаго нападенія Бонапарте и ненарушенный еще миръ съ нимъ, раздѣляли по необходимости Россійскія войска на обширномъ пространствѣ, ограничивая ихъ дѣйствія одними только наблюденіями. Наконецъ вѣроломное вторженіе въ предѣлы Россіи, безъ всякаго объявленія войны, безъ предварительнаго уничтоженія мирныхъ договоровъ, возвѣстило, какими способами Наполеонъ готовъ былъ достигать своей цѣли: война достопамятнѣйшая въ лѣтописяхъ міра воспламенилась какъ едва примѣтная

искра, — торжество Россіи началось ея преждевременнымъ сѣтованіемъ. Непріятель встрѣчалъ пораженіе свое какъ блистательный для себя тріумфъ, — его истребленіе совершалось уже прежде, нежели отверсты были жерла Россійскихъ пушекъ; но мы, переносясь мысленно къ 1812-му году, читаемъ на лицахъ печальное негодованіе, безмолвно выражающее: *для чего оружіе не поражаетъ враговъ нашихъ*, и спокойное размышленіе настоящаго времени намъ отвѣтствуетъ на сіе:

Государи и Правительства, мирно и законно владычествующіе надъ своими народами, пріемлютъ оружіе, какъ единственное средство къ сохраненію взаимныхъ правъ, и щадя кровь своихъ подданныхъ при первомъ рѣшительномъ наклоненіи на одну сторону военнаго счастія, готовы возстановить между собою прочный вожделѣнный миръ; сей перевѣсъ бываетъ единственною цѣлію ихъ войны для достиженія необходимости согласиться во взаимныхъ выгодахъ, и самая ведущая къ сему война бываетъ умѣренною борьбою военныхъ по большой части равныхъ силъ, умножаемыхъ или уменьшае-

мыхъ искуствомъ полководцевъ и другими обстоятельствами. Сраженія, взаимныя нападенія, отступленія и хитрости бываютъ въ такомъ случаѣ обыкновенными военными способами.

Но способы сіи могутъ ли быть достаточны противъ завоевателя, который приготовляясь къ покоренію народа и поставляя себя внѣ круга всѣхъ обыкновенныхъ дѣйствій, полагаетъ основаніе своихъ успѣховъ въ чрезмѣрности силъ и съ непримиримою враждою идетъ для уничтоженія самобытнаго существованія Государства? Если бы искуство Полководца, соединяясь съ храбростію нашихъ войскъ, едва равнявшихся числомъ своимъ четвертой части всѣхъ непріятельскихъ силъ, и могло положить преграды ихъ стремленію, то нѣсколько побѣдъ, одержанныхъ нами, скоро истребили бы наши арміи и, вмѣсто старыхъ солдатъ, надлежало бы противупоставить тому же непріятелю въ тактической войнѣ набранныхъ рекрутъ; надлежало бы, удаляя народную войну, сей единственный вѣрный способъ противъ неукротимаго завоевателя, жертвовать народомъ, для котораго не оставалось бы болѣе никакой

опоры. Если бы даже наши войска, послѣ многихъ кровопролитныхъ сраженій, остались совершенными побѣдителями, то и тогда ихъ блистательная, величайшая побѣда состояла бы только въ отраженіи неутомимаго врага. При чрезвычайной цѣли счастливаго завоевателя и при тѣхъ вѣрныхъ средствахъ, которыя онъ для ея достиженія имѣетъ въ своей власти, надлежитъ предпринимать противъ него столь же вѣрное чрезвычайное, — и дальновидный взоръ полководца начертываетъ способъ дѣйствій, основанный на опытахъ; посреди настоящихъ препятствій къ пораженію непріятеля, съ дѣятельною твердостію приготовляетъ не для многихъ понятнымъ способомъ блистательную славу побѣдъ надъ нимъ въ послѣдствіи. Такъ мудрый Фабій, уклоняясь безпрестанно отступательными движеніями отъ сраженій съ счастливымъ Аннибаломъ, приготовляя вѣрныя надъ нимъ побѣды, сдѣлался предметомъ недоумѣнія Рима, который въ заблужденіи потерялъ наконецъ довѣренность къ нему, и даже власть искуснѣйшаго изъ военачальниковъ отдалъ Минуцію Феликсу!

Такъ торжеству Помпея и Рима надъ честолюбивымъ сильнымъ Митридатомъ, Царемъ Понта, предшествовалъ геній Лукулла, который приступилъ къ побѣжденію неукротимаго завоевателя голодомъ, болѣзнями, личною неустрашимостію въ сраженіи съ его войсками, въ нѣсколько разъ пропивъ себя превосходнѣйшими, и наконецъ предоставивъ собрать лавры, имъ насажденные любимцу Рима, Помпею, увидѣлъ въ награду себѣ неблагодарность соотечественниковъ, отказавшихъ ему въ тріумфахъ! — Для всѣхъ еще памятно, что Петръ Великій началъ побѣду свою надъ могущественными силами Карла XII-го отступленіемъ въ собственномъ своемъ Государствѣ, — привелъ Россію къ Полтавскому сраженію — опустошеніемъ ея владѣній и тріумфами своего изступленнаго врага.

Обозрѣвая войну 1812-го года, мы видимъ въ ней два періода, раздѣленные эпохою плѣненія Москвы, содѣлавшіеся причиною и слѣдствіемъ; и важность перваго изъ нихъ должна опредѣлена быть важностію послѣдняго.

Никто не опровергнетъ истины, что пораженіе въ 1812-мъ году многочи-

сленныхъ войскъ Наполеона произошло отъ двухъ главныхъ причинъ: *первое* отъ обстоятельствъ его похода къ Москвѣ, совершенно противныхъ намѣреніямъ, которыя онъ имѣлъ, и *второе* отъ необходимости его пребыванія въ срединѣ ополченнаго народа безъ малѣйшихъ по времени и положенію нужныхъ пособій. Рѣшительныя въ послѣднюю его войну до 1812 года съ Австріею преждевременныя для выгодъ Австрійцевъ сраженія при Ландсгутѣ, Экмюлѣ, Регенсбургѣ и Ваграмѣ льстили его надеждою кончить войну и съ Россіею быстротою и рѣшительнымъ пораженіемъ войскъ Россійскихъ, которыя частями представлялись взорамъ его, какъ неизбѣжныя жертвы; но соединеніе корпусовъ первой Западной арміи въ Бельмонтѣ, при внезапномъ вѣроломномъ нападеніи многочисленнаго непріятеля, съ значительною для него потерею, сдѣлалось первымъ залогомъ будущихъ надъ нимъ побѣдъ. Оборонительное состояніе Югозападной линіи лишило его завоеваній, которыя будучи удалены отъ средствъ народной войны представили бы ему выгоды утвердиться въ укрѣпленіяхъ

сей стороны и сдѣлать еще болѣе вреда политическимъ отношеніямъ Россіи.

Столь важныя неудачи первыхъ дѣйствій Наполеона заставили его устремиться къ уничтоженію соединенія первой Западной арміи со второю, завоеваніемъ области между Двиною и Днѣпромъ и ускореніемъ взятія Минска, послѣ чего подавленіе каждой изъ раздѣленныхъ армій представлялось неизбѣжнымъ для его воображенія; и въ самомъ дѣлѣ взятіе Минска, предупредившее вступленіе туда второй Западной арміи, способствовало уже его намѣренію; но Главнокомандующій первой Западной арміи, проникнувъ и сіе намѣреніе, съ быстротою явился въ Витебскѣ, предоставивъ оборону сѣверозападныхъ губерній двадцати-пяти-тысячному корпусу Графа Витгенштейна; и имѣя единственною цѣлію соединеніе армій, рѣшился здѣсь для облегченія дѣйствій въ достиженіи сей цѣли прочихъ Россійскихъ войскъ, обратить на себя всѣ многочисленныя непріятельскія силы: отражалъ въ теченіе трехъ дней передовыми войсками ихъ нападеніе, — наконецъ, построивъ всю армію въ боевой порядокъ, принявъ видъ и разсѣявъ слухъ, что здѣсь

назначено общее сраженіе, заставилъ Наполеона собрать на семъ мѣстѣ всѣ силы, призвать изъ Могилева корпусъ Даву, который оставилъ тамъ только пятьнадцать тысячь, способствовалъ походу второй Западной арміи на Рогачевъ, — и исполнивъ предпріятіе въ привлеченіи къ одному мѣсту всѣхъ силъ непріятеля, обольстивъ его ложною надеждою на общее сраженіе, исчезъ передъ его глазами въ то время, какъ онъ устремлялъ ужѣ къ побѣдѣ свое многочисленное оружіе. Слѣдствіемъ сихъ дѣйствій было славнѣйшее въ военной Исторіи соединеніе, 21-го Іюля 1812 года, армій въ Смоленскѣ, отвлеченіе подкрѣпленія отъ корпуса Маршала Удино, который наконецъ пораженъ былъ побѣдоноснымъ мечемъ Графа Витгенштейна — и спасеніе войскъ, сдѣлавшихся послѣ опорою и средоточіемъ народной войны.

Подвиги столь же знаменитые, сколь славно для Россіи окончаніе сей достопамятной войны!

Для счастливаго исполненія отважныхъ, дально-видныхъ предположеній, которыя могъ начертать одинъ только великій рѣшительный духъ, суждено бы-

ло Провидѣніемъ, чтобы Наполеонъ, сей Геній брани, не предвидѣлъ ихъ въ своемъ ослѣпленіи.

Слѣдующія мѣста, заимствованныя изъ описанія войны 1812 года, изданнаго въ Парижѣ находившимся подъ начальствомъ Вице-Короля Итальянскаго эскадроннымъ начальникомъ Лабомомъ, заслуживаютъ въ этомъ отношеніи наше особенное любопытство:

Книга II, стр. 53 — 55: „Безпрестан„ное отступленіе Россійскихъ армій изъ„ясняемо было различнымъ образомъ. Од„ни почитали это слѣдствіемъ слабости; „другіе же смотрѣли на это, какъ на ис„полненіе прежде-обдуманнаго плана. Гдѣ „тѣ Россіяне, говорили со всѣхъ сторонъ, „которые въ теченіе пятидесяти лѣтъ „содѣлались страхомъ Европы и завоева„телями Азіи? Могущество Россіи есть „вымышленное наятыми Писателями „или ложными путешественниками. Оно „существовало въ одномъ только вообра„женіи, и ослѣпленіе исчезло въ минуту „нашего въ нее вторженія.“ Но тѣ, которыхъ опытность научила ожидать всего отъ будущаго, отвѣчали, „что неблагоразумно презирать непріятеля, не

„имѣвъ съ нимъ сраженія; что безъ со-
„мнѣнія его отступленіе исчислено для
„уменьшенія нашихъ силъ и лишенія насъ
„способовъ возобновлять ихъ безпрестан-
„нымъ удаленіемъ насъ отъ нашего отe-
„чества. Въ стихіяхъ, говорили сіи бла-
„горазумные люди, Московитяне полага-
„ютъ свое сильнѣйшее вспомоществова-
„ніе, и для чего было бы имъ сражать-
„ся, если они знаютъ, что зима прину-
„дитъ насъ оставить всѣ наши завоева-
„нія.“

О трехдневныхъ отраженіяхъ Французскихъ войскъ при Витебскѣ, о намѣреніи Россіянъ дать общее сраженіе здѣсь и о чудесномъ отступленіи, что все по распоряженіямъ Главнокомандующаго совершено первою Западною арміею, едва можетъ быть равнявшеюся седьмой части всѣхъ непріятельскихъ войскъ, Лабомъ пишетъ слѣдующее:

Книга II, стр. 67 — 76. „Мы, каза-
„лось, имѣли хорошія наблюденія за на-
„шимъ правымъ крыломъ, какъ вдругъ
„услышали внезапное нападеніе и ужасные
„крики въ серединѣ войска и на лѣвомъ
„крылѣ: непріятель, приступивъ въ боль-
„шомъ количествѣ, выгналъ изъ лѣсу на-

„шихъ стрѣлковъ и принудилъ съ поспѣш-
„ностію отступить нашу артиллерію,
„между тѣмъ какъ Русская конница вос-
„пользовалась случаемъ занять неболь-
„шую долину, находившуюся на лѣвомъ
„крылѣ, для сильнѣйшаго нападенія на
„Кроатовъ и 84-й полкъ.

„Русскіе, засѣвшіе въ лѣсу, противу-
„поставили сильнѣйшее сопротивленіе
„92-му полку, который хотя и находил-
„ся на выгодномъ возвышеніи, но оста-
„вался въ бездѣйствіи. На другой день съ
„разсвѣтомъ наши войска двинулись къ
„Витебску. Русскіе, отступая къ сему
„городу, сдѣлали по насъ нѣсколько пу-
„шечныхъ выстрѣловъ, съ небольшимъ
„впрочемъ для насъ вредомъ. Потомъ они
„расположились подлѣ города на большой
„долинѣ, черезъ которую идутъ всѣ до-
„роги. Съ возвышенія, нами занятаго, ясно
„можно было видѣть непріятельскіе ря-
„ды, и особливо его многочисленную кон-
„ницу, стоявшую въ боевомъ порядкѣ на
„предѣлахъ долины.

„Увѣренность, съ которою Русскіе
„занимали свое мѣстоположеніе и соеди-
„неніе большой части нашихъ войскъ въ
„одно мѣсто, заставляли насъ предуга-

„дывать, что слѣдующій день посвя-
„щенъ будетъ общему сраженію; но какъ
„велико было изумленіе наше, когда мы
„рано поутру на другой день узнали, что
„непріятель совершилъ свое отступле-
„ніе. Все войско, исключая Императорскую
„гвардію, оставшуюся въ Витебскѣ, гдѣ,
„казалось, Императоръ хотѣлъ дневать,
„пустилось преслѣдовать непріятеля.

„Слѣдуя за передовыми войсками, мы
„изумлены были совершеннымъ поряд-
„комъ, съ которымъ Графъ Барклай-де-
„Толли оставилъ свое мѣстоположеніе:
„мы бродили во всѣ стороны по обшир-
„ной равнинѣ и не могли найти никакого
„знака его отступленія: ни одной остав-
„ленной повозки, ни одной мертвой ло-
„шади, ни одного даже слѣда, который
„показалъ бы намъ взятое непріятелемъ
„направленіе.“ (*)

Наконецъ обратимъ взоры свои къ освященнымъ древностію стѣнамъ Смоленска! Великій Полководецъ, какъ гражданинъ и вѣрный сынъ отечества, по чувствованіямъ своимъ готовъ умереть съ оружіемъ на ступеняхъ отечествен-

(*) О сихъ-то обстоятельствахъ можно сказать по всей справедливости: *Французъ шелъ ощупью.*

наго храма, къ которымъ не касалась еще нога непріятеля его отечества; но онъ, какъ Полководецъ, считаетъ обязаннымъ себя дѣйствовать не внимая чувствованіямъ, по совѣтамъ только своего разсудка, и съ холодностію оставляетъ непріятелю священную Москву — для защищенія деревни Леташевки.

Удержаніе Смоленска не могло быть въ предположеніяхъ Полководца, по слѣдующимъ причинамъ: не смотря на всѣ пораженія, нанесенныя непріятелю Россійскими войсками въ ихъ отступленіи, на разбитіе, вскорѣ по соединеніи армій, Графомъ Платовымъ корпуса Себастіяни, на отдѣленіе оставшейся части непріятеля противъ Графа Винтгенштейна — Наполеонъ все еще имѣлъ у себя болѣе двухъ-сотъ двадцати тысячь войска, между тѣмъ, какъ Россійская армія по соединеніи имѣла неболѣе ста десяти тысячь человѣкъ. При столь неравныхъ силахъ противно было бы принятому уже образу дѣйствій отважиться на общее сраженіе, для котораго предусмотрительность Полководца не могла оставить безъ уваженія усиленія своей арміи новыми вспомоществованіями и ослабле-

нія непріятельской новымъ отдаленіемъ отъ источника его пособій, затрудненіями новыхъ походовъ, безпрестанно уменьшавшихъ его силы, по причинѣ болѣзней и недостатка въ съѣстныхъ припасахъ. Но — подъ стѣнами Смоленска, надлежало еще совершить важный, знаменитый подвигъ: Наполеонъ, сдѣлавшись нетерпѣливѣе и рѣшительнѣе, перешелъ всѣми соединенными силами на лѣвый берегъ Днѣпра, имѣя преимущественною цѣлію отрѣзать отъ Московской дороги Россійскую армію, которой главныя силы находились на правомъ берегу: въ сихъ обстоятельствахъ надлежало одною частію Россійскихъ войскъ удержать дальнѣйшее стремленіе Наполеона, что бы между тѣмъ другою частію оныхъ ускорить занятіе большой Московской дороги. Побѣдоносная первая Западная армія, въ числѣ семидесяти-шести тысячь, подъ начальствомъ своего Главнокомандующаго, рѣшилась противустать двумъ-стамъ-двадцати тысячамъ непріятеля, который отраженъ былъ (*); вторая Западная армія заняла между тѣмъ назначенное ей мѣсто-

(*) Въ семъ сраженіи резервъ, состоявшій изъ гренадеровъ, гвардіи и кирасировъ, не участвовалъ.

положеніе и первая Западная армія должна была поспѣшить къ соединенію съ нею, оставляя истребленный уже сраженіемъ Смоленскъ.

Послѣ сего съ новымъ отступленіемъ всей Россійской арміи, ослабленіе непріятельскихъ войскъ усугубилось: ибо они, кромѣ безпрестаннаго урона въ сраженіяхъ съ нашими легкими войсками, должны будучи питаться пареною рожью и лошадинымъ мясомъ, сдѣлались добычею болѣзней. Напротивъ того, Россійскія войска приближились къ своимъ подкрѣпленіямъ, которыя подъ начальствомъ Генерала Милорадовича, вызваннаго Главнокомандующимъ первой Западной арміи изъ Калуги, находились близъ Гжатска.

Въ сихъ-то мѣстахъ, начиная съ селенія Царево-Займище, Полководецъ, идущій по слѣдамъ Фабія, имѣлъ случай совершать послѣдніе подвиги къ пораженію Наполеона, къ начатію народной войны, къ собранію лавровъ, имъ насажденныхъ, — и свѣту предоставлено было бы воззрѣть, сколь бы велики сдѣлалъ онъ для сего послѣднія жертвы. Но судьба вручила ихъ жребій Князю Голенищеву-Кутузову-Смоленскому, который лучшимъ

призналъ продолжать отступательное движеніе къ Москвѣ, давъ общее сраженіе при селеніи Бородинѣ.

Если въ сей ужасной битвѣ Россійская армія, соединившаяся съ подкрѣпленіями, столь славно пропивуспала въ числѣ ста тысячь, не менѣе какъ ста-осьмидесяти тысячамъ непріятельскихъ войскъ, — если она, совершивъ многотрудные походы для обезсиленія до сей степени непріятеля, опраженіемъ его при Бородинѣ доказала, что сама сохранила всю свою силу, устройство и порядокъ, — и если знаменитый Полководецъ, которому судьбою послѣ ниспослано было счастіе окончить сію войну, рѣшился для продолженія отступленія пожертвовать Москвою, — то не очевидно и, что пріумфъ надменнаго непріятеля были его истиннымъ пораженіемъ, которое совершено съ войскомъ неравнявшимся его четвертой части, — что сіе малочисленное войско, собранное изъ разсѣянныхъ частей подъ устремленіемъ на нихъ многочисленныхъ непріятельскихъ ударовъ сохранено въ силѣ, порядкѣ и устройствѣ бдительными и прозорливыми распоряженіями и что отступа-

тельныя движенія съ самаго начала войны были не что иное, какъ исполненіе дальновидныхъ великихъ о ней предположеній, для которыхъ другой знаменитый Полководецъ не остановился сдѣлать гораздо важнѣйшія жертвы.

Но сего недовольно: видя во второмъ періодѣ войны 1812 года, что Наполеонъ, посреди народныхъ ополченій, совершенно лишенъ былъ подкрѣпленій; что самая Австрійская армія, входившая въ составъ его вооруженія противъ Россіи, осталась безполезною для него, — мы еще болѣе должны убѣдиться въ глубокой дальновидности всеобщаго плана, по которому оставлены были запасныя войска на Россійскихъ границахъ. Наконецъ соединеніе арміи, возвратившейся изъ Турціи съ войскомъ Графа Витгенштейна не было ли исчислено тою же дальновидностію для пораженія, или — точнѣе сказать, для совершеннаго истребленія спасающагося непріятеля?

Вотъ причины, по моему мнѣнію, тѣхъ происшествій, которыя изумили Свѣтъ и содѣйствовали въ послѣдствіи увѣнчанію славы Россійскаго оружія.

Конецъ.

Deacidified using the Bookkeeper proces
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: FEB 2002
PreservationTechnologie
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATI
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS

0 009 203 695 9